

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Международная научная конференция,
посвящённая 60-летию кафедры
китайского языка*

*2 ноября 2021 г.
г. Чита*

Чита
ЗабГУ
2021

УДК 811.581(082)

ББК 81.711я43

ББК Ш171.я43

К 451

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия Забайкальского
государственного университета

Редакционная коллегия

Е. А. Юйшина (отв. редактор), зав. кафедрой
китайского языка

С. В. Науменко, доцент кафедры китайского языка

В. Н. Соловьёва, доцент кафедры китайского языка

А. Н. Булдыгерова, ст. преподаватель кафедры
китайского языка

**Китайский язык: лингвистические и методические
аспекты** : материалы международной научной конферен-
ции, посвящённой 60-летию юбилею кафедры китайско-
го языка / Забайкальский государственный университет ;
ответственный редактор Е. А. Юйшина. – Чита : ЗабГУ,
2021. – 215 с.

ISBN 978-5-9293-2905-0

В сборнике представлены материалы докладов преподавателей вузов, учителей школ с изучением китайского языка, а также воспоминания учителей и преподавателей, стоящих у истоков формирования кафедры китайского языка ЗабГУ. Доклады подготовлены в рамках международной научно-практической конференции «Китайский язык: лингвистические и методические аспекты» (2 ноября 2021 г.), посвящённой 60-летию юбилею кафедры. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам лингвистики, литературоведения, методики обучения иностранным языкам и литературе в вузе и школе, теории и практики межкультурной коммуникации.

Издание представляет интерес для специалистов в области китайского языка и методики его преподавания, а также для студентов, магистрантов, аспирантов филологических и лингвистических специальностей.

УДК 811.581(082)

ББК 81.711я43

ББК Ш171.я43

ISBN 978-5-9293-2905-0

© Забайкальский государственный
университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
--------------------------	---

Актуальные вопросы китайской лингвистики

<i>Емельченкова Е. Н.</i> Категории предикатива в китайском языке	8
<i>Кочеткова О. М.</i> Лексема как сложное структурное образование: подходы к определению понятия лексического значения слова	19
<i>Науменко С. В., Цзоу Хун.</i> Грамматические особенности последовательно связанных предложений в китайском языке	28
<i>Пляскина Е. А.</i> Концепт «дракон/龍 <i>lóng</i> » в китайской лингвокультуре: традиции и современность	36
<i>Соктеева О. Ц., Цзоу Хун.</i> Изменения тонов в китайском языке	46
<i>Шмарова Ж. В.</i> Мемориальные ойконимы в Китайской Народной Республике	51
<i>Юйшина Е. А.</i> Этимология идеографической категории иероглифов	59

Китайская литература, культура и межкультурная коммуникация

<i>Богодухова Е. Е.</i> Межкультурные коммуникации в пространстве России и Китая	67
<i>Ван Цзылун.</i> Анализ развития литературы национальных меньшинств на примере литературы дауров	72
<i>Гун Юй.</i> Современные традиционные фестивали: Фестиваль поклонения местным духам в Морин-Дава-Даурском автономном хошуне и Фестиваль подлёдной рыбалки	81
<i>Митькина Е. И.</i> Теоретические статьи журнала «Мир детектива» (1923–1924)	88
<i>Се Хуэйтин.</i> Китайско-монгольско-российское культурное, спортивное и туристическое сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь»	98
<i>Сундуева Б. М.</i> Особенности перевода мифологических реалий в поэме Цюй Юаня «Ли Сао»	103
<i>Юйшин М. А., Цуй Хунхай.</i> Понятие «лицо», чувство иерархии и культ грамотности в Китае	110

История и методика преподавания китайского языка в школе и вузе

Булдыгерова А. Н. Научно-исследовательская деятельность студентов как важный элемент профессиональной подготовки (опыт моделирования маршрута НИР)	121
Воропаев Н. Н. Как оптимизировать заучивание китайских иероглифов и слов российскими школьниками и студентами	132
Певнева В. А. Особенности обучения тональной системе китайского языка	147
Соктоева О. Ц. Воспоминания о наших учителях	154
Соктоева О. Ц., Куюмджян А. Ю. Из истории преподавания китайского языка в Многопрофильной языковой гимназии № 4	171
Соктоева О. Ц., Науменко С. В., Соловьева В. Н. История преподавания китайского языка в России (к юбилею кафедры китайского языка)	182
Соловьева В. Н. Преподавание дисциплины «Литература Китая»	196
Харлова М. Г. Трудности в изучении китайского языка учащимися среднего звена и способы успешного обучения китайскому языку	202
Сведения об авторах	213

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Уважаемый ректор С. А. Иванов!

По случаю 60-летия кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета, от имени генерального консульства КНР в г. Иркутске, свидетельствую Вам свое искреннее уважение и сердечно поздравляю Вас с 60-летием образования кафедры.

За 60 лет своей работы кафедра прошла большой и славный путь, стала одним из лидеров в сфере преподавания китайского языка в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь было подготовлено большое количество высококвалифицированных китаистов, которые работают в разных сферах, и как говорят в Китае: «Во всех уголках страны имеются ученики и воспитанники».

Желаю кафедре новых академических свершений, а университету – дальнейшего развития и процветания!

Генеральное консульство Китайской Народной Республики
в г. Иркутске

Консул по образованию Генерального Консульства КНР
в г. Иркутске Чжан Сяодун

贺信

尊敬的伊万诺夫 С. А. 校长!

值此后贝加尔国立大学历史语文系汉语教研室成立60周年之际, 谨代表中华人民共和国驻伊尔库茨克总领事馆, 向您致以崇高敬意并向教研室成立60周年表示热烈祝贺!

60年来, 教研室走过了一条伟大而光荣的道路, 成为了东西伯利亚和远东地区汉语教学方面的佼佼者, 培养了大量汉学家, 他们工作在各领域, 可谓»桃李满天下«。

祝愿教研室取得新的学术成就!

祝愿后贝加尔国立大学繁荣发展!

中华人民共和国驻伊尔库茨克总领事馆
教育领事 张晓东

Уважаемый Сергей Анатольевич Иванов!

В связи с 60-й годовщиной создания кафедры китайского языка для меня большая честь выразить самые теплые поздравления вам, а через вас – всем преподавателям и студентам этой кафедры!

За последние 60 лет кафедра китайского языка подготовила множество специалистов, которые работают в Китае, России и во многих уголках мира. Ими была проделана чрезвычайно эффективная работа в установлении дружбы и благополучия народов Китая и России, а также для всестороннего развития общества. Благодаря этому кафедра китайского языка имеет высокую оценку во всем мире. Это результат совместной тяжелой работы всех профессоров и преподавателей под вашим руководством.

Я искренне желаю, чтобы Ваш университет и кафедра китайского языка добились больших побед в своей будущей образовательной работе и внесли неоценимый вклад в счастливую жизнь наших двух народов и мир во всем мире!

Пользуясь случаем, хочу вспомнить своих давних друзей по Читинскому педагогическому университету: уважаемый Валерий Павлович Горлачев, Валентина Степановна Петухова, Елена Александровна Юйшина, выражаю им свою искреннюю признательность и наилучшие пожелания.

Почетный член Китайской академии общественных наук,
профессор Лю Куйли

尊敬的谢尔盖·阿那托里也维奇·伊万诺夫校长！

值此贵校汉语教研室成立60周年华诞，我十分荣幸，谨向您并通过您向汉语教研室的全体教师以及全体同学，表示最热烈的祝贺！

60年来，汉语教研室培养了众多弟子，出现了一大批杰出人才。他们工作在中俄两国和世界的许多角落。他们为中俄两国人民的友谊和福祉，以及社会的全面发展，做了大量的极有成效的工作。贵校因此而在世界范围内获得了极高的赞誉。这是您和您领导的所有教授和教师集体辛勤奉献的结果。

我衷心祝愿贵校以及贵校的汉语教研室，在今后的教育工作中，取得更大的胜利，为我们两国人民的幸福生活、为世界和平做出更大贡献！

借此机会，我向介绍我认识汉语教研室的几位朋友-尊敬的瓦列里·巴夫罗维奇·高尔拉乔夫、尊敬的瓦连吉娜·斯切潘诺夫娜·别杜霍娃、尊敬的叶琳娜·亚历山大罗夫娜·尤申娜表示最诚挚的谢意和最美好的祝愿。

中国社会科学院荣誉学部委员刘魁立

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.581

ББК 81.711 С38, 81.2Кит-9(5Кит)

Категории предикатива в китайском языке

Е. Н. Емельченкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

В докладе обсуждается набор категорий, актуальных для описания глагольной системы китайского языка. Имея довольно скудную глагольную морфологию, китайский язык использует целый ряд иных средств, значимость которых для формирования семантики предложения варьируется. В целом в системе КЯ значения модальности, вида, времени, а также отрицания следует анализировать на сентенциальном уровне, поскольку определенный вес здесь имеют не только синтетические и аналитические средства выражения значений, но зачастую и лексическое окружение может вызывать значительный семантический сдвиг. Представляется актуальным рассмотрение ТАМ-категорий (время, вид, модальность) во взаимодействии, отдельное внимание уделено обсуждению включения в этот набор результативности, представляющей довольно актуальное для китайского языка явление. Именно грамматикализация показателей результативности привела к появлению глагольной морфологии в данной системе.

Ключевые слова: *китайский язык, грамматика китайского языка, предикатив, глагольные категории, ТАМ-категории, грамматикализация*

Categories of Predicative Words in Chinese

E. N. Emelchenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The paper discusses categories relevant to the description of the verb system in the Chinese language. With a rather poor verbal morphology, Chinese uses a variety of other means, the significance of

which for a sentence semantics varies. In general, the interaction of Modality, Aspect and Tense, as well as Negation in Chinese, should be analyzed at the sentential level, since not only synthetic and analytical means have a certain weight, but often a lexical environment can cause a significant semantic shift. Besides TAM categories (Tense, Aspect, Modality) a category of Result is of an ultimate importance in the Chinese verbal system. It was the elements expressing the resultative meaning that led to the emergence of verb morphology in the system.

Keywords: *Chinese, Chinese grammar, grammatical change, grammatical category of verb, verbal meaning, TAM categories, grammaticalization*

Применительно к глагольной системе китайского языка (КЯ) складывается парадоксальная ситуация, когда «грамматическое описание» содержит крайне мало из того, что традиционно описывают грамматики других, преимущественно агглютинативных и флективных языков. Если быть точным, описываемые явления не являются грамматическими категориями в традиционном понимании, предполагающем существование «систем противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [1].

Инструментарий, выработанный на морфологически богатых языках, в приложении к анализу изолирующих языков, либо дает недостоверный результат, находя в системе то, чего в ней нет, например, падежи существительных или прошедшее время глагола, либо искажает представления о тех явлениях, которые все-таки здесь имеются. Значения, которые в других языках выражают граммы грамматических категорий, в КЯ тоже имеются, но существуют они не в рамках классических грамматических категорий, а как отдельные показатели, функционирующие самостоятельно, не в рамках формализованных парадигм. Такие необязательные, но регулярно выражаемые значения в современной лингвистике принято трактовать как «квазиграммы» [2; 3].

Обсуждаемые значения в рамках данной системы оказываются актуальны не только для глаголов, поскольку, как отмечал еще в середине XX в. А. А. Драгунов, способность называть некую ситуацию и выступать бессвязочным сказуемым в предложении обнаруживается в КЯ и у прилагательных, в связи с чем эти две части речи вполне могут объединяться в одну более общую категорию –

метакласс предикативов [4, с. 10], аналогично тому, как в русском языке прилагательное вместе с существительным и числительным объединяется в метакласс имен. Сказанное ниже в значительной мере приложимо не только к глаголам, но и к прилагательным в КЯ, поэтому речь скорее следует вести о наборе предикативных категорий в данной системе.

В отличие от русского глагола, у которого насчитывается семь грамматических категорий (ряд специфических глагольных (наклонение, вид, время, залог) и несколько неспецифических (лицо, число, род)), набор значений, реализуемых у предикативов в КЯ, будет гораздо скромнее. Здесь отсутствуют категории лица, числа, рода, реализация же все-таки имеющихся значений имеет свою специфику.

Наклонение как грамматическая категория выражает отношение называемой ситуации к действительности. В русском языке, не очень богатом с точки зрения возможностей данной категории, принято выделять три наклонения – изъявительное, сослагательное и повелительное. В КЯ наклонение как грамматическая категория отсутствует вообще. Это не означает, что мнение говорящего относительно реальности/ возможности/ невозможности называемой им ситуации, обычно квалифицируемых как типичные значения наклонения, в этом языке выразить нельзя. Мнение говорящего о ситуации может передаваться различными разноуровневыми средствами КЯ, которые не встроены в четкую парадигму или ряды противопоставленных словоформ, как это имеет место в русском языке. Здесь эти средства объединяются по признаку наличия общекатегориального значения модальности.

В КЯ модальность представляет собой функционально-семантическую категорию, выражающую отношение говорящего к ситуации, ее оценку или представляя ее как реальную, гипотетически возможную или ирреальную, и охватывает широкий круг неоднородных значений. Реализация соответствующей семантики может обеспечиваться лексическими средствами языка – модальными словами (1) и модальными глаголами (2), грамматически – через оформление предикатива служебными морфемами, статус которых в системе по-разному трактуется в синологии (варьируясь от аффиксального до отнесения их к служебным словам) (3) или на синтаксическом уровне употреблением особых синтаксических конструкций в предложении (4). Все эти средства, как представляется,

следует описывать как функционально-семантические эквиваленты граммем наклонения, но не соответствующую грамматическую категорию в традиционном ключе.

(1) 如果他没有受伤，一定是最好的中锋。

Rúguǒ tā méiyǒu shòu shāng,

CONJ 3Sg.M NEG получить травма

Yīdìng shì zuì hǎo de zhōngfēng

Непременно COP DEGR хороший ATR центрровой

‘Если бы он не был (тогда) травмирован, непременно бы стал лучшим центровым’.

(2) 如果有家人感染，请大家一定要上报。

Rúguǒ yǒu jiārén gǎnrǎn,

CONJ иметься родственник заразиться

Qǐng dàjiā yìdìng yào shàngbào

IMPR все непременно MOD сообщить

‘Если будут заразившиеся родственники, просим всех обязательно сообщать (об этом)’.

(3) 他在说什么呢？我听不见。

Tā zài shuō shénme ne?

3Sg.M PROGR говорить что PTCL

Wǒ tīng-bù-jiàn

1Sg слушать-NEG-RES

‘Что он там говорит? Мне не слышно’.

(4) 别胡闹吧！

Bié húnào ba!

PROH безобразничать IMPR

‘Не безобразничайте!’

Отдельного внимания заслуживает вопрос о границах этой и смежных с ней категорий. Взаимосвязанность и взаимообусловленность категорий вида, времени и модальности – довольно часто встречающаяся особенность различных языковых систем. В западной грамматической науке начиная с [5] стали говорить о существовании так называемых ТАМ-категорий (Tense-Aspect-Modality), взаимодействующих настолько тесно, что разграничить их оказывается не всегда возможно. Именно такая ситуация имеет место в строе КЯ. В отечественной синологии довольно рано заговорили о существовании смешанной, видовременной категории [6, с. 78], служащей для описания характера протекания действия. Как представляется, отнесение к этому блоку модальных значений и описание семан-

тики предиката одновременно с позиций аспектуальности, времени и модальности дает более объективную картину имеющегося материала.

Категория времени, которая, как и модальность, в естественных языках указывает на соотнесение ситуации с действительностью, выражая отношение ситуации к моменту речи или ко времени другой ситуации. В русском языке глагольная парадигма предполагает противопоставление по грамматическим значениям настоящего, прошедшего и будущего времени, в КЯ время в чистом виде грамматически не выражается. Темпоральная локализация называемой ситуации обеспечивается лексически, за счет введения соответствующего окружения:

(5) 他昨天休息。

Tā zuótiān xiūxi.

3Sg.М вчера отдыхать

‘Он вчера отдыхал’.

(6) 他明天休息。

Tā míngtiān xiūxi

3Sg.М завтра отдыхать

‘Он завтра будет отдыхать’.

(7) 他休息。

Tā xiūxi

3Sg.М отдыхать

‘Он (сейчас) отдыхает’.

Поскольку материал КЯ адекватнее описывается исходя из положения о синкретичности видовременных показателей, использующихся для описания характера протекания действия одновременно с позиций аспектуальности и времени, т. е. в данной системе предикативные формы трактуются как выражающие преимущественно видовое значение и «осложняющиеся» временной семантикой. При таком подходе для ядра предикативной подсистемы КЯ семантика вида будет доминирующей, тогда как темпоральные значения реализуются либо как следствие дефолтной референции видового показателя, либо за счет адвербиального окружения на синтаксическом уровне.

Категория вида выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к внутреннему пределу действия. Применительно к китайскому языку выделяют такие аспектуальные зоны, как имперфектив и перфектив, средство выражения которых служат синтетические

формы, с разной степенью продуктивности образуемые от глаголов и некоторых прилагательных. Их сочетаемость с аспектуальными показателями обуславливается прежде всего принадлежностью глагола к тому или иному акциональному классу.

Вне контекста в независимой клаузе не имеющие при себе никаких показателей глаголы будут называть вневременную ситуацию (гномическая интерпретация) или ситуацию в настоящем (8). Имперфективные формы, реализуемые присоединением суффикса 着 *-zhe* (9) или препозитивного аналитического показателя 在 *zài* (10), по умолчанию будут называть ситуацию в настоящем, однако при соответствующей поддержке лексического окружения эти глагольные же формы могут легко употребляться для описания событий в прошлом или будущем, ср. (11), (12):

(8) 我又独居，不抽烟、不喝咖啡。

Wǒ yòu dú jū

1Sg снова в_одиночку жить

bù chōuyān, bù hē kāfēi.

NEG курить NEG пить кофе

‘Я снова живу одна, не курю, кофе не пью’

(9) 她在下面等着小王。

Tā zài xiàmiàn děng-zhe Xiǎo Wáng.

3Sg.F PREP внизу ждать-DUR Сяо_Ван

‘Она ждет Сяо Вана внизу’.

(10) 他还在工作。

Tā hái zài gōngzuò

3Sg.M еще PROGR работать

‘Он еще работает’.

(11) 昨天天上飞着几只大雁。

Zuótiān tiān-shàng fēi-zhe jǐ zhǐ dà yàn

Вчера небо-LOC лететь-DUR несколько CLF дикий_гусь

Вчера в небе летало несколько диких гусей’.

(12) 明天上午八点钟我肯定在工作。

Míngtiān shàngwǔ bā diǎnzhōng

Завтра утром восемь часов

wǒ kěndìng zài gōngzuò

я непременно PROGR работать

‘Завтра в восемь часов утра я точно буду работать’.

Перфективные формы глагола, реализуемые с помощью суффиксов 了 *-le* и 过 *-guo*, представляют ситуацию как уже реализо-

ванную (13). Поэтому вне контекста дефолтное прочтение таких предикативных форм будет с референцией к прошлому, однако она вводит соответствующее адвербиальное окружение способно вызвать временной сдвиг ситуации к будущему (14):

(13) 1957年, 荣毅仁当上了上海市副市长。

1957 nián, Róng Yìrén dāngshàng-le Shànghǎishì fùshìzhǎng

1957 год Жун Ижэнь стать-PFV Шанхай вице_мэр

‘В 1957 году Жун Ижэнь стал вице-мэром Шанхая’.

(14) 愿两年后再见到你的时候, 你已经当上了父亲。(будущее)

Yuàn liǎng nián-hòu zài jiàndào nǐ deshìhòu,

Желать два год-LOC снова увидеть 2Sg CONJ.когда

Nǐ yǐjīng dāngshàng-le fùqīn

2Sg уже стать-PFV отец

‘Желаю, чтобы через два года, когда я увижу тебя, ты уже стал отцом’.

Эта особенность свидетельствует о том, что анализ семантики форм предикатных слов в КЯ должен проводиться на синтаксическом уровне с учетом лексического окружения, поскольку адвербиальный контекст способен нейтрализовать исходное значение глагольной словоформы и «навязать» предложению в целом свою собственную семантику.

Однозначную временную отнесенность к плану прошедшего можно диагностировать у немаркированных глагольных форм при наличии в предложении частиц 来着 *láizhe* (15) или 的 *de* (16). Частица 呢 *ne* реализует значение настоящего актуального (17):

(15) 她叫什么来着?

Tā jiào shénme láizhe?

3Sg.F звать что PTCL

‘Как ее там звали?’

(16) 父母前天到的。

Fùmǔ qiántiān dào de

Родители позавчера приехать PTCL

‘Родители позавчера приехали’.

(17) 孩子们踢足球呢。

Háizi-men tí zúqiú ne

Дети-PL играть футбол PTCL

‘Дети играют в футбол’.

Еще одним подтверждением тезиса о необходимости рассматривать ТАМ-категории в КЯ совместно является употребление модальных глаголов, способных выражать значение будущего времени, в семантику которого по умолчанию включается гипотетичность называемой ситуации.

В естественных языках модальные значения волитивности и необходимости часто переосмысляются в значение футуральности. В КЯ модальные глаголы 要 *yào* и 会 *huì* используются для отнесения ситуации к плану еще только предстоящего. У модального глагола 要 *yào* из волитивного значения развилось значение проспектива, указывающего на скорое осуществление действия или наступление ситуации. Это темпоральное значение 要 *yào* близко к той семантике, которую в других языках трактуют как формы настоящего-будущего времени (18). Глагол 会 *huì* применительно к нереализованным ситуациям может обозначает объективное будущее время без всякого оттенка желания, типичным контекстом употребления 会 *huì* в этом значении будет описание какого-либо предстоящего события, наступление которого более или менее естественно и не контролируется основным участником (19):

(18) 明天我要去看歌剧。

Míngtiān wǒ yào qù kàn gējù

Завтра 1Sg FUT идти смотреть опера

‘Завтра я иду в оперу’.

(19) 天气预报说，明天不会下雨，但是可能会很冷。

Tiānqì yùbào shuō, míngtiān bù huì

Погода прогноз говорить завтра NEG FUT

xià yǔ, dànshì kěnéng huì hěn lěng

Идти_дождь однако вероятно FUT очень холодно

‘Прогноз погоды говорит, что завтра не будет дождя, но вероятно будет очень холодно’.

Несмотря на ограниченный набор имеющихся в КЯ чисто грамматических средств выражения, глагольная подсистема имеет довольно сложную структуру, сочетая скудную морфологию и довольно обширную, но размытую периферию, включающую разнообразные конструкции различной степени грамматикализации. Сюда прежде всего относятся результативные глагольные конструкции (РГК), функционирование которых тесно связано с реализацией модальных значений, а также с передачей таких важнейших признаков протекания глагольного действия, как фазовость, результативность и пре-

дельность. РГК представляет собою область диффузии лексической и грамматической семантики, выражая категории, не имеющие обязательного и регулярного формального выражения и/или не полностью охватывающих класс соответствующих предикатных слов.

Реализуются РГК через присоединение к предикатному слову модификатора, в качестве которого могут выступать многие прилагательные и некоторые глаголы, обозначающие направление движения или результат действия. Подобные сочетания глаголов с модификаторами обладают прозрачной структурой, т. е. каждый из них, как правило, сохраняет свое лексическое значение, и толкование всей результирующей конструкции складывается из значений ее отдельных элементов, поэтому сочетаемостные свойства у разных групп глаголов и модификаторов оказываются неидентичными и зависят от семантических особенностей каждого из них в отдельности и возникающей в рамках РГК семантики.

(20) 那小说我早看完了。

Nà xiǎoshuō wǒ zǎo kàn-wán-le,

DEM роман 1Sg давно читать-RES-PFV

‘Тот роман я давно дочитал’.

(21) 那灯笼太大，不好挂，我们挂了三天了，还没有挂上。

Nà dēnglóng tài dà, bù hǎo guà,

DEM фонарь слишком большой, NEG удобно вешать

wǒmen guà-le sān tiān le,

1Pl вешать-PFV три день COS

hái méiyǒu guà-shang.

еще NEG вешать-DIR

‘Тот фонарь слишком большой, вешать его неудобно, уже три дня как вешаем, но так и не повесили до сих пор’.

Присоединение к предикатным единицам модификаторов в современном КЯ носит настолько регулярный характер, что в синологии стали говорить об определенной степени грамматикализации этого процесса [7], вплоть до приписывания модификаторам суффиксального статуса [8; 9]. Поскольку применительно к материалу КЯ размежевание слово- и формообразования довольно условно, видовременные формы глагола, производя от результирующих конструкций относительно недавно, не отделены от соответствующих языковых единиц непроходимой стеной, модификаторы занимают промежуточное положение между грамматическими и лексическими единицами: в отличие от аспектуальных аффиксов 了 *-le*, 过

-guo, 着 -zhe, модификаторы не обязательны, их выбор остается на усмотрение говорящего в соответствии с его коммуникативным замыслом, что сближает их с лексическими единицами. Основное структурно-дистрибутивное отличие модификаторов от видовременных аффиксов в КЯ заключается в том, что между глаголом и модификатором можно вставить формант 得 *de* (22) или отрицание 不 *bù* (23) для передачи значений потенциальной возможности/невозможности, тогда как отделить видовременной аффикс от глагола невозможно:

(22) 这几本书我今天肯定看得完。

Zhè jǐ běn shū wǒ jīntiān kěndìng kàn-dé-wán

DEM несколько CLF книга 1Sg сегодня точно читать-POTN-RES

‘Эти книги я за сегодня точно смогу прочитать’.

(23) 这几本书我今天看不完。

Zhè jǐ běn shū wǒ jīntiān kàn bù wán

DEM несколько CLF книга 1Sg сегодня читать-NEG-RES

‘Эти книги я за сегодня не смогу прочитать’.

В связи с высокой регулярностью выражения данного значения в КЯ представляется необходимым ввести для предикатных единиц еще один системный признак – категорию результативности, на релевантность которого для глагольных классификаций указывалось еще в [6; 10]. Семантика результата определяется как существование в момент речи или некоторый другой момент референции естественного результата ситуации, кодируемого в РГК соответствующим модификатором. В рамках такого подхода ТАМ-категории в КЯ будут дополнены категорией результативности, подобно тому как в ряде языков этот набор расширен категорией эвиденциальности (до ТАМЕ-категорий).

Поскольку результативные модификаторы присоединяются преимущественно к глаголам, называющим предельные процессы, для КЯ особо актуальной оказывается проблема разграничения результативности и предельности. Всякий глагол, обладающий результативным значением или содержащий в своей семантике элемент результативности, является предельным, но не всякий предельный глагол является результативным, выражение результата действия – лишь один из вариантов предельности, обсуждение см. [11]. Решение этого вопроса представляет собой довольно сложную проблему и заслуживает отдельного исследования.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
2. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: монография. Москва; Вена: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 416 с.
3. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
4. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.; Л., 1952. Т. 1. 232 с.
5. Givón Talmy. Tense-Aspect-Mood: the Creole prototype and beyond // Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics / Hopper Paul (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1982. P. 115–163.
6. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л.: ЛГУ, 1957. 182 с.
7. Антонян К. В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003. 270 с.
8. Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Куда идет китайский язык? // Китайское языкознание: изолирующие языки: IX Междунар. конф. М., 1998. С. 15–22.
9. Ross C., Ma Jing-heng Sheng, He Baozhang. Modern Mandarin Chinese Grammar. London; New York: Routledge Press, 2006. 265 p.
10. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
11. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. 432 с.

**Лексема как сложное структурное образование:
подходы к определению понятия лексического
значения слова**

О. М. Кочеткова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье рассматриваются вопросы теории лексического значения слова, этапы истории её становления и развития, понятие и структура лексического значения слова, которая представлена уровнями лексико-семантической информации, разграничение с понятием лексического значения, различных типов информации в структуре лексемы. Статья раскрывает подходы к определению понятия лексического значения как основы лексической семантики, а также типологические особенности лексической семантики китайского языка.

Ключевые слова: *понятие лексического значения слова, структура лексического значения слова, история становления лексической семантики, уровень лексико-семантической информации, подходы к определению понятия лексического значения, китайский язык*

O. M. Kochetkova

Transbaikal State University, Chita, Russia

**Lexeme as a Complex Structural Formation:
Approaches to the Definition of the Concept
of the Lexical Meaning of a Word**

The article deals with the theory of the lexical meaning of a word, the stages of the history of its formation and development, the concept and structure of the lexical meaning of a word, which is represented by the levels of lexical and semantic information, differentiation with the concept of lexical meaning, various types of information in the structure of the lexeme. The article reveals approaches to the definition of the concept of lexical meaning as

the basis of lexical semantics, as well as typological features of the lexical semantics of the Chinese language.

Keywords: *the concept of the lexical meaning of a word, the structure of the lexical meaning of a word, the history of the formation of lexical semantics, the level of lexical-semantic information, approaches to the definition of the concept of lexical meaning, Chinese language*

Лексическая семантика изучает словарный состав языка как систему лексических значений входящих в него единиц. Лексическая семантика изучает значение слов как единиц лексической подсистемы языка и как единиц речи [6, с. 71]. В современной семантике лексика признаётся системой при наличии следующих условий: однозначного определения каждого элемента словаря; количество описывающих элементов не превышает число описываемых; достаточно полной информации о семантических признаках необходимых для построения иерархических классификаций, пригодных для автоматического анализа или синтеза текстов [1, с. 19]. Традиционно объектом изучения лексической семантики признаётся означаемое слова, которое понимается как лексема или его лексическое значение, а также любая информация, сохраняющаяся на уровне лексемы, в том числе и та, которая передаётся грамматическими средствами [6, с. 77].

Носителем лексемы является слово – знак естественного языка. Концепция знаковой природы языка была сформулирована Фердинандом де Соссюром [8]. Он первым из лингвистов определил «человеческий язык как систему знаков» [6, с. 31]. Согласно его теории знак – это материально-идеальная сущность, в которой сосредоточены все главные свойства естественного языка. Знак имеет двустороннюю природу, это отношение между внешней, материальной стороной знака, доступной органам чувств, и внутренней, абстрактной, скрытой от непосредственного наблюдения. Такое отношение между двумя сторонами одной сущности называется знаковым и отражает способность материальной стороны знака замещать или являться представителем его внутренней стороны. Основы семиотики были заложены ещё в Древней Греции, где стоики рассматривали знак как двустороннюю сущность, одна сторона которой есть означающее (воспринимаемое), а другая означаемое (понимаемое). Впоследствии датский учёный Луи Ельслев пред-

ложил другую пару терминов: план выражения и план содержания. [6, с. 31]. В первой половине XX века Чарльз Уильям Моррис упорядочил теоретические основы и методы семиотики и создал свою теорию знака, в рамках которой языковой знак, кроме указанных параметров, также характеризуется синтактикой и прагматикой [2, с. 56].

Лексическое значение представляет сложное структурное образование, внутри которого по характеру передаваемой информации выделяются четыре компонента: денотативный, сигнификативный, синтаксический, прагматический.

Денотативный компонент лексического значения (денотат) – это информация о внеязыковой действительности, о предметах и ситуациях реального мира. Информация о совокупности существенных признаков предметов, отражающихся в сознании человека, в процессе познавательной деятельности составляет сигнификативный компонент лексического значения (сигнификат). Эти признаки являются критериями, согласно которым можно объединять слова, обозначающие предметы и ситуации в лексико-семантические группы. Синтаксический компонент лексического значения – это информация о правилах соединения знака с другими знаками в тексте. Прагматический компонент лексического значения – это информация об отношении говорящего или слушающего к ситуации, о которой идёт речь [Там же].

Денотативный и сигнификативный компоненты входят в традиционное представление о лексическом значении. Они составляют ядро лексемы, тогда как синтаксический и прагматический компоненты – это информация, которая сохраняется на уровне лексемы, но имеет отношение к её периферийной части. Описать лексическое значение, значит составить толкование его сигнификативного уровня. Толкование – это способ представления сигнификата значения в виде не только существенных признаков, отличающих класс предметов или ситуаций, обозначенных данным словом, но и набора условий, которым должен соответствовать этот класс для того, чтобы его можно было обозначить с помощью данного слова.

В процессе исследований «системы измерения» лексического значения были выделены параметры, в рамках которых рассматривается значение, а именно: уровневая принадлежность означающего (Э. Бенвенист, Б. Ю. Городецкий, Г. Фреге, Ч. Э. Осгуд, В. В. Левицкий, А. П. Журавлёв); степень обобщённости значения

(Х. Вайнрих, А. М. Пешковский, Дж. Катц, Ю. Д. Апресян); характер передаваемой информации (Ю. Д. Апресян, Б. Ю. Городецкий); тип знаний, используемых для идентификации значения (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, Е. В. Рахилина) [6, с. 50].

Теория лексического значения сформировалась в рамках следующих основных направлений и школ лингвистической семантики: школа сильной семантики (У. В. О. Куайн, Д. Дэвидсон, С. Крипке, П. Стросон, З. Вендлер); в рамках школы сильной семантики – направление формальная семантика (Р. Монтегю, Д. Льюиз, Б. Парти, Э. Кинен, Х. Камп, И. Хейм); в рамках школы сильной семантики – исследования по теории референции (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв, Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина); в рамках школы слабой семантики – семантическая теория Дж. Катца и Дж. А. Фодора; теория компонентного анализа лексического значения (Э. Бендикс, Ю. Найда, М. Бирвиш); концепция «языка мысли» (А. Вежбицкая); Московская семантическая школа (Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, З. М. Шаляпина); школа когнитивной семантики (Дж. Лакофф, Ч. Филмор, М. Джонсон, Е. С. Кубрякова, Р. М. Фрумкина, Е. В. Рахилина, А. Н. Баранов) [Там же, с. 25–28].

Отождествление с понятием лексического значения различных типов информации в структуре лексемы имеет свою историю. Существует несколько подходов к определению лексического значения: традиционный (сигнификативный) подход, денотативный, когнитивный (прагматический). Накопленный опыт исследований в области изучения лексического значения показал, что разные исследователи в рамках существующих семантических теорий для реализации принципов исследования пытались определить свои позиции по отношению к термину «лексическое значение». Это связано с тем, что каждое исследование, как правило, рассматривает языковой материал с точки зрения одного-двух типов информации, содержащегося в структуре лексического значения под определённым углом зрения, в свете поставленных задач и традиционный подход не всегда может им соответствовать. При традиционном подходе лексическое значение отождествляется с понятием (Г. В. Колшанский, Ю. С. Маслов, А. А. Реформатский и др.). Этот подход прошёл несколько этапов развития. Идея о том, что сознание человека, отражая окружающий мир, рождает форму, распространилась и на обозначение предмета через понятие, которое

ассоциируется с формой у носителей данного языка. Впервые эту мысль высказали Ч. К. Огден и А. А. Ричардс в работе «Значение значения» (1923), в которой они представили двустороннюю материально-идеальную природу слова в виде семантического треугольника, названного «треугольник отнесённости». В этом треугольнике три вершины: означающее, понятие, референт (предмет). Согласно данной схеме: форма (означающее) обозначает предмет (референт) посредством понятия. В ней рассмотрены узкие стороны значения: субстанциональное и реляционное. Субстанциональное значение – это материальная или идеальная сущность, отождествляемая с понятием или с референтом (предметом). Реляционное значение – это отношения между материальной и идеальной сущностями. Субстанциональное понимание значения было предложено в семантическом треугольнике Г. Стерна. Реляционное понимание значения предложил С. Ульман. Он представлял значение как отношение имени (означающего) к смыслу (означаемому, понятию). Реляционное значение в отличие от субстанционального не нашло дальнейшего развития в семантике. В дальнейшем Дж. Лайонз предложил схему, в которой слово вынесено за пределы треугольника, вершины которого – это форма, значение (понятие), референт. Таким образом, Г. Стерн и Дж. Лайонз отождествляли значение языковой формы с понятием, связанным с ней в сознании говорящих [6, с. 44–46]. Однако не все исследователи рассматривали значение как понятие. Так, Г. Фреге, в рамках логической семантики, отождествлял значение с внеязыковой действительностью или с денотатом языкового выражения, который включал в свою схему семантического треугольника, наряду с формой и понятием.

Наиболее широкое распространение получили теории, согласно которым лексическое значение включает другие компоненты лексико-семантической информации (Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, И. В. Арнольд, А. Н. Леонтьев, А. А. Уфимцева). Причины формирования такого подхода кроются в том, что в структуре лексического значения содержатся четыре типа сущностей: понятийные категории; ментальные категории; прагматические показатели; отношения между словами как единицами языка [Там же, с. 43]. Ю. Д. Апресян понимает природу лексического значения как два вида информации, представляющих означаемое слова: предметно-логическую («наивное понятие») и эмоционально-оценочную [3, с. 69]. Предметная составляющая значения – это отношение языкового выражения

к действительности (референт, предмет), логическая составляющая значения – это отношение языкового выражения к сознанию, мышлению (понятие, смысл, значение).

Эмоционально-оценочная составляющая – это информация об условиях употребления языкового выражения. Данный подход близок к определению И. В. Арнольда. И. В. Арнольд считает: «Под лексическим значением слова понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. В понятии отражается реальная действительность, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу и включает не концептуальные и другие коннотации» [4, с. 104]. В. А. Звегинцев, кроме понятия и референта, также включает в понятие лексического значения синтактику языкового выражения, которая понимается как соотносённость данного слова с другими словами в системе языка, то есть в парадигматическом аспекте [5].

Словарный состав языка как подсистема, с точки зрения его лексического значения, рассматривается также в рамках когнитивного направления. Цель исследований лингвокогнитивной направленности – это изучение внеязыкового содержания, которое не входит в лексему в традиционном понимании, но представляет экстралингвистическую данность, способную раскрыть возможности использования лексических единиц. А. Н. Леонтьев писал: «Мы воспринимаем предметный мир не только в координатах пространства и времени (в движении), но и ещё в одном квазипространстве... – это пространство значений. Но значения имеют и своё реальное существование в языке, которое является хотя и особым (идеальным), но объективно-историческим продуктом. Субъект лишь овладевает языковыми значениями, которые опосредуют его общение другими людьми, а в этом общении также и связи с чувственно открывающимся ему миром» [7, с. 46]. «Именно слово и его лексическое значение, в котором отражается и хранится веками социально-исторический опыт носителей данного языка – являются теми основными элементами системных средств, которые в качестве субстрата цементируют речевые образования» [9, с. 3].

Согласно концепции когнитивной семантики, знания человека об окружающей действительности структурируются в связанные конструкты, представляющие фрагменты человеческого опыта. Эти конструкты называются схемами, сценариями, фреймами. Они не-

сут информацию, дополняющую лингвистическое понятие лексического значения, которая позволяет моделировать знание языка. Когнитивная концепция показала, что в условиях речевого общения количество семантических компонентов, получающих актуализацию в речи, превосходит число компонентов, выделенных в описании значения в толковых словарях. Данные компоненты являются коннотативными и включают оценочность, эмоциональность, экспрессивность, образность. Они отражают свойство языкового знака соотноситься посредством познавательной деятельности человека с окружающим миром.

Таким образом, несмотря на различия в исследовательских подходах, все представленные выше типы информации, составляющие структуру лексического значения, являются обязательными компонентами лексемы и представляют собой языковое содержание, то есть информацию, которую связывают с данным словом носители языка, так как знание этой связи между формой и содержанием слова входит в знание языка [6, с. 63].

Если говорить о структуре лексического значения слова в китайском языке, как языке изолирующего типа, то необходимо сказать об особенностях формы его носителя. В языке изолирующего типа грамматическая форма слова не изменяется, что есть причина совпадения значимых единиц языка, в системе языка, в своих границах. В китайском языке, слог, морфема, лексема, совпадают в своих границах. Это свойство грамматической формы слова, как носителя лексического значения, определяет также особенность структуры лексического значения, как совокупность связей внутри гиперлексем.

Гиперлексема – совокупность значений китайского слова – это типологическая особенность слова-носителя лексического значения, обусловленная совпадением границ значимых единиц языка. Гиперлексема, как форма многозначности китайского слова, отражает общую закономерность структуры лексического значения слова в целом.

Лексико-семантическая структура гиперлексем китайского слова отражает принцип построения словарной статьи переводного словаря 大 БКРС и других словарей. Словарная статья, как правило, включает толкование лексического значения на китайском языке, представляя собой «паспорт» слова. Толкование лексемы раскрывает сущность денотативного уровня лексического значения

слова как отражение содержания внеязыковой реальности в структуре значения. Далее структура лексического значения в словарной статье представлена перечислением значений, которые пронумерованы в соответствии с определёнными принципами их представления в словарной статье. Первое значение в структуре статьи называется первичной лексемой. Первичная лексема соответствует сигнификативному уровню в структуре лексического значения. Сигнификативный уровень есть совокупность существенных семантических признаков, которые раскрывают сущность понятия, обозначаемого словом. Первичная лексема в структуре словарной статьи соответствует и представляет базовый семантический уровень сигнификата. Она не только обозначает содержание, но и маркирует грамматическую функцию слова, отражая его синтагматические связи. Для китайского языка, отражение синтагматической связи в структуре словарной статьи есть принцип обозначения содержания лексического значения слова. Например, глагол «去» – «идти, направляться». В словарной статье: «идти куда-либо», где слово «куда-либо» выделено курсивом. Такое выделение не случайно, так как обозначение направления движения есть сущность лексико-семантического содержания данного слова, обозначающего не способ движения человека ногами по поверхности земли, а направление движения человека, любым способом, в любое место назначения. В связи с этим, «去» – это «направляться куда», где «куда» обозначает синтагматическое содержание слова, соответствующее синтаксическому уровню лексико-семантической информации в структуре лексического значения.

Все лексемы, которые следуют в словарной статье, после первичной лексемы обозначают значения, приобретённые словом в результате выполнения им номинативной функции, или выражают в том же значении другие грамматические функции слова. Полисеманτικότητα китайской гиперлексемы имеет цепочечную или радиальную структуру. Последнее значение в словарной статье гиперлексемы обозначает прагматическое или коннотативное (ассоциативное) значения, если они есть у данной гиперлексемы, что соответствует прагматическому уровню лексико-семантической информации в структуре лексического значения.

Таким образом, уровни лексико-семантической информации структуры лексического значения слова отражают принцип построения словарной статьи китайского переводного словаря. В структу-

ре лексического значения слова все уровни взаимосвязаны между собой. Все уровни лексико-семантической информации: денотативный, сигнификативный, синтаксический, прагматический играют важную роль в процессе работы над переводом с китайского языка на русский язык. Типологические особенности китайского языка также находят своё отражение в понимании лексической семантики китайского языка и структуры лексического значения китайского слова.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.
4. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования): учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1981. 295 с.
5. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: МГУ, 1957. 322 с.
6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
7. Леонтьев А. А. Что такое язык. М.: Педагогика, 1976. 96 с.
8. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина; под ред. и с прим. Р. И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Уфимцева А. А. Лексическое значение. М.: Наука, 1986. 239 с.

Грамматические особенности последовательно связанных предложений в китайском языке

С. В. Науменко¹, Цзоу Хун¹

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Статья посвящена последовательно связанным предложениям китайского языка, их грамматическим особенностям. Также говорится об отличиях последовательно связанных предложений от некоторых других типов предложений и рассматривается их классификация, основанная на семантических отношениях между сказуемыми и их дополнениями.

Ключевые слова: *последовательно связанное предложение, синтаксическая связь, глагольно-объектная структура, субъектно-предикативная структура, каузативный глагол, осевое слово*

Grammatical Features of Pivotal Sentences in Chinese

S. V. Naumenko¹, Zou Hong¹

¹ Transbaikial State University, Chita, Russia

The paper is devoted to pivotal sentences of the Chinese language, their grammatical features. The paper also deals with the differences between pivotal sentences and some other types of sentences and touches upon their classification based on the semantic relations between predicates and their complements.

Keywords: *pivotal sentence, syntactic relation, verb-object structure, subject-predicative structure, causative verb, pivot word*

Так называемые последовательно связанные предложения китайского языка состоят из глагольно-объектной и субъектно-предикативной структур, при этом слово, являющееся дополнением в глагольно-объектной структуре, является в то же время подлежащим в субъектно-предикативной структуре. Таким образом, между этими двумя структурами возникают причинно-следственные либо целевые смысловые отношения [1]. Например:

(1) 这个报告就让孩子起草吧。Пусть ребёнок напишет черновик этого доклада.

(2) 他的话使我十分生气。Его слова очень меня разозлили.

Сказуемое в таких предложениях обладает рядом особенностей:

1) оно выражено глаголом с побудительным значением, наиболее часто в функции сказуемого встречаются такие глаголы, как *使 заставлять, принуждать, ставить перед необходимостью, приказывать, повелевать; давать возможность, позволять; 让 допускать, разрешать; предоставлять, дать возможность; предлагать, приглашать (сделать что-л.); пусть, пускай; давайте; 叫 заставлять; пускать; позволять; давать возможность; пускай, пусть, 派 командировать, отряжать, направлять, посылать, определять (назначать) на должность; 请 просить (кого-л. сделать что-л.); обращаться с просьбой (к кому-л. о чем-л.), приглашать (напр. на приём, на работу); звать; 令 приказывать, предписывать; обязывать, заставлять, вынуждать; давать возможность; 逼 вынуждать; давить, наседать, требовать, силой заставлять, 命令 предписать; распорядиться; приказать; 强迫 принуждать, вынуждать, заставлять силой; 吩咐 инструктировать, распоряжаться, велесть; приказать; 打发 направлять, посылать (человека); командировать;促使 побуждать, способствовать, стимулировать; 要求 требовать, добиваться, просить; 发动 пускать в ход, приводить в движение; поднимать, мобилизовывать и т. д., например:*

(3) 我们请姑娘唱支歌, 好吗? Давайте попросим девочку спеть, хорошо?

(4) 首长命令你们停止这次行动。

Начальник велел вам прекратить подобные действия.

2) сказуемое может быть выражено глаголом, обозначающим *название, наименование или же признание, квалификацию кого-либо или чего-либо в каком-то качестве, например: 叫 называть, нарекать, кликать; 称 звать, называть, именовать, величать; 认 признавать (кого-л. кем-л.); 拜 почитать (в каком-либо качестве); предложить (пост); назначить на должность; 选 выбирать, избирать, подбирать; 推选 избирать, выбирать, выдвигать и т. п., например:*

(5) 同学们一致选我当班长。

Одноклассники единогласно избрали меня старостой.

(6) 我认您做老师吧。 *Я признаю Вас за своего учителя.*

3) первым глаголом-сказуемым могут быть глаголы 有 и 是, например:

(7) 他有个中国朋友叫李明

У него есть китайский друг, которого зовут Ли Мин.

(8) 是他救了我的命。 *Это он спас мне жизнь.*

Последовательно связанные предложения обладают следующими грамматическими особенностями.

1) После первого глагола в таких предложениях нельзя поставить видо-временные показатели 了, 过 и 着, как правило, они располагаются после второго глагола, например:

(9) 厂长让工人们谈了各自的想法。

Директор завода предложил всем рабочим высказать своё мнение.

В этом предложении нельзя поставить 了 после глагола 让, только после 谈. Однако из этого правила есть исключение: если в контексте поясняется причина или результат, то видо-временной показатель 了 может находиться и после первого глагола:

(10) 他知道我一个人很难按时完成实验, 就派了一位同志协助我。

Он знал, что мне одному будет трудно вовремя закончить эксперимент, поэтому послал товарища помочь мне.

Как мы видим, здесь объясняется причина действия, выраженного глаголом 派.

2) Если в предложении имеются модальные глаголы, они располагаются перед первым глаголом, например:

(11) 这件事会叫他感到十分为难。

Это дело может поставить его в затруднительное положение.

(12) 胜利能使人走向成功, 也能使人走向失败。

Победа может привести как к успеху, так и к поражению.

В последовательно-связанных предложениях очень часто в качестве первого глагола используются такие каузативные глаголы, как 叫 и 让, их значения частично совпадают, так, оба этих глагола имеют значение 使令 веле́ть, заставля́ть, например:

(13) 叫他快来。 *Велел ему поскорее прийти.*

(14) 让您久等了, 真对不起。

Заставил Вас долго ждать, мне, право, так неудобно.

Также оба слова могут быть показателями пассивного залога, хотя, на наш взгляд, здесь правильнее было бы говорить не о каузативных глаголах 叫 и 让, а об омонимичных им предлогах, например:

(15) 窗户叫风刮开了。Ветер распахнул окно.

(16) 钱包让他捡去了。Он подобрал кошелек (в переводе на русский язык

эти примеры лучше звучат в действительном залоге) [1].

Однако эти глаголы имеют и собственные несовпадающие значения, у 叫 это 招呼 звать, окликать, а также 称谓 звать, именовать, например:

(17) 外边有人叫你。На улице кто-то тебя зовёт.

(18) 我叫王力。Меня зовут Ван Ли.

Что касается глагола 叫, то это такие значения как 退让 отказываться (в пользу другого), уступать и значение 转让 передавать, переуступать, например:

(19) 他还小, 凡事让着他一点儿。Он ещё мал, ему во всём надо уступать.

(20) 这张票让给你吧。Этот билет уступаю тебе.

3) Перед вторым глаголом в последовательно связанных предложениях можно сделать паузу или поставить препозитивное обстоятельство:

(21) 我叫他(马上)来。Я велел ему (немедленно) прийти.

Однако обстоятельство не может располагаться между первым глаголом и осевым словом (兼语).

На первый взгляд, последовательно связанные предложения напоминают предложения с субъектно-предикативной структурой в функции прямого дополнения (主谓短语做宾语的句子), на самом же деле между ними существуют значительные структурные и смысловые отличия. Например:

(22) 我让他去。Я сказал ему пойти.

(23) 我希望他去。Я надеюсь, что он пойдёт.

Различия между этими двумя типами предложений прослеживаются в следующих нескольких аспектах.

1) Различная семантика глаголов-сказуемых. В последовательно связанных предложениях сказуемое, как правило, выражено каузативным глаголом, имеющим побудительное значение (使, 让, 叫, 要求, 命令, 派 и т.д.); сказуемое в субъектно-предикативной конструкции в функции дополнения это глаголы мысли-

тельной (интеллектуальной, психической) деятельности или перцептивной деятельности, такие как 想 думать, 知道 знать, 懂得 понимать, 希望 надеяться, 觉得 чувствовать, ощущать; воспринимать, 了解 понять, 理解 уразуметь, 弄清楚, разобраться, 知道, 记得 помнить, держать в памяти. и т. д.).

Семантика глагола-сказуемого определяет и характер дополнения – объекта, которым управляет глагол-сказуемое. В последовательно-связанных предложениях это, как правило, существительное (или личное местоимение), означающее человека (...让他去); дополнение в субъектно-предикативных конструкциях означает действие (...望他去).

2) Различные смысловые отношения между сказуемыми двух частей предложения – в последовательно связанных предложениях это причинно-следственные отношения, в предложениях с субъектно-предикативной конструкцией в функции дополнения они такими не являются, так как действие, выраженное глаголом-сказуемым второй части (субъектно-предикативной конструкции в функции дополнения), не зависит от сказуемого первой части.

3) Различные формы вопросительных предложений. В последовательно связанных предложениях вопрос задаётся только к осевому слову (兼语), но не к следующей за ним части предложения, например: 我让谁去? Кому я велел пойти? или же, наоборот, к части, следующей за осевым словом, не включая его самого, например: 我让他做什么? Что я велел ему сделать? Что касается предложений с субъектно-предикативной конструкцией в функции дополнения, можно задать единый вопрос ко всей субъектно-предикативной конструкции при помощи вопросительного местоимения 什么, например: 我希望什么? Ответ будет следующим: 我希望他去. Я надеюсь, что он пойдёт.

4) Возможность инверсии. В последовательно связанных предложениях инверсия невозможна, так как разрушаются все смысловые связи между членами предложения, то есть нельзя сказать 他去, 我让. Однако в предложениях с субъектно-предикативной конструкцией в функции дополнения такая инверсия вполне возможна, особенно в диалогической речи, например: 他去, 我希望.

5) Место паузы и возможность постановки препозитивного обстоятельства. Пауза возможна в обоих типах предложений, однако её позиция различна: в последовательно связанных предложе-

ниях пауза ставится после осевого слова (兼语), например: 我让他/去。В предложениях с субъектно-предикативной конструкцией в функции дополнения пауза находится после глагола-сказуемого, перед дополнением, выраженным субъектно-предикативной конструкцией, например: 我希望/他去。

Препозитивное обстоятельство также может присутствовать в обоих типах предложений, занимая различную позицию. Так, в последовательно связанных предложениях обстоятельство находится после осевого слова, например: 我让他(明天)去。Однако в предложениях с субъектно-предикативной конструкцией в функции дополнения обстоятельство может находиться как после первого, так и после второго глагола, например: 我希望他(明天)去。我希望(明天)他去。Разумеется, при этом меняются тема-рематические отношения в предложении. В первом случае темой будет 我希望, а ремой 我希望他明天去, во втором же случае темой является 我希望明天, а ремой 他去[2].

Существует ещё один тип предложений, по структуре напоминающих последовательно связанные предложения – предложения с двумя дополнениями (双宾语). Глагол-сказуемое в таких предложениях управляет двумя дополнениями (прямым и косвенным), однако между ними отсутствует структурно-синтаксическая связь, например:

(24) 我送你一幅画儿。Я дарю тебе картину.

送 является глаголом-сказуемым, 你 косвенным дополнением со значением адресата действия, 画儿 прямым дополнением – объектом действия, а 一幅 количественным определением к нему. Между этими двумя дополнениями нет непосредственной синтаксической связи, в то время как между осевым словом и дополнением ко второму глаголу в последовательно связанных предложениях такая связь есть. Между данными типами предложений существуют следующие различия:

1) Различная семантика глаголов-сказуемых (как и в случае предложений с субъектно-предикативной конструкцией в функции определения). В предложениях с двумя дополнениями сказуемым, как правило, являются глаголы «давания-отнимания», семантика которых как раз и предполагает наличие двух дополнений. Примеры наиболее частотных глаголов, выступающих в функции сказуемого в таких предложениях: 给 давать; 送 дарить, посылать, слать; пересылать, передавать, отправлять; 赠 дарить; 告诉 говорить,

сообщить; 问 спрашивать; 责备 упрекать, обвинять, порицать, осуждать; бранить, ругать; 骂 ругать; 罚 штрафовать, наказывать, налагать взыскание и т. д. Например:

(25) 妈妈骂他是坏人。Мама ругает его за то, что он плохой человек.

По структуре это предложение весьма напоминает последовательно связанное, однако глагол-сказуемое не обладает каузативной семантикой, а между глагольно-объектной конструкцией 骂他 и субъектно-предикативной конструкцией 他是 нет причинно-следственной связи.

2) Возможность вынесения дополнения в препозицию. Прямое дополнение в предложениях с двумя дополнениями может быть в препозиции к глаголу-сказуемому, например:

(26) 他告诉我明天来。Он сказал, что придёт завтра.

Это предложение можно преобразовать в 明天来, 他告诉我。Однако похожее по структуре последовательно связанное предложение не может быть преобразовано подобным образом, например: 他让我明天来。нельзя преобразовать в 明天来, 他让我。

3) Возможность эллипсиса глагола. В предложениях с двумя дополнениями глагол играет очень важную роль, если его опустить, то между двумя дополнениями прервётся всякая связь и предложение как единое целое будет разрушено. Однако в последовательно связанных предложениях, если опустить глагол, субъектно-предикативная связь между осевым словом и следующей за ним частью предложения сохраняется [2].

Существует множество классификаций последовательно связанных предложений, основанных на их различных грамматических особенностях. Приведём для примера одну из них, основанную на семантических отношениях между глаголами-сказуемыми и их дополнениями, согласно которой предложения данной структурно-семантической разновидности можно разделить на пять больших типов.

1) Второй глагол-сказуемое означает цель или результат действия, выраженного первым глаголом-сказуемым (обычно выраженным каузативным глаголом), например:

(27) 老师让我谈谈看完这本书的感受。Учитель попросил меня рассказать о впечатлении, которое у меня осталось после прочтения этой книги.

(28) 微笑使你年轻。

Ты выглядишь моложе, когда улыбаешься.

2) Второй глагол-сказуемое означает причину действия, выраженного первым глаголом-сказуемым, например:

(29) 小红嫌他不勤快。Сяо Хун не нравится, что он такой ленивый.

(30) 妈妈表扬我好好看书。

Мама хвалит меня за то, что я люблю читать.

3) Первым-глаголом-сказуемым является 有, 没有 (无),轮, имеющие значение принадлежности или существования, осевое слово при этом означает некую новую информацию, например:

(31) 又有几个村子摆脱了贫困。

Еще несколько деревень избавились от бедности.

(32) 轮到你值班了。Твоя очередь дежурить.

(33) 连问几声, 无人应答。

Спросил несколько раз подряд, никто не ответил.

4) Оба глагола-сказуемых означают название, наименование кого-либо или чего-либо, например:

(34) 大家都叫他为傻大个儿。Все называли его дубиной сторосовой.

(35) 我们应该名他们为抗疫英雄。

Мы должны называть их героями борьбы с пандемией.

5) Дополнение второго глагола выражает некую характеристику человека или предмета, означаемого дополнением первого глагола (осевым словом), каузативная семантика отсутствует, например:

(36) 找个对象挺能干。Нашла себе парня— настоящего робота.

(37) 买了个桌子三条腿。

Купили стол с тремя ножками (форма, внешний вид).

(38) 每亩地产粮九百斤。Урожайность с каждой сотки примерно 65 кг (количественная характеристика) [3].

Рассмотренные примеры наглядно и детально иллюстрируют многообразие грамматических особенностей такого явления китайского синтаксиса, как последовательно связанные предложения.

Список литературы

1. 对外汉语教学实用语法/卢福波. 北京: 北京语言文化大学出版社, 2001.

2. 浅论兼语句的语法特点/赵莉。才智, 2011(34): 193页,
主办单位: 中国吉林高新技术人才市场。

3. 王力“递系式”与黄伯荣、廖序东“兼语句”之比较/ 刘笛。
沧州师范专科学校学报, 2004(01): 59 - 60。

УДК 811.581.11

ББК 81.711

Концепт «дракон/龙 *lóng*» в китайской лингвокультуре: традиции и современность

Е. А. Пляскина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Данная статья посвящена описанию концепта «дракон/龙 *lóng*» в традиционной и современной лингвокультуре Китая. Зооморфный концепт «дракон /龙 *lóng*» рассматривается как один из основных элементов базового зооморфного кода китайской культуры. В статье доказывается, что рассматриваемый концепт относится к символическим лингвокультурным концептам и обладает всеми конститутивными признаками, характерными для концептов данного класса. Концепт «дракон/龙 *lóng*» обладает высокой значимостью для представителей китайской лингвокультуры, что подтверждается множеством как языковых (большое количество единиц, репрезентирующих концепт), так и культурных фактов. В современной китайской культуре концепт «дракон/龙 *lóng*» сохраняет свою актуальность. Более того, он обретает новые смыслы, становясь воплощением идей толерантности, воодушевления и гармонии.

Ключевые слова: *дракон, концепт, символический концепт, китайская лингвокультура, символ китайской нации*

Concept “dragon / 龙 *lóng*” in Chinese Linguoculture: Traditions and Modernity

Е. А. Plyaskina

Transbaikal State University, Chita, Russia

This article is devoted to description of the concept “dragon / 龙 *lóng*” in traditional and modern linguoculture of China. Zoomorphic

concept “dragon / 龙 *lóng*” is considered as one of Chinese culture basic zoomorphic codes principle elements. It is argued that the concept under consideration belongs to symbolic linguocultural concepts and has all their constitutive features. The concept “dragon / 龙 *lóng*” has a high for members of Chinese linguoculture. It is confirmed by numerous language (a great number of units representing the concept) and cultural facts. The concept “dragon / 龙 *lóng*” remains relevant in modern Chinese culture. Moreover, it makes new senses becoming embodiment of tolerance, inspiration and harmony spirit.

Keywords: *dragon, concept, symbolic concept, Chinese linguoculture, symbol of Chinese nation*

Целью данной статьи является описание концепта «дракон/ 龙 *lóng*» в традиционной и современной лингвокультуре Китая. Э. Сепир писал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [11, с. 193]. По справедливому замечанию ученого, язык не может существовать вне культуры, представляющей собой социально унаследованную совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Там же, с. 185]. Язык и культура тесно взаимосвязаны, развитие одного из них неизменно приводит к развитию другого. Концепты представляют собой объекты, относящиеся к трем областям – языка, сознания и культуры, они изучаются различными науками: философией, лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой.

Концепт, прежде всего – единица ментальности, существующая в сознании носителей языка, которая может быть выражена в языке знаками разных уровней: лексемами, фразеологическими единицами, свободными словосочетаниями, грамматическими категориями, предложениями, текстами и совокупностями текстов. По мнению В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина, для концепта характерна условность: «Лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры» [3, с. 76]. Однако, несмотря на свою условность и кажущуюся эфемерность, концепты могут быть изучены, пусть и опосредованно, через призму языка и культуры.

Лингвокультурный концепт, согласно М. В. Пименовой, представляет собой означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления

[8, с. 129]. По мнению ученого, концепт воплощает «представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [7, с. 113]. В дальнейшем в рамках настоящей статьи мы будем придерживаться данного подхода к определению лингвокультурного концепта.

Важнейшей особенностью лингвокультурного концепта является его связь с национальной ментальностью. Концепты вбирают в себя в концентрированном виде наиболее яркие национальные особенности, которые затем отражаются в языке. Лингвокультурологический анализ концепта направлен, прежде всего, на выявление его национально-культурного своеобразия. Одни и те же концепты в глазах представителей разных культур могут иметь не только различный смысл, но и различную степень значимости. Так, в русской лингвокультуре рассматриваемый концепт «дракон» находится скорее на периферии национальной концептосферы, в то время как в китайской он, несомненно, занимает одно из центральных мест.

Животные, реальные или вымышленные, занимают важное место в культурной традиции любого народа. Истоки этого кроются в тотемизме, представлениях о мифических первопредках, имевших, как правило, зооморфную природу либо наделенных отдельными зооморфными признаками. Зооморфные концепты, более чем какие-либо другие, отражают национально-культурные особенности. Это легко прослеживается, например, при сравнении культурных коннотаций, которые имеет название одного и того же животного в разных языках. В древности человек отождествлял и сравнивал себя с животными на основании тех или иных черт, в результате возникали устойчивые ассоциативные связи, закреплявшиеся в сознании, а затем и в языке. Являющийся объектом данного исследования концепт «дракон / 龙 *lóng*» относится к зооконцептам, то есть, представляет собой один из элементов базового зооморфного кода китайской культуры. Кроме того, рассматриваемый концепт занимает одно из ключевых мест в концептосфере китайского мифологического и фольклорного дискурса.

Мы предполагаем, что китайский концепт «дракон / 龙 *lóng*» является символическим концептом. Данный класс лингвокультурных концептов был выделен В. И. Карасиком. Ученый также предложил основные признаки, которые характерны для концептов этого клас-

са. К ним относятся: 1) ценностная насыщенность перцептивного образа; 2) направленность на сверхчувственный опыт; 3) интерпретативная глубина и многомерность; 4) аттрактивность для носителей культуры [4, с. 29]. Смысл символа, который не может и не должен быть понятным для людей, не принадлежащих к этой группе, т. е. для тех, кто не посвящен в значение символов, этот смысл является, как правило, намеком на то, что находится сверх или за чувственно воспринимаемой внешностью [Там же, с. 26]. За символом всегда стоит нечто иное, отличное от того, чем является он сам.

Источником происхождения образа китайского дракона большинство исследователей, как в России, так и в Китае считают тотемизм. Как отмечает Л. С. Васильев, тотемистические традиции сохранялись в Китае довольно долго и нередко даже культивировались, особенно в среде правящих кругов, которые претендовали на родство с божествами [1, с. 38]. Китайский исследователь Вэнь Идо предполагал, что дракон был тотемом сяских племен, при этом являясь собирательным, компилятивным, сложившемся из черт тотемов отдельных родов образом, что не исключает наслоения дополнительных признаков на основу – тотем-змею одного из родов [цит. по: 13, с. 212]. Современный исследователь Цао Айхуа пишет: «Тотем китайской нации – дракон» [14, с. 101].

Постепенно, в процессе перехода от собирательства к земледелию, тотемизм стал сменяться анимизмом (от лат. *anima* – душа) – верой в духов как причину явлений природы, одушевленность сил природы [1, с. 38]. Появляется вера в священных животных, таких как дракон, феникс, единорог-цилинь, черепаха и тигр, им приписываются фантастические способности. Все, что окружало человека, все природные объекты наделялись душой. Например, горы почитались как Предки [13, с. 17].

Считалось, что большинство духов имеет облик животных, в частности, духи гор воплощались в образах пресмыкающихся, в том числе дракона. Возможно, именно поэтому с именем дракона нередко связана горная местность. Так, в «Каталоге гор и морей» встречается гора Луншоу (龍首 *lóngshǒu*, «Голова дракона»). По легенде, дракон спустился с гор и стал пить из реки воду. После этого земля на месте, где лежала его голова, вытеснилась, и образовала гору [5, с. 147]. В наши дни это имя носит скала, расположенная в горах Лушань провинции Цзянси.

Топонимика Китая просто изобилует связанными с драконом названиями. Мифологическое происхождение имеет топоним «Лунмэнь» (龙门 *lóngmén*, «Врата дракона»), в наши дни – уезд в провинции Гуандун. По легенде, Юй, укротитель потопа, победил дракона в горном ущелье [13, с. 60]. В результате появилось выражение «登龙门 *dēng lóngmén*» – «пройти через врата Дракона», то есть прославиться, стать знаменитым. В провинции Хэнань расположена местность Волунган (卧龙岗 *wòlónggǎng*, «Холм лежащего дракона») – местность, расположенная в провинции Хэнань. Именно в Волунгане жил легендарный полководец эпохи Троецарствия Чжугэ Лян (имевший прозвище «Лежащий дракон») [10, с. 323]. В «Каталоге гор и морей» неоднократно упоминается гора Луншань (龙山 *lóngshān*, «Гора дракона»). Таких гор действительно несколько: на территории современных провинций Хубэй, Хэнань, Ляонин и Шаньси. Кроме того, в городском округе Ляюань провинции Цзилинь имеется район, в провинции Шаньдун – поселок, а в провинции Хубэй – уезд с названием «Луншань». Один из участков Великой Китайской стены, подходящий к морю, называют Лаолунтоу (老龙头 *lǎo lóngtóu*, «голова старого дракона»), да и саму стену нередко сравнивают с земляным драконом. Приведенные примеры подчеркивают роль концепта «дракон» в китайской лингвокультуре. Постоянное использование имени концепта при наименовании природных или созданных человеком объектов свидетельствует о его высокой значимости для лингвокультуры на всех этапах ее развития, его аттрактивности для носителей данной лингвокультуры.

Особая значимость концепта «дракон / 龙 *lóng*» для китайской культуры подтверждается обширными данными: мифологическими, фольклорными, языковыми. В народных верованиях Китая божества, управляющие водной стихией (а иногда и другими), представлялись в образе дракона. Дракон выступал как хранитель рек и озер, считалось, что он знает расположение подземных вод. Ему приписывалась способность создавать тучи и гром, вызывать дождь. Древнекитайская цивилизация была земледельческой, поэтому такие природные бедствия, как засуха или наводнение, имели очень серьезные последствия. Все это объясняло отношение к дракону-божеству как одному из высших существ. Восприятие дракона в качестве божества, управляющего водной стихией, отражено в сехоуяй 龙王爷过江一风大雨大 *lóngwangyé guò jiāng fēng dà yǔ dà*

‘Царь драконов (Лун-ван) переходит реку – сильный ветер, сильный дождь’ (обр. беда; смута; беспорядки).

Концепт «дракон / 龍 *lóng*» в китайском языке имеет широкое номинативное поле – совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества [9, с. 47]. Ядро поля составляют прямые номинации самого концепта непосредственно: 龍 *lóng* ‘дракон’, 螭 *chī* (螭龙 *chīlóng*) ‘безрогий дракон’, 蛟 (蛟龙) *jiāo* (*jiāolóng*) ‘водяной дракон’, 虬 *qiú* (虬龙 *qiúlóng*) ‘рогатый дракон’, 龙王 *lóngwáng* ‘Лунван, Царь драконов’ (божество вод, дождя, холодов).

Периферию номинативного поля составляют языковые единицы, в которых раскрываются отдельные признаки концепта. В частности, это единицы фразеологические. При обращении к фразеологическим словарям китайского языка было обнаружено более 70 единиц, содержащих лексему 龍 *lóng* – ключевой репрезентант концепта. Все они, как правило, имеют положительную окраску. В результате анализа фразеологизмов были выявлены следующие основные смысловые коннотации: выдающиеся способности (11 примеров); высокий социальный статус (6 примеров); сила, энергия (5 примеров); большое (значительное) дело (5 примеров); император, императорский (4 примера).

Анализ образного значения фразеологизмов показывает, что ценностная оценка концепта «дракон/龍 *lóng*» в традиционной культуре в целом является положительной, образ дракона воспринимается как своеобразный эталон. Преобладающую группу составляют фразеологические единицы со значением «выдающиеся способности».

В Китае считают, что гениальный человек «подобен дракону» (犹龙 *yóu lóng*). Образ дракона во фразеологии нередко используется для указания на скрытые способности, непроявившийся талант: 潜龙 *qián lóng* – «прячущийся дракон» (не проявивший себя гений, непроявленный талант); 龙蟠凤逸 *lóng pán fèng yì* – «как дракон свернувшийся, как феникс, скрывшийся из вида» (о человеке необычайно талантливым, выдающихся дарований, держащемся в тени; непризнанный талант). Возможно, в основе данной закономерности лежит отмечаемое еще Сюй Шэнем (автор словаря «Шовэнь цзецзы», 100 г. н. э.) умение быть «скрытым и явным [видимым]» [17, с. 306].

Отдельно следует остановиться на таком значении лексемы 龙 *lóng*, как «император». Оно представлено не только во фразеологии, но и явилось источником образования многочисленных лексических единиц: 金龙 *jīnlóng* ‘золотой дракон’ (император), 龙衣 *lóngyī* ‘одежда дракона’ (императорское одеяние), 龙楼 *lónglóu* ‘башня дракона’ (императорская резиденция), 龙旗 *lóngqí*, ‘знамя с драконом’ (императорский штандарт). Многие из них названы не только по причине принадлежности императору, но и тем фактом, что на них наносились изображения дракона – символа императора и его власти. Считалось, что рождение законного императора предвещается появлением дракона [10, с. 30]. Изображения драконов наносились на места погребений императоров. Связь императора с драконом давала обоснование императорской власти как власти высшей, поэтому правители стремились всячески подчеркнуть свое родство с этим существом. Так, в династию Хань, выходец из крестьян Лю Бан, став императором, выбрал дракона в качестве тотема. Одновременно стали говорить о чудесном зачатии и о драконообразном облике, который будто бы имел Лю Бан при рождении и в отдельные моменты жизни [1, с. 38].

Перед объединением под властью династии Цинь территория Китая подвергалась постоянным набегам сунну. Кроме того, нередкими были и природные бедствия. Как считает В. Елисеєфф, результатом этого стало появление идеи о том, что «изолированное, полагающееся только на свои силы государство никогда не сможет изменить течение таких мощных рек, как Хуанхэ и Янцзы» [2, с. 145]. Если вспомнить, что реками в Китае ведали драконы, то можно предположить, что установлению власти династии Цинь отчасти способствовала вера в то, что приход императора – «дракона» спасет страну от опасностей как природного, так и военного характера.

Несмотря на длительную историю своего существования, концепт «дракон» не потерял своей актуальности и в наши дни. Дракон до сих пор считается одним из главных символов Китая, объектом уважения и любви китайского народа. Одновременно нельзя не упомянуть о некоторой амбивалентности образа дракона, который часто использовался правящими кругами как средство укрепления своей власти, подчинения.

На современном этапе китайский концепт «дракон» обретает новые роли. После Синьхайской революции, приведшей к сверже-

нию монархии его основная функция – быть символом императора, утратила свою актуальность. Однако образ не был забыт, и к нему обратились вновь. Он стал символом единой китайской нации, представители которой стали называть себя 龙的传人 *lóngde chuánrén* ‘потомки Дракона’ (что перекликается с чэньюй 龙子龙孙 *lóng zǐ lóng sūn* ‘сыновья дракона, внуки дракона’ (замечательные дети, достойные потомки)).

В. В. Ступникова отмечает, что китайская нация во второй половине XX века рисовалась как гармоничное общество, состоящее из разных этнических групп, а дракон становился символическим выражением народного единства [12, с. 173]. Это вполне объяснимо, если принять во внимание облик китайского дракона. Так, дракона описывали как существо с рогами оленя, головой верблюда, глазами демона, шеей змеи, внутренностями черепахи (или животом большого моллюска), когтями орла, лапами тигра, ушами быка [1, 407]. Существовали также и другие варианты, однако все они представляли собой синтетические образы. С. Ю. Неклюдов указывает, что столь «многосоставный» облик дракона является специфически китайским и не имеет убедительных аналогов за пределами данной традиции [6, с. 170].

Цао Айхуа считает, что дракон-тотем в современном Китае воплощает в себе «дух толерантности», что проявляется не только в признании единой китайской нации, но и в терпимости к другим культурам [14, с. 103], способности китайской культуры принимать элементы этих культур. Идея толерантности не является для Китая новой, она выражается уже основополагающей парой категорий китайской философии – инь-ян. Китайский дракон, как правило, ассоциируемый с началом ян, может переходить в инь: 凤阳龙阴 *fèng yáng lóng yīn* ‘феникс – светлое, дракон – темное’ (ян и инь дополняют друг друга; сочетание светлого и темного). Еще Сюй Шэнь указывал, что «дракон может быть скрытым и явным [видимым], маленьким и огромным, коротким и длинным» [17, с. 306].

Образ дракона в наши дни также воплощает в себе «дух воодушевления» [14, с. 103]. Обладая умением летать, дракон может добраться до неба [Там же]. Будучи до определенных пор недостижимой, идея полетов в небо всегда привлекала людей. Тот факт, что дракон-тотем способен на это, стал источником вдохновения. В результате Китай в начале XXI века начинает быстро развиваться, постигая плоды политики реформ и открытости, переживает расцвет

науки и техники, а кроме того, становится третьей космической державой [14, с. 103]. Современные успехи Китая во многих сферах действительно не могут не поражать. Их достижение за достаточно короткий период времени было бы невозможным без «сильной» объединяющей и вдохновляющей идеи. Став воплощением подобной идеи, концепт «дракон/龍 *lóng*» обретает на современном этапе новую, еще более объемлющую, чем прежде, значимость.

Цай Аохуа отмечает, что дракон-тотем воплощает в себе «дух гармонии» [Там же]. Представляя собой комплексный тотем, он олицетворяет собой возможность мирного сосуществования разных национальностей с разными обычаями и привычками [Там же]. Гармония (和 *hé*) является одной из основных онтологических категорий китайской философии. Один из главных постулатов конфуцианства – 和而不同 *hé ér bù tóng* ‘находиться в согласии, имея разные взгляды’. Гармоничное единство подразумевает, что, несмотря на объединение в единую китайскую нацию, каждая отдельная национальность сохраняет свое своеобразие. Невзирая на различия между ними, эти национальности мирно сосуществуют.

В современной китайской лингвокультуре концепт «дракон/龍 *lóng*» продолжает быть носителем положительных коннотаций, вместе с тем их характер претерпел значительные изменения. Обращает на себя внимание тот факт, что теперь данный концепт репрезентирует более абстрактные сущности: толерантность, воодушевление, гармонию. Кроме того, изменились и масштабы охватываемого им объекта: эта китайская нация в целом, а не отдельный субъект – божество или император. Очевидно, что новые смыслы концепта мотивированы в первую очередь таким признаком, как многокомпонентность, комплексность существа-тотема, стоящего за ним.

Лингвокультурный концепт «дракон/龍 *lóng*» относится к классу символических концептов. Он обладает всеми присущими таким концептам конститутивными признаками. Ценностная насыщенность образа проявляется положительной оценкой всего, что связано с рассматриваемым концептом. Направленность на сверхчувственный опыт выражается в том, что за чувственно воспринимаемым образом мифического животного скрываются иные, более глубокие смыслы, не воспринимаемые не-носителями китайской лингвокультуры. Концепт «дракон/龍 *lóng*» многомерен, имеет многослойную структуру, круг охватываемых им объектов весьма широк. Для носителей китайской культуры он является аттрактивным,

что подтверждается постоянным использованием образа для репрезентации все новых и новых явлений.

Список литературы

1. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2015. 488 с.
2. Елисеефф В., Елисеефф Д. Цивилизация классического Китая / пер. с фр. Д. Лоевского. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 640 с.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
4. Карасик В. И. Символические концепты // Актуальные проблемы современной лингвистики. 2009. № 11. С. 24–29.
5. Каталог гор и морей / предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 236 с.
6. Неклюдов С. Ю. Многоликий дракон // Демонология как семиотическая система. Альманах / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: Индрик, 2017. Вып. 6. С. 157–202.
7. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
8. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 2, № 2. С. 127–131.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
10. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия») / ред. коллегия: Д. А. Ольдерогге [и др.]. М.: Наука, 1970. 482 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс-Универс, 1993. 656 с.
12. Ступникова В. В. Трансформация семантики образа китайского дракона во второй половине XX века // Россия и Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны: доклады, представленные на III Междунар. конф. молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. С. 172–177.
13. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. 248 с.
14. 曹爱华. 论龙图腾的现代体现与意义 // 赣南师范学院学报 (Journal of Gannan Normal University). 2012. № 5. 101–103页.
15. 成语大词典/ 彩色版: 大学本/ «成语大词典» 编委会编. – 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006. 1433页.

16. 汉语成语词典/ 何平主编. 成都: 电子科技大学出版社, 2004. 1004页.
17. 说文解字/ «线装经典»编委会编. 昆明: 云南教育出版社, 2010. 383页.

УДК 81.342:811.581
ББК Ш10.51: Ш1.71

Изменения тонов в китайском языке

О. Ц. Соктоева¹, Цзоу Хун¹

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье рассматривается понятие полного и частичного изменения тона в китайском языке.

Ключевые слова: *фонетика китайского языка, сочетание слогов, нейтральный тон, частичное и полное изменение тонов*

Changes of the Phonetic Tone in Chinese Language

O. Ts. Soktoeva¹, Zou Hong¹

¹ Transbaikial State University, Chita, Russia

This article is devoted to the disclosure of the content of concepts of partial and complete change of the tones in Chinese Language.

Keywords: *phonetics of Chinese language, combination of syllables, neutral tone, partial and complete change of the tones*

По мнению видных китаистов современности А. Н. Алексина, Т. П. Задоев, И. В. Кочергина, А. Ф. Кондрашевского, М. К. Румянцев, Н. А. Спешнева и многих других, важно разрабатывать вопросы теоретических и практических аспектов в курсе фонетики китайского языка, включая проблемные вопросы для методики обучения китайской фонетики. Тон является наиболее изученной стороной фонетики китайского языка и этой теме посвящены многочисленные работы как советских и российских, так и зарубежных ученых.

Под термином «тон» мы вслед за Н. А. Спешневым подразумеваем два различных по объему понятий. Тон в узком смысле этого слова – частотная характеристика слога, его мелодическая окраска, тон в широком смысле – это совокупность всех признаков супер-

сегментной единицы: мелодика, длительность, распределение интенсивности внутри финали, качество слогообразующего гласного. Тон в китайском языке играет роль в различении смысла слов, что и звук. Тон присущ не слогу в целом, а финали [1].

В путунхуа существует 4 этимологических тона, и каждый отдельный иероглиф имеет один из четырех тонов. Каждый слог имеет свой этимологический тон, но существует много других слогов, которые теряют этот тон, а вместо этого тон произносится более слабым или более коротким тоном, который еще называется нейтральным тоном. Нейтральный тон образуется в некоторых случаях при сочетании нескольких слогов.

Например: иероглиф 头tóu читается вторым тоном, но в слове 木头mùtou он произносится намного слабее чем иероглиф 木mù, поскольку занимает позицию суффикса. Именно по этой причине многие иероглифы в одном слове могут произноситься с каким-то тоном, а в другом без тона (нулевым). Например: 们mén, 子zǐ, 了lǐ, 着zhē, 儿ér, 头tóu.

Понятие нейтрального тона в китайском языке сводится к значению «легкий» или «редуцированный тон» – один из основных морфологических процессов в фонетике китайского языка (путунхуа), наряду с эризацией и изменением тона. Нейтральный тон – это не самостоятельный тон, а редуцированная версия одного из четырех тонов он краткий, невыразительный тон без ударений в произношении, у него нет конкретной высоты, ярко выраженного рисунка [3].

Нейтральный тон имеет свою высоту звука, это зависит от тона слога, находящегося перед слогом, который читается нейтральным тоном. Считается, что после 3-го тона он имеет самую большую высоту звука, после 1-го или 2-го тона – среднюю, а после 4-го тона самую низкую высоту. Например: jiějie, běnzi, shōushang, yǐngzi, wǎnshang; māma, gūgu, zhuōzi, gēge, dīngzi, shūshu; yéye, miánhua, pánzi, wāwa, fāngzi, tóufa; bàba, mèimei, jùzi, dishang, jìngzi, shìshang [2].

Нейтральный тон по произношению отличается от других тонов, существующих в Путунхуа, он зависит скорее не от высоты звука, а от силы, с которой он произносится, т. е. он должен произноситься довольно слабо.

В путунхуа один и тот же иероглиф может читаться этимологическим и нейтральным тоном в зависимости от того, в какой части речи он состоит и какое значение имеет. Например:

兄弟xiōngdì - младший брат; 兄弟xiōngdì - братья;
对头duìtóu - враг; 对头duìtóu - правильный;
练习liànxí - упражняться; 练习liànxí - упражнение;
差使chāishi - служба, должность; 差使chāishi - командировать;

大爷dàye - старший брат отца, дядя; 大爷dàyé - барин;
地道dìdao - натуральный; 地道dìdào - подземный ход;
东西dōngxī - вещь; 东西dōngxī - восточная и западная сторона;

精神jīngshen - дух, душа; 精神jīngshén - психика;
花费huāfei - трата, расходы; 花费huāfèi - тратить;
拉手lāshou - ручка; 拉手lāshǒu - пожать ручку.

В некоторых случаях нейтральный тон может повлиять на произнесение инициалей. Например, в слоге, который читается нейтральным тоном непридыхательные смычные глухие согласные звуки b, d, g читаются полувзвонками смычными звуками [b], [d], [g]. Например: 巴 из слова 嘴巴, 弟 из слова 弟弟, 个 из сочетания 五个, 哥 из слова 哥哥, 白 из слова 明白, 病 из слова 毛病 и др.

Нужно подчеркнуть, что в при быстром темпе случае, когда слоги, которые читаются нейтральным тоном, произносятся очень легко, они могут потерять инициали. Например: 五个 - wǔ'е, 每个 - měi'е, 几个 - jǐ'е, 三个 - sān'е и т. д.

Влияние нейтрального тона на финали еще сильнее. Гласные звуки в нейтральном тоне произносятся в качестве среднеязычного гласного звука [э]. Например: 桌子抓着, 回来下去, 出去上来, 听见找着, 关上黄瓜 и др.

Иногда слоги, читающиеся нейтральным тоном, могут полностью потерять финали (в этом случае остаются только финали). Например: 意思, 什么, , 咱们, 燕子, 豆腐, 怎么, 同志们, 句子, 我们, 那么, 先生们, 裙子 и т. д.

В путунхуа имеются правила изменения нейтрального тона, слог читается нейтральным тоном в зависимости от своего лексического значения и принадлежности к какой-либо части речи. Нейтральным тоном читаются:

1. частицы 吧, 吗, 呢, 啊 и другие, например, в словах, 去吧, 走吗, 怎么办呢, 说啊, 吃吧, 他呢, 来吗, 行啊, 好吗, 累啊, 睡吧, 去吗;

2. вспомогательные слова 的, 得, 地, 着, 了, 过, 们, например, 我的, 慢慢地, 好得很, 说着, 看了, 走了, 做过, 努力地, 同志们, 女士们, 坏了, 努力地;

3. суффиксы существительных 子, 儿, 头, 巴, например: 桌子, 女儿, 石头, 尺子, 木头, 尾巴;

4. некоторые счётные слова, например: 三个, 一些, 七封信, 几个;

5. послелогов, например, в сочетаниях: 家里, 桌子上, 地下, 那边, 箱里, 左边, 车上, 河里, 椅子下;

6. глаголы направления движения, например, 回来, 出去, 跳出来, 走进去, 拉下来, 站起来, 走过去, 跳起来, 记下来;

7. последний слог удвоенных глаголов, например: 看看, 写写, 说说, 谈谈, 画画, 算算, 教教, 试试, 尝尝;

8. личные местоимения, которые выступают в роли дополнения: 找我, 请你, 叫他, 看我们, 问你, 想他 (в этом случае у местоимения сохраняется этимологический тон).

В тональной системе китайского языка есть одна особенность – изменение (смещение) тонов при произношении цепочки слогов с одинаковым тоном, изменение тона происходит при сочетании слогов с определенным тоном. Одна из особенностей китайского языка выражается в модификации характеристик тона, когда он оказывается в сочетании с другими тонами. Такое позиционно обусловленное изменение тона в лингвистике называется сандхи тонов (расподобление тонов).

Одни сочетания вызывают лишь частичное изменение тонов, другие вызывают полное изменение тонов. Частичное изменение выражается в его неполной реализации. Это значит, что некоторая часть тона усекается: длительность его соответственно становится меньше. Китайская фонетическая традиция называет такие тоны полутонами. Как правило, частичное изменение тона происходит при двух одинаковых тонах, следующих друг за другом, например в пределах двусложного слова или словосочетания. Полное изменение тона встречается в китайском языке постоянно и требует большого внимания в процессе усвоения основ китайской филологии [1].

В двусложных сочетаниях с третьим тоном, то первый из них меняется на второй, в трехсложных сочетаниях (трех и более подряд идущих морфем с третьим тоном) смещение происходит согласно «правилу наибольшей близости слов».

В китайском языке есть несколько слов, которые изменяют свой этимологический тон в зависимости от тона последующего слога. Такими словами являются числительные: 一 yī один, 七 qī семь, 八 bā восемь и отрицание 不 bù. Перед 4-м тоном 一, 七, 八, 不 читаются 2-м тоном; перед остальными тонами, т. е. перед 1-м, 2-м и 3-м тоном иероглиф 一 и отрицание 不 читаются 4-м тоном, а числительные 七, 八 своим этимологическим тоном (первым тоном). Например: 一天, 一家, 一条, 一年, 一起, 一组 (здесь 一 yī читается четвертым тоном yì; 一件, 一定, 一份, 一切, 一片, 一共 (здесь 一 читается вторым тоном yí); 七夕, 八方, 七人, 八成, 七点, 八角, 七月, 八字 (здесь 七 и 八 читаются их этимологическим, первым, тоном).

Изменения на нейтральный тон – особый вид изменения тона. Чаще всего встречаются изменения 3-го, 4-го тонов, а также изменения и в удвоенных прилагательных.

В двусложных сочетаниях встречаются 3 вида изменения тонов:

1) изменение этимологического тона на нейтральный (см. примеры выше);

2) незначительное изменение этимологического тона (третий тон изменяется на полутретий тон), например:

перед 1 тоном: 老师, 首都, 小说, 雨衣, 北方, 首先, 始终, 简单, 普通;

перед 2 тоном: 语言, 旅行, 住持, 脸盆, 起床, 举行, 水田, 检查, 满足;

перед 4 тоном: 土地, 晚饭, 主见, 感谢, 美丽, 可惜, 武术, 访问, 马路, 古代;

перед нейтральным тоном: 尾巴, 比方, 喜欢, 牡丹, 打听, 早上, 姐姐, 奶奶, 眼睛, 本子;

3) изменение этимологического тона на другой тон при сочетании двух третьих тонов: первый иероглиф читается как второй тон; при сочетании более двух слогов третьего тона, последний слог читается третьим тоном, а предыдущие вторым тоном: 水果, 冷水, 展览馆, 举手选举, 永远友好友好.

Нужно обратить внимание на то, что если первый иероглиф имеет третий тон, а второй иероглиф – нейтральный тон, который этимологически произошел от третьего тона, то первый иероглиф может произноситься несколькими способами:

1) первый иероглиф произносится полутретьим тоном (полутретий + нейтральный), например: 耳朵, 椅子, 影子, 早上, 奶奶, 晚上, 姥姥;

2) первый иероглиф произносится вторым тоном (второй + нейтральный), например: 小鬼, 老虎, 哪里, 老鼠, 没有, 小姐, 可以, 打扫, 手里.

Итак, тон выполняет свою фонологическую роль благодаря совокупности всех его признаков.

Список литературы

1. Спешнев Н. А. Китайская филология: избранные статьи. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 232 с.
2. 现代汉语语音问答. 北京大学出版社, 2010. 6.
3. Китаист инфо. URL: www.kitaist/info (дата обращения: 05.03.2021). Текст: электронный.

УДК 81'373.21

ББК 81.053.16

Мемориальные ойконимы в Китайской Народной Республике

Ж. В. Шмарова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В топонимической системе любого народа есть названия с антропонимическими элементами. Это связано, прежде всего, с желанием сохранить в памяти народа имена людей, внёсших значительный вклад в развитие страны. Объектом исследования данной статьи послужили ойконимы Китая, крупные города и уезды, названные в честь прославленных людей. Выделено три этапа в развитии антропотопонимов. В период до Синьхайской революции источником наименований служили имена правителей, мудрецов, героев китайской мифологии, поэтов. После Синьхайской революции и до образования КНР появились топонимы в честь революционных героев, отдавших свои жизни борьбе за становление нового государства. В период после образования КНР было издано постановление правительства страны о запрете на использование имен собственных для наименований топонимов внутри страны. В то же время в дру-

гих странах в знак дружбы и сотрудничества появляются улицы в честь известных китайских политических деятелей.

Ключевые слова: *ойконим, мемориальный топоним, антропоним, национальный герой*

Memorial Oikonyms in the People's Republic of China

Zh. V. Shmarova

Transbaikal State University, Chita, Russia

The toponymic system of any people has names with anthroponymic elements. This is primarily due to the desire to preserve in the general public memory the names of the people who have contributed significantly to the country's development. The object of this article is the oikonyms of China, large cities and districts named after famous people. There are three stages in the development of anthropotonyms. In the period before the Xinhai Revolution, the rulers', sages', Chinese mythology heroes', and poets' names served as the source of naming. After the Xinhai Revolution and before the formation of the PRC, place names honored the revolutionary heroes who gave their lives to the struggle for the formation of a new state. In the period after the formation of the PRC, the country government issued a decree prohibiting the use of proper names for names of toponyms within the country. At the same time, streets in honor of famous Chinese politicians appear in other countries as a sign of friendship and cooperation.

Keywords: *oikonym, memorial toponym, anthroponym, national hero*

Ойконим – собственное имя любого поселения, сельского или городского. Ойконимы могут иметь естественно-географическое или историко-культурное происхождение. Появление историко-культурных ойконимов связано с именами жителей поселения, великих исторических личностей, с лексикой, свойственной какой-либо религии, с некоторыми социальными реалиями.

Как известно, существует давняя традиция давать названия географическим объектам по имени известного человека. Такая группа топонимов называется мемориальные. С. Н. Басик отмечает: «Эти топонимы увековечивают имена выдающихся либо просто

знаменитых людей – первооткрывателей, путешественников, ученых, политических деятелей» [1, с. 66].

В Советском Союзе и некоторых других странах социалистического лагеря было огромное множество мемориальных идеологических топонимов. Они присваивались по именам партийных лидеров, участников революции гражданской войны и т. д. [Там же, с. 68]. Названия городов и улиц в СССР носили имена не только революционеров, партийных работников, но и людей из мира искусства, академиков, учёных, исторических личностей. Такие топонимы даже получили свой специфический термин – «советонимы».

Ван Хуа пишет о том, что по характеру развития современную китайскую топонимику можно разделить на три этапа: 1) период до Синьхайской революции; 2) период после Синьхайской революции; 3) период после образования КНР [2, с. 223]. Эти три этапа в полной мере отражают и особенности образования антропотопонимов.

Первый этап. До Синьхайской революции названия местностям давали по именам легендарных правителей, прославленных мудрецов, поэтов, врачей. Ниже приведем примеры названий округов, городов и уездов.

Хуанлин (黃陵, буквально: «могила Жёлтого императора») – уезд городского округа Яньань провинции Шэньси. Считается местом захоронения легендарного Желтого императора.

Уезд Яньлин (炎陵县) провинции Хунань считается святым местом легендарного императора Янь (или Шэннун神农), который по легендам считается предком китайской нации. Он собирал травы, лечил людей, обучал людей выращивать культуры и собирать урожай.

В провинции Хубэй есть Лесной район Шэньнунцзя (神农架林区) – особая административная единица окружного уровня.

Город Циньхуандао (秦皇岛) в провинции Хэбэй, названный в честь императора Цинь Шихуана, который некогда останавливался здесь во время путешествия по стране.

Тайкан (太康) – уезд городского округа Чжоукоу провинции Хэнань. Уезд назван в честь Тай Кана – 3-го императора легендарной династии Ся.

Маомин (茂名市) – городской округ в провинции Гуандун. Название дано в честь Пань Маомина. Этот человек – один из мудрецов древнего Китая, живший в Китае в IV веке нашей эры, счи-

тается основателем линнаньского (*регион Линнань – провинции Гуандун и Гуанси*) даосизма. Он много путешествовал по Китаю, занимался сбором лекарственных трав и врачеванием. Пань Маомин помог справиться с эпидемией, царившей в то время в стране, чем снискал глубокое уважение народа.

Жэньцю (任丘) – городской уезд провинции Хэбэй. Название связано с тем, что в эпоху Западная Хань великий полководец Жэньгуан основал здесь укрепление для обороны побережья.

Город Юйчжоу (禹州市) провинции Хэнань, и город Юйчэн (禹城市) провинции Шаньдун названы в честь Великого Юя, легендарного китайского правителя, основателя династии Ся.

Учжун (吴忠) – городской округ в Нинся-Хуэйском автономном районе. У Чжун известен как город тысячи башен на Востоке и как «родной город китайской национальности хуэй». Топоним У Чжун был образован при династии Мин (приблизительно 1368 год нашей эры). В то время для охраны населения уезда Линчжоу был построен форт, названный У Чжунбао в честь начальника пограничного отряда У Чжун.

Округ Уци (吴起县) провинции Шэньси. По легенде знаменитый генерал периода Сражающихся царств У Ци когда-то размещал здесь войска.

Уезд Цинфэн (清丰) провинции Хэнань. Название дано в память мудреца Чжан Цинфэна, жившего в этих местах в средние века.

Вэньчэн (文成) – уезд городского округа Вэньчжоу провинции Чжэцзян. Уезд был создан в 1946 году; в качестве названия было взято посмертное имя родившегося здесь в XIV веке знаменитого государственного деятеля Лю Цзи или Лю Бовэнь (1311–1375), который был выдающимся военным стратегом и главным советником основателя династии Мин.

Уезд Хоцзя (获嘉县) провинции Хэнань. Согласно легенде, во времена правления императора У-ди династии Западная Хань министр Южного Вьетнама Лу Цзя восстал и убил посланника правительства Западного Хань. Император У-ди послал войска и подавил мятеж. В то время император У-ди посетил территорию округа Хоцзя на востоке и дал ему название «Хоцзя» (букв. «захватить Цзя»). Уезд был создан в ознаменование победоносного завершения похода генерала Лю Бодэ против мятежника Лю Цзя.

Город Цзесю (介休) провинции Шаньси известен как родной город трех мудрецов, один из которых Цзе Цзытуй.

Уезд Цзишань (稷山) городского округа Юньчэн провинции Шаньси. Уезд считается родным городом Хоу-цзи (后稷) – героя китайской мифологии, покровителя земледелия и предка династии Чжоу.

Уишань (武夷山) – городской уезд городского округа Наньпин провинции Фуцзянь. Название дано в честь знаменитой горы в провинции Фуцзянь. Уи считается духом горы Уи.

Наньгун (南宮) – городской уезд городского округа Синтай провинции Хэбэй. Название связано с тем, что во времена династии Чжоу здесь жил Наньгун Ко из царства Лу, один из восьми ученых Западной Чжоу.

Второй этап. Синьхайская революция 1911 года – великое историческое событие начала XX столетия. Произошло свержение монархии и введение республиканской формы правления.

В Российской Федерации почти в каждом городе есть улица Ленина, так и во многих городах Китая есть улица Чжуншань или парк Чжуншань, названные в честь г-на Сунь Ятсена, отца-основателя Китайской Республики. После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. в память о нем почти в каждом крупном городе самую главную торговую улицу переименовали в улицу Чжуншань. Прежде всего, это те города, где когда-то жил и проводил революционную деятельность господин Сунь Ятсен – Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Нанкин, Циндао, Наньчан и т. д. Улицы, названные в честь Сунь Ятсена, есть также в Уху (芜湖), Сямэне, Тяньцзине. В Пекине же бывшая улица Чжуншань теперь объединена с проспектом Чанъань. В народе говорят: Чжуншаньских дорог столько, сколько городов [5].

В 1925 году уезд Сяншань был переименован в уезд Чжуншань, в 1988 году он стал городом Чжуншань. Это один из немногих городов Китая, названных в честь известного человека.

Начало XX столетия и первая его половина в обеих странах оказались сложным периодом борьбы за власть и становления нового государства. Такая борьба сопровождалась и борьбой идеологической. Следствием этого оказались многочисленные жертвы как среди простого народа, так в среде революционных лидеров. Поэтому активно поддерживались идеи переименований населенных пунктов в честь героев войны.

В таблице представлены города и уезды, получившие названия в честь революционных борцов за становление новой политической власти.

<i>Название города</i>	<i>Соответствующий антропоним</i>	<i>Год переименования</i>
Город уездного уровня Хуанхуа 黄骅市 (провинция Хэбэй)	Хуан Хуа (黄骅) 1911 г. рожд. – комедант пограничного района Цзилу. Был убит в 1943 году [4]	1945
Уезд Цзинъюй靖 字县 (провинция Цзилинь)	Ян Цзинъюй (杨靖宇) 1905 г. рожд. – герой антияпонского сопротивления. Героически погиб в 1940 году [4]	1946
Уезд Цзоцюань 左 权县 (провинция Шаньси)	Цзо Цюань (左权) 1905 г. рожд. – командующий рабоче-крестьянской Красной армией. В мае 1942 года был убит при проведении японцами военной операции [4]	1942
Уезд Цзычжоу 子 洲县 (провинция Шэньси)	Ли Цзычжоу (李子洲) 1892 г. рожд. – герой-революционер. В 1929 г. умер в тюрьме от болезни и пыток гоминьдановцев [4]	1944
Город Шанчжи 尚志市 (городской уезд города субпровинциального значения Харбин)	Чжао Шанцзы (赵尚志) 1908 г. рожд. – военный деятель КПК. В 1942 г. скончался, получив тяжелое ранение в бою [4]	1946
Уезд Чжидань 志 丹县(провинция Шэньси)	Лю Чжидань (刘志丹) 1903 г. рожд. – генерал Красной армии. В 1936 г. погиб в сражении [4]	1936
Городской уезд Цзычан 子长县 (провинция Шэньси)	Се Цзычан (谢子长) 1897 г. рожд. – генерал Красной армии. В 1935 г. умер в результате ухудшения состояния здоровья из-за полученных в сражениях ран [4]	1942

Из рассмотренных материалов можно констатировать, что наименования городов, уездов или улиц в Китае связаны, прежде всего, с именами известных революционеров, видных деятелей из КПК, которые в первой половине XX столетия вели борьбу за создание нового государства социалистического строя. Появление мемори-

альных ойконимов приходится на период пика борьбы, 30-е и 40-е годы. Переименование происходило довольно активно. Имена поэтов и писателей также могли послужить источниками названия топонимов. Например, улица Лу Синь в городе Шаосин провинции Чжэцзян, где родился известный писатель. В Шанхае есть парк имени Лу Синя.

Однако некоторой части мемориальных названий спустя несколько лет возвращались первоначальные названия, причиной тому служили изменения в территориально-административной структуре. Например, Уезд Юньбяо провинции Хэбэй в конце 1942 года был основан, чтобы почтить память мученика Лю Юньбяо (刘云彪), главы кавалерийского полка Шаньси-Чахар-Хэбэйского военного округа Восьмой армии, погибшего в апреле 1942 года. После победы в антияпонской войне уезд Юньбяо был упразднен, а его территории были возвращены первоначальным уездам [6].

Третий этап. С образованием КНР правительство страны запретило называть улицы в честь главы государства или известных политических деятелей с целью предупреждения развития культа личности. В 1986 году Государственный Совет Китайской Народной Республики обнародовал «Положение об использовании географических названий», в котором пункт 2 статьи 4 гласит: «Личные имена, как правило, не используются в качестве географических названий. Запрещается использовать имена национальных лидеров в качестве географических названий» [7]. Поэтому географические названия в честь партийных и правительственных лидеров в Китае теперь не образуются [4].

В России очень сильна традиция называть улицы в честь известных людей, реже это распространяется на наименование городов. Ши Цзялу по результатам своего исследования отмечает, что в китайской лингвокультуре не принято называть улицы в честь известных людей в отличие от России [Ши Цзялу, с. 15]. Поэтому в Китае названий улиц в честь известного человека намного меньше, чем в России.

Интересно заметить, в поселке Славино, более чем в 50 километрах к северу от Москвы, есть улица Дэн Сяопина. В 1993 г. улица была названа по инициативе известного российского офтальмолога С. Федорова, который относился с глубоким уважением к китайскому реформатору. Это была первая в мире улица, названная в честь китайского деятеля.

В столице Кыргызстана Бишкек есть проспект Дэн Сяопина, открытый в 1996 году. В начале проспекта установлена каменная стела с рельефом головы китайского реформатора. Ниже на трех языках – кыргызском, русском и китайском – написано: «Проспект назван в честь великого сына китайского народа Дэн Сяопина». А в самом Китае такой улицы нет. Кроме того, есть улица Мао Цзедуна в столице Мозамбика, Камбоджи.

В заключение следует отметить, что мемориальные названия чаще, чем какая-либо другая категория топонимов, подвергается переименованию. Это бывает связано с необходимостью дать названия, идеологически соответствующие новому времени, новым веяниям. Так, одна из кампаний по переименованию была связана с периодом культурной революции. Китай охватила мощная волна переименований улиц. В начальный период культурной революции хунвэйбины переименовали 412 улиц и переулков Пекина. Однако впоследствии большая часть переулков вновь обрела свои прежние названия. Например, в Пекине улица в честь генерала Чжан Цзычжуна была переименована в «Восточную улицу рабочих, крестьян и солдат», в 1984 году улице вернули прежнее название в честь прославленного генерала.

Список литературы

1. Басик С. Н. Общая топонимика: учеб. пособие. Минск: БГУ, 2006. 200 с.
2. Хуа В. Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц). Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 1. С. 219–230. URL: <https://rucont.ru/efd/338115> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Ши Цзялу. Сопоставительный анализ топонимов Китая и России (на примере наименования улиц): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М.: 2021. 22 с.
4. 全国各地29个以人名命名的城市. URL: http://www.360doc.com/content/18/0627/05/27469941_765700799 (дата обращения: 18.06.2021). Текст: электронный.
5. 中国为什么几乎每个城市都有一条中山路，哪几条你去过？ URL: https://www.sohu.com/a/162489705_366506 (дата обращения: 18.06.2021). Текст: электронный.
6. 中国以烈士命名的城市. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1859753871402856987.html> (дата обращения: 18.06.2021). Текст: электронный.
7. 地名管理条约. URL: <https://baike.baidu.com/item> (дата обращения: 18.06.2021). Текст: электронный.

УДК 81'01

ББК 81.21

Этимология идеографической категории иероглифов

Е. А. Юйшина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Китайская иероглифическая письменность является одной из самых древних письменностей на земле. Назвать точную дату возникновения китайской письменности невозможно. Однако китайский исследователь Лань Тань предположил, что она появилась четыре-пять тысяч лет назад. Письменность китайского языка прошла долгий путь развития от пиктограмм к современному иероглифическому письму. Китайская традиционная история письма начинается с эпохи первых мифических императоров Фу Си и Шэнь Нуна. В тот период для записи использовались шнурки с узелками, зарубки на деревянных бирках и триграммы, которые состояли из сочетания целых и прерванных линий.

Ключевые слова: *идеографическая категория, вэньянь, китайские иероглифы, графемы, удвоение графем*

Etymology of the Ideographic Category of Hieroglyphs

E. A. Yuyshina

Transbaikal State University, Chita, Russia

Chinese hieroglyphic writing is one of the most ancient scripts on earth. It is impossible to name the exact date of the origin of Chinese writing. However, the Chinese researcher Lan Tan suggested that it appeared four to five thousand years ago. Chinese writing has come a long way from pictograms to modern hieroglyphic writing. Chinese traditional writing history dates back to the era of the first mythical emperor's Fu Xi and Shen Nong. During this period, laces with knot notch on wooden tags, and trigrams, which consisted of a combination of whole and interrupted lines, were used for recording.

Keywords: *ideographic category, wenyan, Chinese characters, graphemes, grapheme doubling*

Древняя китайская письменность — цзягувэнь — дает возможность ясно представить картину возникновения и развития китайской письменности. Путем анализа структуры иероглифов цзягувэнь можно увидеть принцип работы, которой придерживались в древние времена для создания иероглифов. Китайские иероглифы состоят из сравнительно небольшого количества графических элементов. Графический элемент, или черта — это простейшая неразложимая составная часть иероглифа. Графические элементы, как правило, не имеют самостоятельного значения. Сочетаясь между собой и записываясь в определенной последовательности, они образуют более сложные значимые единицы (графемы), которые могут употребляться либо самостоятельно, как отдельный простой иероглиф, либо как составная часть сложного иероглифа [1, с. 19].

Сюй Шэню понадобился двадцать один год для работы над словарём «Шовэнь Цзецзы». Он не только проанализировал и разделил китайские иероглифы на шесть категорий, но и созданием своего словаря ввёл открытую дискуссию среди филологов о настоящих формах и происхождении иероглифов.

По происхождению и структуре китайские иероглифы принято делить на шесть основных категорий: изобразительные иероглифы, указательные иероглифы, идеограммы, фоноидеограммы, заимствованные иероглифы и видоизмененные иероглифы. Идеографическая категория (иероглифы, получаемые путем сочетания двух или нескольких простых знаков). Развитие иероглифического письма шло по линии соединения знаков указательной и изобразительной категорий в сложные иероглифы. Такие иероглифы образовали новую категорию — идеограммы.

К идеограммам прежде всего относятся знаки, которые выражают понятия через удвоение и утроение одного и того же простого иероглифа. Например, 林 lín «лес», в этом иероглифе изображены две графемы 木 mù «дерево»; 森 sēn «чаща», в котором изображены три графемы 木 mù «дерево». Также к идеограммам принадлежат и такие сложные знаки, составные части которых выражают близкие понятия. Например, иероглиф 明 míng «светлый», в котором изображены 日 rì «солнце» и 月 yuè «луна». Идеограммы также могут состоять из простых знаков, один из которых обозначает понятие субъекта действия. Например, иероглиф 坐 zuò «сидеть», в котором изображены два «человека» 人 rén на «земле» 土 tǔ. Смысловые категории между композиционными элементами идеограмм могут быть

основаны на приеме сравнения. Например, иероглиф 扇 shàn «створка», этот иероглиф включает в себя графемы 户 hù «дверь» и 羽 yǔ «крылья», отсюда его значение «створка», как бы «дверь с крыльями». Рассмотрев категории китайских иероглифов, в количественном отношении знаки различных категорий будут соотноситься следующим образом: графемы – до 10%; идеографические знаки – до 10%; фоноидеографические знаки – от 80% и более [2, с. 10].

Итак, классификация иероглифов отражает процесс развития китайской письменности от пиктограмм к идеограммам, простым и сложным, от идеограмм к заимствованиям и к фоноидеограммам. С необходимостью создания новых слов, которые выражали абстрактные и конкретные понятия, появлялись новые категории. Изобразительные иероглифы создавались из рисунка, обозначающего нарисованный предмет. Иероглифы указательной категории своим начертанием указывали на отношение и свойство предметов. Видоизмененная категория иероглифов указывает на особенность истории употребления. В заимствованной категории иероглифы используются для выражения новых понятий. Идеографическая категория представляет собой соединение знаков изобразительной и указательной категорий в сложные иероглифы. Иероглифы фонетической категории явились завершающим этапом развития иероглифики. Иероглиф, который существует и создается заново, относится к одной из шести категорий.

Идеографическая категория иероглифов представляет собой группу иероглифов, смысл которых передается путем сочетания нескольких пиктограмм в новое смысловое сочетание, обусловленное значением самих пиктограмм. Иероглиф этой категории состоит из двух или более простых графем, все части в которых имеют значение. Их комбинация образует логическую совокупность для описания новых значений. Так, иероглиф 伐 fá «нападать», в нем изображен человек 人 rén с алебардой 戈 gē; иероглиф 折 zhé «рубить» состоит из графем рука 扌 shǒu и топор 斤 jīn; иероглиф 安 ān «покой» состоит из графем 宀 mián «крыша», а под ней женщина 女 nǚ и другие. Иероглифы идеографической категории называют идеограммами. Они представляют собой знак, в котором для передачи смысла объединены несколько пиктограмм. Например, для выражения множественности смысла людей в одном иероглифе были объединены три графемы, каждая из которых означала одного человека: 众 zhòng «толпа, множество» [3, с. 297].

В связи с потребностью записывать слова, которые обозначали трудно или невозможно передаваемые рисунком или указательным знаком понятия, поэтому стали создавать иероглифы из сочетаний уже существующих простых знаков. Так появились составные иероглифы. Например, в иероглифе 从 *cóng* «следовать за кем-то» изображены два человека, следующие один за другим; в иероглифе 休 *xiū* «отдыхать» изображен человек, прислонившийся к дереву, в иероглифе 牧 *mù* «пасти (скот)» изображена рука с палкой, занесенной над быком; в иероглифе 並 *bìng* «вместе», «рядом» изображены два человека, которые идут рядом. Такие иероглифы, сочетания составных частей которых раскрывает идею, заложенную в значении иероглифа, в общем, представляет небольшую группу китайских иероглифов и относится к идеографической категории иероглифов [4, с. 28].

К идеографическим сочетаниям, прежде всего, относят иероглифы, выражающие отвлеченное понятие через удвоение, утроение, а иногда и более, одной той же графемы. Например: 林 *lín* «лес», в этом иероглифе удваивается графема 木 *mù* «дерево»; 森 *sēn* «чаща», в этом иероглифе графема 木 *mù* «дерево» утраивается; 众 *zhòng* «толпа», в этом иероглифе утраивается графема 人 *rén* «человек». Также к идеограммам принадлежат и такие сложные знаки, составные части которых выражают близкие понятия. Например, иероглиф 明 *míng* «светлый», в котором изображены 日 *rì* «солнце» и 月 *yuè* «луна». Идеограммы также могут состоять из простых знаков, один из которых обозначает понятие субъекта действия. Например, иероглиф 坐 *zuò* «сидеть», в котором изображены два «человека» 人 *rén* на «земле» 土 *tǔ*. Смысловые категории между композиционными элементами идеограмм могут быть основаны на приеме сравнения. Например, иероглиф 扇 *shàn* «створка» в котором изображены графема 户 *hù* «дверь», а под ней графема 羽 *yǔ* «крылья».

Иероглифы с удвоением графем являются одной из составляющих элементов идеографической категории. Таких иероглифов немного, но в каждом из них скрыт некий смысл, путем которого можно понять значение иероглифа, к какой области он относится. Например, в иероглифе 从 *cóng* «следовать за кем-то» две графемы 人 *rén* «человек», которые изображены друг за другом, отсюда его значение «следовать за кем-то»; в иероглифе 炎 *yán* «воспаление», «воспалительный процесс», «жар». удваивается графема 火 *huǒ* «огонь», которая также обозначает некую энергию, отсюда его

значение «воспаление», «жар», «воспалительный процесс»; в иероглифе 焱uān «искры», «пламя» утраивается графема 火huǒ «огонь», что говорит об увеличении от единичного к множественному, отсюда его значение «искры», «пламя»; в иероглифе 垚uáo «высокая насыпь» утраивается графема 土tǔ «земля», снизу иероглифа изображены две земли, а над ними еще одна земля, отсюда его значение «высокая насыпь».

Любой иероглиф состоит из графем, которые, являясь составной частью иероглифа, выступают в качестве смыслового показателя, указывая, к какой сфере относится слово, записываемое данным иероглифом. Возникновение нового иероглифа всегда было связано с потребностью записать какое-либо слово, которое выражает то или иное понятие, а графема во вновь созданном иероглифе должна была указывать, понятие какого рода или какой области обозначает записанное иероглифом слово [4, с. 31–32]. Следует отметить, что иероглифы с удвоением графем служат для: усиления признака иероглифа; для преумножения значения или для увеличения значения от единичного к множественному. Рассмотрим примеры.

В иероглифе 林lín «лес» две графемы 木mù «дерево», которые изображены рядом, приняли значение «лес». Здесь удвоение графем служит для усиления признака. В иероглифе 森sēn «роща» три графемы 木mù «дерево», которые изображаются так: сверху одно дерево, а под ним еще два, это говорит о преумножении от единичного к множественному графемы со значением «дерево». Поэтому у этого иероглифа значение «роща».

В иероглифе 磊lěi «груда камней» утраивается графема 石shí «камень», который изображен следующим образом: внизу два камня, а сверху еще один, отсюда утроение служит для преумножения значения от единичного к множественному, а сам иероглиф носит значение «груда камней».

В иероглифе 淼miǎo «водная ширь» изображены три графемы 水shuǐ «вода», поэтому это служит для преумножения значения иероглифа, и он обозначает «водная ширь». В иероглифе 男nán «заигрывать», «забавляться» между удвоенными графемами 男nán «мужчина» стоит графема 女nǚ «женщина», поэтому этот иероглиф передает значение «забавляться».

В иероглифе 蠢chǔn «глупый», «скудный», «толстый», «оживший» удваивается графема 虫chóng «насекомое», «червяк», в котором изображены иероглиф 春chūn «весна», а под ней две графемы

虫chóng «насекомое». Значение этого иероглифа можно объяснить следующим образом: когда наступает весна, которая символизирует начало, новую жизнь, то в этот период в природе все оживает, начинает цвести, просыпаются не только животные, но и насекомые, поэтому значение иероглифа «скудный» связано с едой, которой питаются насекомые, так как весной еды либо мало, либо она в избытке, а если она в избытке, то отсюда возникает другое значение «толстый», «ожиревший».

В иероглифе 呂lǚ «позвоночник» удваивается графема 口kǒu «рот», представляя позвоночник, который состоит из последовательно соединенных друг с другом в вертикальном положении позвонков, можно сказать, что в иероглифе «позвоночник», где две графемы рот изображены одна над другой, носят изобразительный характер, а удвоение служит для усиления признака.

В иероглифе 蕊ruǐ «тычинка и пестик» утраивается графема 心xīn «сердце», он изображен следующим образом: сверху написана 艸cǎo «трава», это говорит о том, иероглиф связан с растительностью, а под ней написаны три графемы 心xīn «сердце», которая также имеет значение «сердцевина», отсюда значение иероглифа «тычинка и пестик».

В иероглифе 嬰yīng «младенец», «новорожденный» удваивается графема 貝bèi «раковина», который изображается следующим образом: сверху пишется две графемы 貝bèi «раковина», а под ними графема 女nǚ «женщина». Так как в древние времена вместо денег использовали «раковины», а деньги как бы подразумевают собой сокровище, богатство, отсюда можно пояснить значение иероглифа, дети – это сокровища женщины, поэтому этот иероглиф носит значение «младенец», «новорожденный».

Удвоение графем может служить для преумножения значения, например, втак иероглифах, как 孖mā «пара», «два», «близнецы» удваивается графема 子zǐ «сынчик», «ребенок», а в иероглифе 雙shuāng «пара», «парный» удваивается графема 又yòu «ладонь». Изображение удвоенных графем ведет к удвоению соответствующего смысла, увеличению от единичного к множественному.

В иероглифе 掰bāi «разрывать», «разламывать» удваивается графема 手shǒu «рука», данный иероглиф изображен следующим образом: слева и справа графема 手shǒu «рука», а между ними графема 分fēn «разделять», так, чтобы что-то разорвать или разломить, нужно выполнить действие как бы двумя руками, поэтому в этом

иероглифе удвоение графем служит для усиления признака. В иероглифе 焚 fēn «сжигать», «уничтожать огнем» удваивается графема 木 mù «дерево», он изображается следующим образом: сверху две графемы «дерево», а под ними графема 火 huǒ «огонь», то есть огонь уничтожает лес, сжигает его, отсюда значение этого иероглифа «сжигать».

Опираясь на исследования ученых и собственные наблюдения, можно сказать, что иероглифы с удвоением графем носят изобразительный характер. Такое свойство говорит о том, что древние китайцы путем удвоения или даже утроения графем наглядно изображали иероглиф, в котором графема своим написанием показывала, к какой области относится тот или иной иероглиф, с чем он связан, а удвоение или утроение раскрывало его значение. Например, в иероглифе 畛 jiāng «межа» удваивается графема 田 tián «поле», который изображается следующим образом: два поля друг над другом, что подразумевает два смежных поля, разделенных на четыре части каждое, отсюда его значение «межа». В иероглифе 畺 léi «межа» данная графема утраивается, изображение включает сверху одно, а под ним еще два поля, иероглиф подразумевает три смежных поля, разлинованных на четыре части, отсюда его значение «межа».

В иероглифе 磊 lěi «звук от удара камня о камень» удваивается графема 石 shí «камень», изображение включает два стоящих рядом камня, так если визуализировать звук удара камней, потребуется два камня. В иероглифе 磊 lěi «груда камней» графема 石 shí «камень» утраивается, изображение включает сверху один камень, а под ним еще два. Объяснить его значение можно так: груда камней представляет собой наваленные друг на друга камни.

В иероглифе 艸 cǎo «трава» удваивается графема 艹 cǎo «трава», иероглиф изображается как две травы, стоящие рядом. Если сама графема «трава», означает предположительно одну травинку, то путем удвоения графемы значение увеличивается от единичного к множественному, отсюда его собирательное значение «трава». При утроении графемы 艹 в иероглифе 𦰩 huì «травы», «растительность» иероглиф приобретает следующий вид: сверху одна графема трава, а под ней еще две, таким образом визуализируется большое количество травы, например, на поле.

В иероглифе 鑫 xīn «богатство» утраивается графема 金 jīn «золото», «металл», к тому же утроение знака стихии металла, счастливый знак для собственных имён, который символизирует богатство

и процветание. В иероглифе 姦jiān «зло», «беспорядок», «лукавый», «коварный» утраивается графема 女nǚ «женщина», иероглиф можно объяснить так: когда одна женщина, то это спокойствие, а если уже три, то это беспорядок, хаос.

В заключение можно сделать вывод, что иероглифы с удвоением графем являются одно из составляющих идеографической категории, которая представляет собой группу таких иероглифов, которые выражают отвлеченное понятие через удвоение или утроение одной и той же графемы. Однако к этой категории относятся не только иероглифы с удвоением графем, но и составные иероглифы, сложные знаки, составные части которых выражают близкие понятия. Иероглифы с удвоением графем носят изобразительный характер, это говорит о том, что наглядное изображение иероглифа с удвоением или утроением графемы показывало, к какой области он относится. К тому же, такие иероглифы путем удвоения усиливают признак иероглифа, а также его значения, преумножают значение и увеличивают значение иероглифа от единичного к множественному.

Список литературы

1. Задоевко Т. П., Хуан Ш. Учебник китайского языка. М.: Наука, 1973. 755 с.
2. Китайско-русский словарь. Пекин, 1989. 1250 с.
3. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. Грамматическая природа слова. Москва: Наука, 1968. 392 с.
4. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 638 с.
5. 说文解字\许慎. – 北京: 中华书局, 1958年.

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 172.4

ББК 87.6

Межкультурные коммуникации в пространстве России и Китая

Е. Е. Богодухова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье рассматривается понятие межкультурных коммуникаций с позиций разных исследователей. Автором описываются некоторые особенности становления российско-китайского культурного пространства, а также представлено его значение в развитии коммуникаций между государствами.

Ключевые слова: *коммуникация, диалог, общение, культура, межкультурная коммуникация, общество, Россия, Китай, культурное пространство*

Intercultural Communication in the Space of Russia and China

E. E. Bogodukhova

Transbaikal State University, Chita, Russia

The article examines the concept of intercultural communication from the standpoint of different researchers. The author describes some of the features of the formation of the Russian-Chinese cultural space, and also presents its significance in the development of communications between states.

Keywords: *communication, dialogue, communication, culture, intercultural communication, society, Russia, China, cultural space*

Межкультурная коммуникация является одним из главных инструментов взаимодействия культур. Образ страны формируется под воздействием различных компонентов – мировоззрения, со-

циокультурной среды, образования, культуры и т. д. Невозможно объяснить происходящие события с позиции какой-либо определенной культуры, системы ценностей или идей. Одним из условий благополучного существования общества является диалог культур, значимую роль в котором играет образ страны. Культурный взаимообмен является продуктом развития общества, который необходим для развития цивилизации. В результате такого взаимодействия происходит рациональный отбор, позволяющий сохранять этнические особенности, перенимать опыт и традиции других культур, создавать условия для развития. Коммуникативная функция культуры обусловлена выделением культуры в качестве одного из главных элементов взаимодействия государств. В современном мире для благоприятного осуществления межкультурных коммуникаций предусмотрены разные формы: взаимный диалог культур, межкультурное образование. В большинстве случаев межкультурная коммуникация трактуется как взаимопонимание и взаимодействие для участников коммуникативного процесса, принадлежащих к разным национальным группам. Можно предположить, что межкультурная коммуникация представляет собой некий диалог культур [2].

Г. В. Походзей, Н. Н. Сергеева приводят несколько научных подходов к интерпретации понятия межкультурной компетенции. Они отмечают мнение А. В. Хуторского, который говорит о том, что межкультурная компетенция является способностью к межкультурному взаимодействию, построенному на знаниях, умениях, полученных в результате этих контактов. Также они говорят о мнении Н. Н. Васильевой, которая характеризует межкультурную компетенцию как знание уникальных особенностей, которые оказывают влияние на формирование личности, исходя из национально-культурных особенностей, традиций, культурных элементов [3, с. 10]. Л. П. Владимирова отмечает, что современная глобализация захватывает все сферы жизни общества, включая культурную. Язык занимает в этом процессе ведущее место, возникает потребность в едином языке общения народов [1]. То есть можно говорить о том, что межкультурная коммуникация обеспечивает взаимодействие между народами. Это общение заключается не только в прямом смысле «говорения», но и вербальном, которое заключается во взаимодействии культур, обмене культурными элементами, интересе к иной культуре, истории, литературе, музыке, живописи.

Культурное пространство является достаточно многозначным понятием, которое включает в себя природные, социальные, экономические, исторические, культурные компоненты. Это не только мыслимый продукт, но и деятельностный, так как формирует законы и принципы человеческой деятельности. Оно может совпадать с реальными государственными границами, а может возникнуть на приграничных территориях, включая в себя культуру стран – соседей. Возникающие нормы способствуют симбиозу пространственных культур древности с современностью, создавая тем самым неповторимый колорит культуры. Каждый исторический период характеризуется определенными идеалами и нормами, поэтому в культурном пространстве можно найти влияние каждой эпохи. Концепт «культурное пространство» достаточно прочно входит в современную социо-гуманитарную отрасль научного знания, трактуясь как форма взаимодействия человека, культуры и общества.

Пространственное восприятие культуры формируют «пространства культуры» или «культурное пространство». Если временную характеристику культуры можно рассматривать через исторические события, через соотношения древних и современных культур, то пространства культуры характеризуют взаимодействие и сотрудничество, культурную преемственность. Выступая создателем локального культурного пространства, человек (как субъект) выражает свое мировоззрение и восприятие мира. А как часть существующего (как объект) культурного пространства он испытывает на себе его влияние посредством элементов культуры – языка, традиций, моральных и социальных ценностей. Здесь можно говорить о взаимодействии и взаимовлиянии культуры и общества. Различные факторы формируют культурное пространство: географические, исторические, социальные, культурные, экономические и т. д. Оно может совпадать с государственными границами территории, а может выходить за её пределы, осуществляя тем самым взаимодействие между различными культурами.

Е. А. Сокур говорит о трёх типах межкультурных коммуникаций: вербальный, невербальный, паравербальный. Под вербальной коммуникацией он понимает языковое общение, который выражается в обмене мыслями, информацией, эмоциями между участниками процесса. Язык выступает главным средством передачи информации. Невербальная коммуникация заключается тем, что общение происходит с помощью движений, мимики, звукового оформления.

Третий тип коммуникации основывается паралингвистических средствах, используемых в процессе общения: интонация, ритм, тембр [4, с. 97].

Межкультурное общение является процессом взаимодействия носителей разных культур, который включает в себя определенный языковой код, идеалы, установки и традиции. Языковая, коммуникативная и культурная компетенции определяют особенности механизмов возникающей коммуникации. Российско-китайский диалог – яркий пример дружественной коммуникации между странами, который представляет собой процесс взаимодействия не только культур разных социумов, но и различных сфер современного общества. Диалог выступает благоприятным фундаментом межнациональных отношений, который направлен на поддержание и укрепление добрососедских связей между государствами через культурное сотрудничество с сохранением уникальности и самобытности культуры каждой из сторон. В тоже время диалог сопровождается взаимодействием и взаимовлиянием соседствующих культур, что находит своё отражение в литературе, искусстве, музыке и общественной жизни.

По мнению Т. Г. Ткач и А. П. Забровского, добрососедские отношения между странами во многом зависят от уровня подготовки специалистов, выступающих посредниками во взаимодействии между народами разных цивилизационных ценностей и культур. Переводчики, журналисты и, конечно же, преподаватели иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного, являются профессиональными посредниками в межкультурной коммуникации [5, с. 561–562]. Однако, несмотря на всю пользу развития межкультурной коммуникации между различными этносами и народами, Л. П. Владимирова отмечает, что «на протяжении человеческой истории наряду с желанием постичь другие культуры существовало и негативное отношение к другим культурам... В результате научно-технического процесса открываются новые возможности и формы общения людей разных стран. Развитие электронных средств коммуникации привело к развитию “компьютерно-опосредованной формы общения, кардинально изменившей характер дискурса”» [1].

Таким образом, межкультурное общение является процессом взаимодействия носителей разных культур, который включает в себя определенный языковой код, идеалы, установки и традиции. Языковая, коммуникативная и культурная компетенции определяют

особенности механизмов возникающей коммуникации. Российско-китайский диалог – яркий пример дружественной коммуникации между странами, который представляет собой процесс взаимодействия не только культур разных социумов, но и различных сфер современного общества. Диалог выступает благоприятным фундаментом межнациональных отношений, который направлен на поддержание и укрепление добрососедских связей между государствами через культурное сотрудничество с сохранением уникальности и самобытности культуры каждой из сторон. В то же время диалог сопровождается взаимодействием и взаимовлиянием соседствующих культур, что находит своё отражение в литературе, искусстве, музыке и общественной жизни.

Список литературы

1. Владимирова Л. П. Межкультурная коммуникация в современном мире. Текст: электронный // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4, № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28155059_75647103.PDF (дата обращения: 08.10.2021).
2. Рябова М. В. Межкультурная коммуникация как совокупность механизмов столкновения культур. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2010_3_37.pdf (дата обращения: 08.10.2021). Текст: электронный.
3. Сергеева Н. Н., Походзей Г. В. Развитие иноязычной межкультурной компетенции студентов неязыковых специальностей в системе профессионально-ориентированного языкового образования: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 214 с.
4. Сокур Е. А. Межкультурная коммуникация и английский язык. Текст: электронный // Символ науки. 2016. № 2. С. 96–98. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28348812_62707955.pdf (дата обращения: 21.09.2021).
5. Ткач Т. Г., Забровский А. П. Межкультурная коммуникация в аспекте РКИ (русского языка как иностранного): ментально-ориентированные средства обучения. Текст: электронный // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-aspekte-rki-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-mentalno-orientirovannye-sredstva-obucheniya> (дата обращения: 17.09.2021).

Анализ развития литературы национальных меньшинств на примере литературы дауров

Ван Цзылун

Хулунбуирский институт, г. Хайлар, Внутренняя Монголия

Steed – литературное издание, спонсируемое Федерацией литературных и художественных кругов Хулунбуир. С момента своего создания Steed продвинул некоторых выдающихся даурских писателей в литературный мир. Литературное повествование этих писателей, основанное на их национальных особенностях, имеет большое значение для записи национальной истории, культуры и развития. Четыре романа «Конь», «Саруле улыбнулся», «Охотник и олень» и «Квитен Риверсайд» – типичные романы даурских писателей о национальности своего народа. Их можно разделить на разные точки зрения их национальности. Есть три категории, которые демонстрируют общность, разнородность и воплощают противоречие. Исполнение литературы даурского народа также является тремя направлениями развития литературы меньшинств. У каждого из этих направлений есть свои преимущества и недостатки. Будущее литературы народа даур или литературы меньшинств исследует новые возможности для развития литературы этнических меньшинств в свете основных проявлений современного литературного жанра и развития средств массовой информации.

Ключевые слова: литература даурского народа, единство плюрализма, развитие национальной литературы

От даурской литературы к литературе национальных меньшинств

王子龙

Внутренняя Монголия

《骏马》是呼伦贝尔市文联主办的文学刊物，自创刊以来向文学界推举出了多位优秀的达斡尔族作家。其中《萨如乐笑了》《猎人·鹿》《奎滕河边》三篇作品是达斡尔族作家书写中华民族文化多样性具有代表性的作品，按照其多样性展示角度的不同可以分为三类，分别是展现一体性、表现多元性、体现融合中的交织性。这三种走向各有利弊。那么未来的达斡尔

文学，或者说未来的少数民族文学该何去何从。本文结合当下文学类型主要表现和日新月异的传播媒介的发展，探索少数民族文学发展的新机遇。

关键词：达斡尔族文学；多元一体；民族文学发展

On the Development of Minority Literature from the Perspective of Daur People Literature

Wang Zilong

Hulunbuir Institute, Hailar, Inner Mongolia

Steed is a literary publication sponsored by the Hulunbuir federation of Literary and Art Circles. Since its creation Steed has promoted some outstanding Daur writers to the literary world. The literary narrative of these writers based on their own national characteristics is great significance to the recording of national history, culture and development. The three novels of “Steed Horse”, “Sarule Smiled”, “Hunter and Deer”, and “Quiten Riverside” are typical novels written by Daur writers about the nationality of their own nation. They can be divided into different perspectives of their nationality. There are three categories, which are showing commonality, showing heterogeneity, and embodying contradiction. The performance of Daur people literature is also the three directions of development of minority literature. Each of these trends has its advantages and disadvantages. The future of Daur people literature, or of minority literature explores new opportunities for the development of ethnic minority literature in the light of the main manifestations of the current literary genre and the development of the media.

Keywords: *Daur people literature; unity of pluralism; development of national literature*

从契丹到达斡尔，达斡尔人很早就正式参与到华夏历史当中，所以其以汉语为基础创作的文学作品也相对成熟。尤其在改革开放后，大量达斡尔人开始文学创作。自《骏马》成立至今的四十年间一直都能在其中找到达斡尔人的身影。达斡尔族文学在发展上，一方面借助现代社会技术手段进一步丰富了中华民族的多样性；另一方面又因为高速发展的现代社会文化与传统文化的差异性被迫走进创作困境。正如达斡尔族女作家萨娜在《进入当代文明的边缘化写作》中说

到:»三少数民族作家整体进入了创作的困境,他们的笔触很难进入当代生活。»那么达斡尔族文学,或者说少数民族文学在当代信息传播与媒介高速发展的社会中该如何让创作内容被更广大的读者群接受。想要解决这个问题少数民族文学需要结合»多元一体»的文学架构,学习热点性文学现象的优势,同时充分利用现代科学技术,从而完成自身的突破与发展。

1、达斡尔文学的三种形态

在《骏马》所刊载的众多达斡尔族作家的作品中,本文主要从80年代中期、90年代初期、90年代末期三个时间点各选取了一篇具有一定代表性的作品,以»多元一体»视域下民族风俗文化的表现作为切入点,划分为展现»一体»性、表现»多元»性、体现»融合»中的交织性。

(一) 展现一体性

这类作品在进行民族风俗文化展示时,多单纯进行一体性叙事,例如作家娜日斯《萨如乐笑了》,在这部作品中,作者描绘了一名有听力障碍的达斡尔族小女孩在上海的一所医院中获得医治的同时也收获了»亲人»的故事。在结构上,小说先以倒叙的形式展现了对小女孩在青霉素过敏时的急救过程,从临床的病友»小田»到»曹医生»、»金医生»以及护士们对挽救女孩的性命无不竭尽全力。而后便是通过女孩的梦境回忆着那个遥远家乡的»阿查»(爸爸)、»鄂沃»(妈妈)、»太贴»(奶奶)。最后再由梦境拉回到现实,»李阿姨»对女孩无微不至的照顾使得她情不自禁的叫了她»鄂沃»。由此也点明了主题»这些星星好像祖国千千万万个叔叔阿姨,他们护卫萨如乐,风伯伯又好比抢救她的老医生。»由此可见,作者在谋篇布局方面还是有一定思想高度的,先以倒叙展开,开篇就营造紧张氛围;而后便是借助回忆交代前情;最后再度拉回到现实点明主旨。

在中华民族风俗文化多样性展示上,主要集中在小女孩的梦境中。女孩在梦中首先听到了»木库连的音调»。»木库连»是达斡尔族仅有的一种传统乐器,是一种用钢片制作的,口含弹指式口弦琴,由于它的乐声比较微弱,加之音域较窄,音色婉转悠长,故多表达思念、忧伤的音乐主题。在

这里作者也正是以此为渲染，表达着萨如乐对家的思念。而后女孩在梦中就看到了屋里熟悉的»三面炕»与炕上坐满的亲人，达斡尔人南、西、北三面连炕，其中南炕要坐老辈及其女儿，所以顺理成章的让萨如乐发现了太贴，进而将太贴那用»桂勒思»做的烟袋锅收入眼底。达斡尔族吸烟有很久的历史，烟草一度被达斡尔族视为»圣草»。

纵观全篇，小说大量篇幅都在描绘小女孩在上海医院中遇到的»亲人»，而在多元性方面的展示，也就是达斡尔族民族民俗文化展示部分稍显单薄。对于达斡尔人在精神层面»一体»性的展现深度也有待加深。

（二）表现多元性

这一部分的达斡尔文学在民族民俗文化展示角度，主要表现为更加注重民族内核的价值观部分。着力展现»多元»视角下民族民俗文化，但不是简单的民族民俗文化直白叙述，从而提升了多元性叙事的深度。例如，鄂玉生《猎人·鹿》中猎人托布需要鹿血来治疗媳妇的难产，于是一直追逐着好不容易遇到且被自己打伤的母鹿，就在他准备杀掉这只母鹿时，正巧一道闪电划过夜空，此时他发现»母鹿的身下比刚才多了一只幼鹿»，急需鹿血的他却在这一刻主动拯救了这两只鹿。

从文学表层看，这样的结局可以说是由于托布出于感同身受的角度，母鹿哀怜的眼神让他想起难产的妻子，从而使他从猎人化身为拯救者。但是这样的解读有一个逻辑死结，就是托布此行进入森林的目的。为了杀鹿而来，又为了救鹿而放弃妻儿。人情被无限淡化，而彰显了»大爱»，这样的理解难于打动读者。从宗教角度看，托布的所作所为是出于达斡尔族所信奉的萨满教的精神内核中»自然为本»、»取之有道»的观念，以平等视角去解读生命，这对他最后化身拯救者有着决定性影响。萨满教是»通过对自然界自身价值的肯定，或者赋予自然现象、天地万物以生命和意志，以便在人类自身利益及自然利益的良性互动中确立人在自然面前的道德义务»。

萨满教对达斡尔人的影响可以说是根植在灵魂深处的，由于达斡尔族在历史上长期从事农、牧、渔、猎的生产方

式，使得对天气、山川河流的依赖性较强，而在萨满教的传统里对天神和山的崇拜都有非一般性意义。尤其《猎人·鹿》中当托布发现母鹿时，他马上想到这是»白那恰»的赏赐。»白那恰»是达斡尔族的山神，是山林的主宰。母鹿与幼鹿的出现一方面可以理解为是山神的赏赐，另一方面也可以理解为是山神在教导托布生命的价值与意义。简单来说，以牺牲一对母子为代价拯救自己的妻儿。这样的拯救是建立在牺牲基础上的，对托布意味着自己的孩子从出生的那一刻开始就背负了»生命的负债»。所以，可以说托布正是在追忆起灵魂深处的萨满教思想下才完成拯救者的蜕变。这篇作品所展现的»多元性»有一定深度，涉及到了达斡尔族的精神信仰，但是在文本表现中随着»多元性»深度的增加，使得在»一体性»构架下的读者感知会发生偏移。

（三）体现»融合»中的交织性

达斡尔族的生活、生产方式随着时间而发生改变，达斡尔人的思想也在慢慢地发生变化。这些变化被达斡尔族作家细腻的感知觉察，并融入了自己的创作中。例如，阿军的《奎腾河边》中，哈达的爷爷用自己全部的钱去换勘察队钓鱼人桶里的鱼，然后将鱼全部放生。这一幕是»我»和哈达亲眼所见，但是三十年后的哈达，却拼命的用鱼以及水耗子去换钱。

这样对自然的索取方式在传统受萨满教、或是文中所提及的佛教影响下的达斡尔族价值观是相违背的，但是面对商品经济下的现代生活只获取生存，或者生活所需又是完全不够的。那么，达斡尔人面对这样的时代环境，该如何找到生活与信仰的平衡点呢？作者尝试为哈达寻找到这样的平衡点，那就是为了家、为了爱自己与自己所爱的人。

所以文中的哈达并不是单纯追求物质，他也有着自己的难处，起初是因为前妻的病亡和照顾五个孩子所带来的»饥荒»。当欠债还完后，依然如此生活是因为对»道力玛大婶家二姑娘»，也就是新妻子的爱。这份爱并不是理想化的，而是朴实无华，扎根于生活的。就像哈达说的那样»咱们这里的女人不像城里的娘们»可以享受生活，而是从启明星出现开始忙碌直到点灯时分才能停歇，»忙得简直连放屁站一会

儿的功夫都没有»,同时他的妻子还要照顾五个非亲生的孩子。面对着妻子这样的付出,哈达又怎么能在安心接受这一切的同时,按照只取所需的劳作标准生活呢?所以,爱超越了哈达内心中传统价值观中的平衡点,这也就能更好的解读全文结束时»他拍拍厚实的胸脯:’我的老婆。’»这段语言背后表现出的那种骄傲与怜爱。

以达斡尔文学为代表的少数民族文学,在这类民族性叙事中,作者一直处于迷茫的矛盾状态。一方面,必须承认现代科技等为达斡尔族带来的便利;另一方面,又不得不直面达斡尔人思考及行为方式的变化。于是少数民族作家们在这样的彷徨中不断摸索前进,以探求现代与传统的平衡。

二、从达斡尔文学看少数民族文学的发展走向

这三篇达斡尔族小说展现出的三个方向正是少数民族文学面对解决如何»走出去»的三种发展模式。

(一) 单纯»一体»视域下»多元»性的失位

展现民族一体性方面价值观的文学作品其优势可以从两方面来看,一方面,有益于本民族以外的读者对文本的理解与审美,这样更利于少数民族文学传播范围的进一步拓展。就像《萨如乐笑了》之中,小女孩感受到的温暖无论放在什么地理区域、民族身份都能够很容易的解读作者所要表达的主旨;另一方面,一体性的展现,有利于少数民族文学跟随时代的发展,融入到中国当代文学的主流价值观中。正是»通过对主流思想的靠拢和书写,少数民族作家实现了对中华民族的文学参与,同时也完成了对其中国知识分子身分的塑造。»

但与此同时,不可避免的造成了一定程度上民族多元性叙事深度被削弱。在这种状态下,为了读者与评论者的易于理解,一定程度上降低民族性叙事的深度,使得文本涉猎民族的精神内核稍显单薄,缺少能够充分展现多元性的内容。而对民族多元性叙事的压抑,反过来对读者与评论者来说与阅读其他作品无异。随着时间推移,少数民族文学将失去属于自身民族多元性叙事的优势,同时对中华民族文化的丰富性产生负面影响。

(二) 单纯»多元»视域下»一体»性的失位

着重展现民族多元性的叙事优势主要可以从两个层面来看，一是有益于保留少数民族文学的多元性独特魅力，从而更加充分的展现中华民族的民俗文化的丰富性。为进一步丰富中国当代文学做出了贡献，同时也为读者与学界提供了独特的「新鲜感」。二是增加了学术研究的维度，「中国当代少数民族文学研究表现出了多方面价值取向，其价值构成涉及社会、政治、历史、习俗、审美、语言等多个文化层面。」从而为中华民族多样性民俗文化的记录提供了更多的材料。

但是单纯民族多元性的表现也有着无法跨越的弊端，就是解读难度提升。一方面对读者来说，很多民族精神层面的价值观与文化背景，难于解读与发现。在造成解读困难的同时也会造成价值低估的情况出现。例如《猎人·鹿》中，如果对萨满文化的认知程度有限，就很容易对全文主旨的理解产生偏差，并将其归为单纯展现一体性的少数民族文学作品。

因为平等看待生命属于普世价值观的范畴，但是了解达斡尔族与萨满文化后就会发现作者在文中「白那恰」等多处留下的线索。另一方面对学术界来说，这样的单纯民族多元性的叙事方式在一定程度上限制了学术研究的地理区域与认知范围。使得少数民族文学的研究局限在固定区域或固定人群中，不利于少数民族文学的进一步发展，进一步阻碍了中华民族文学的发展。

（三）「多元一体」架构下的探索

由于受到现代社会飞速发展的影响，对少数民族的传统价值观、文化等在一定程度上会产生影响。而这种影响正可以作为少数民族作家的创作源泉。

这类创作的优势在于，第一，作品中展现的现代生活于读者而言能够更好地引起共鸣，从而可以达到扩大少数民族文学传播范围的作用，充分发挥一体性的作用。例如《奎腾河边》中哈达所面对的现代生活的压力是能够完全获得读者理解的，在阅读过程中能够引起共鸣；第二，民族多元性的叙事部分也能够是在对比中将民族传统文化具象表现出来，有利于表现中华民族的多样性特征。哈达的爷爷对河中鱼的理解就体现了达斡尔族在宗教信仰部分的特质；第三，「多元

一体»架构，从文学批评的角度看，能够起到彰显中华民族多样性特征的同时扩大评论者范围的作用。这类创作所描绘的现代与传统的碰撞点形成了»天然»的文学研究的切入点，使得文学批评可以一定程度上摆脱固定地域与评论者的影响，为中华民族文学的多样性发展提供学术支持。

但是这类创作也存在着难以逾越的弊端，那就是现代与传统矛盾冲突到底该如何平衡。作者在创作过程中的叙事角度、内容详略、叙事态度等等都会对这个平衡产生影响。是肯定现代的进步性，还是推崇传统的正统性，会成为文学创作者无法摆脱的»彷徨»。如果更多笔墨放在肯定现代的进步性，那么必然意味着中华民族多元性叙事被弱化，甚至于在一定程度上抑制了多元风俗文化的叙事。更多表现在肯定多元性，又会表现出对现代社会生活的抗拒，在价值观上体现出一定程度的对社会发展必然阶段的抵触情绪，从而降低文学作品价值观表现的进步性。所以说»多元一体»的文学架构需要作者始终坚定思想意识，坚持»铸牢中华民族共同体意识»为指导不动摇。

三、少数民族文学的发展方向

（一）»走出去战略»与坚持»多元一体»的文学架构

少数民族文学在发展过程中，如果拘泥于现有的地域限制，或过于强调多元性叙事的限制，则很难发展起来。所以要坚持»走出去»，不能以地域的边缘化遏制了中华民族文学多样性形态的继续发展。

少数民族文学虽然在文本创作地内已建立了稳定的读者群，但是文学作品如果脱离更广大的读者群，脱离了中华民族»多元一体»特征，甘居为小众文化，是难以维系生存的。就像先锋文学一样，脱离开广大读者的审美倾向，走向消亡便是此类文学的宿命。所以少数民族文学需要坚持»多元»与»一体»的不断交融，从而为大众审美所接受。这方面可以借鉴盗墓类小说流行现象来开拓少数民族文学的发展方向，»从好奇心理、寻宝心理和从众心理»，以及»与传统文化复兴趋势之间的关系»几个方面进行探索式创作。但是在借鉴»盗墓»类小说流行方式的同时，需要严格在精神层面对文学进行把控，做到贴近大众审美倾向，但绝不谄媚大众审

美倾向。这也就是说要在»走出去»的同时，坚持»多元»与»一体»缺一不可的文学架构。相信坚持»多元一体»文学架构下中华民族多样性叙事中，少数民族文学会迎来新的发展。

（二）注重传播媒介的作用

伴随着社会的高速发展、移动互联网技术的进一步普及，传统文学的形态也应该伴随着科技的进步，而不断尝试改变。当下面临5G时代的来临，少数民族文学的发展需要抓住这一变革时机。高速度、低延迟是5G网络的最大优势与特点。在这样的平台上，作家不再是单纯以文字形式与读者交流。»图形、图像、模型、互动功能、面板、百科等，网络文学的呈现形式因此将越来越丰富，用户体验将明显增强。»简单来说就是作者的故事叙事可以更加直观的展现在读者面前，大大加强文学代入感，甚至可以让读者参与到文学作品的情节中去。面对全新机遇与巨大挑战下，少数民族文学需要做到的一方面是充分合理运用技术发展带来的优势。另一方面是始终坚持媒介不等于内容的核心思想。坚持不断丰富文本内容，提升文学审美价值。

综上所述，少数民族文学的进一步发展，必须处理好»多元一体»叙事的展现方式，在增大读者范围的同时，坚持丰富中华民族的多样性。同时借助科技的力量，让少数民族文学能够走进读者的生活，引起读者的共鸣。总之，少数民族文学的发展任重而道远，对少数民族文学走向的探索也从未停止。相信在»铸牢中华民族共同体意识»的时代背景下，会有更多、更好的少数民族文学作品问世。

Список литературы

1. 萨娜.进入当代文明的边缘化写作[J]. 山花, 2004(8):103.
2. 姚广主编. 骏马创刊三十周年作品选[M]. 呼伦贝尔市:骏马杂志社, 2010(增刊):17、95、125.
3. 额灯套格套. 游牧社会形态论[M]. 辽宁民族出版社, 2013:277.
4. 葛根高娃等. 蒙古民族的生态文化[M]. 内蒙古教育出版社, 2004:6.
5. 李翠芳. »骏马奖»与新时期以来少数民族文学的价值流变[J]. 民族文学研究, 2016. 4(2):90 - 91.
6. 张永刚, 李雨君. 当代少数民族文学的价值研究[J]. 学术探索, 2020(7):108.

7. 吴昊. 盗墓类小说流行现象研究及阅读策略——以北京市第166中学为例[J]. 文艺争鸣, 2013(11):179.
8. 林庭锋. 5G时代的网络文学[J]. 网络文学评论, 2019(4):15.
9. 托娅、赵筱彬. 论达斡尔族女作家萨娜小说的审美追求[J]. 民族文学研究, 2010. 05(2):71.
10. 王云介. 呼伦贝尔少数民族文学研究[M]. 内蒙古大学出版社, 2012.

УДК 394.2

**Современные традиционные фестивали:
Фестиваль поклонения местным духам
в Морин-Дава-Даурском автономном хошуне
и Фестиваль подлёдной рыбалки**

Гун Юй

Хулунбуирский институт, г. Хулунбуир, Внутренняя Монголия

Традиции и современность переплетаются и взаимодействуют в сегодняшних фестивальных церемониях, представляя не только пространство для развития местной народной культуры, но и взаимное строительство местного общества и государственной власти, изменение местной социальной идентичности и творческое изобретение местных традиций. культура. Местные фестивали включают Фестиваль поклонения духам Моки и Фестиваль подледной рыбалки. Они претерпели функциональные изменения от развлечения богов до развлечения людей в виде традиционных местных народных праздников. Их основное внимание сместилось с религиозных жертвоприношений на популярные развлечения. Одна из стратегий сохранения и унаследования местной культуры в рамках современности — это организация и укрепление этого фольклорного материала.

Ключевые слова: *фестиваль, конструкция, Moqi's (Автономное знамя Морин Дава Даур в Хулунбуире, Внутренняя Монголия)*

传统节日的现代性建构：莫旗的斡包节与冰钓节龚宇

龚宇

内蒙古呼伦贝尔

在当今的节庆仪式中，传统与现代呈现出交错的互动性，不仅建构了地方民俗文化发展的空间，也呈现出了地方社会与国家权力的互构，地方社会认同的重塑，以及地方对传统文化的创造性发明。莫旗的斡包节与冰钓节属于地方性节庆活动，作为传统地方性民俗的节庆经历了从娱神到娱人的功能转向，其内容核心也由宗教祭祀转变为大众娱乐，对节庆活动这一民俗事项的组织与强化，也是现代性的维度下地方发扬与传承文化的途径之一。

关键词：节日，建构，莫旗

The Modern Construct of Traditional Festivals: Moqi's (Morin Dawa Daur Autonomous Banner in Hulunbuir, Inner Mongolia) Orientation Festival and Ice Fishing Festival

Gong Yu

Hulunbuir Institute, Hulunbuir, Inner Mongolia

Tradition and modernity are intertwined and interactive in today's festival ceremonies, presenting not only a space for the development of local folk culture, but also the mutual construction of local society and state power, the reshaping of local social identity, and local Creative invention of traditional culture. Local festivals include Moqi's Festival of the Worship of the Spirits and the Ice Fishing Festival. They have undergone a functional change from entertaining gods to entertaining people as traditional local folk festivals. Their primary focus has shifted from religious sacrifice offerings to popular entertainment. One of the strategies to keep on and inherit the local culture under the modernity part is to organize and strengthen this folklore material.

Keywords: *festival, construct, Moqi's (Morin Dawa Daur Autonomous Banner in Hulunbuir, Inner Mongolia)*

节庆活动作为地方文化的集中表达，反映了地方文化的综合面貌，具有包含娱乐、教化、商贸、祭祀等多种文化功

能，也是研究地方社会文化变迁的一个富有价值的视角。在节庆这一文化场域中，可以呈现出地方环境、社会、经济、文化彼此交织的鲜活图景，也描画出了地方的历史积淀与人文风情的侧影。在传统的民俗研究中，对节日仪式的研究往往囿于探究其功能性，而非将其纳入到现代性与全球化的时代背景中，在如今的节庆仪式中，传统与现代呈现出交错的互动性，不仅建构了地方民俗文化发展的空间，也呈现出了地方社会与国家权力的互构，地方社会认同的重塑，以及地方对传统文化的创造性发明。

内蒙古莫力达瓦达斡尔族自治旗（简称“莫旗”）的地方节庆，是地方各族人民在长期的社会生活与沟通交往中形成的，不断凝聚着莫旗民众的认同感与向心力，其仪式与内容同莫旗长期以来的生计方式和自然环境相适应，也体现出了莫旗民众的信仰观念和审美旨趣。在当今全球化时代，作为传统地方性民俗的节庆经历了从娱神到娱人的功能转向，其内容核心也由宗教祭祀转变为大众娱乐，对节庆活动这一民俗事项的组织与强化，也是现代性的维度下地方发扬与传承文化的途径之一。本论文以莫旗的斡包节与冰钓节作为案例，对此进行一定的分析与探讨。

（一）斡包节

莫旗地区对斡包的祭祀最早渊源于狩猎采集时代，出于对山神的敬畏，达斡尔猎民在山间堆石以祭，久而久之便形成了最早的斡包。斡包祭祀是莫旗地区包含达斡尔族在内的多个少数民族的传统宗教节日，拥有十分广泛的群众基础。在氏族社会时期，达斡尔人以莫昆为单位进行斡包祭祀，每年春秋两次举行祭祀仪式，在清以后，斡包祭祀的主体从莫昆转变为村屯，同时也有了官祭与民祭之分，清政府在莫力达瓦地区设置了布特哈八期总管衙门斡包与旗斡包，分别位于宜卧奇村向北约五里的山顶以及尼尔基镇东山头，由官方进行祭祀。

在民祭斡包的主体多为莫昆内男性成员，成员们要在主祭人雅德根（萨满）的助手巴哈奇的组织下，为斡包添石插枝，系上绸带，烹羊宰牛以为祭。仪式结束后，举行骑射、摔角、曲棍球等地方传统游乐活动。官祭斡包的主体为朝廷

官方，衙门斡包的主祭人为总管，旗斡包的主祭人为副总管，祭仪的主体为衙门官兵，祭词与民祭相同，仪式上官兵一同诵读祝文，烧香祈愿，宰牲献祭，望风调雨顺，五谷丰登。官祭仪式后，也要举行地方性的游艺活动。1882年，布特哈八旗总管衙门被撤销，衙门斡包的祭祀活动随即停止，但旗斡包的祭祀还在持续。

斡包节即是在达斡尔族祭祀斡包的传统活动中建构而成，1978年，正值莫旗建旗20周年时，在原旗斡包举行了大型的斡包祭祀活动。斡包祭祀由莫旗政府进行组织，并选择了地方10位具有代表性的德高望重的老人担任主祭，仪式活动的主体为政府各个部门的工作人员以及一小部分民众，仪式活动与过往的祭祀大抵相同，在祭仪之后举行了传统竞技比赛以及歌舞表演。此后，在莫旗建旗的周年纪念活动时，政府多次举办斡包会，节庆的规模与参与的人数不断扩大。

2001年，尼尔基水利工程开工建设，原旗斡包所在地尼尔基哈达被规划为水库区域，于是在政府规划下，旗斡包与原衙门斡包进行了合并，并搬迁至衙门斡包所在地。8月1日，在莫旗政府的组织下，与旗内各族民众的参与下对旗斡包进行了祭祀与迁移。2004年，由莫旗第十届人民代表大会第一次会议正式表决通过“斡包节”为莫旗的地方节日，时间定为每年的6月28日，地点为中国达斡尔民族园，从此，承继过往，延续百年的斡包祭祀活动便成为了固定的地方节庆，官祭斡包的形式在现代社会中的传承形式得以确立，莫旗民众祭祀斡包的古老习俗也得以流传。

如今的斡包节活动，较之过往在内涵与外延上都有所扩展，参与的主体也呈现出了多元化的发展，政府、媒体、学者、非遗传承人、地方民众、游客，都在这一地方节庆活动中扮演了一定的角色。斡包节由政府协调各个部门进行组织，祭仪由达斡尔学会承办，传统游乐活动由旗广电局负责，对节庆的宣传由地方媒体进行承担，活动参与者为地方民众与外来游客。作为莫旗传统的综合性民族文化事项，斡包节集中展现了文化在不同的行动主体下进行建构的过程，斡包节在政府的动员下，以地方民俗与文化认同为中心，在

多方主体共同努力下构建而成，同时也呈现了地方民俗以节庆的方式表述自身文化与历史的过程。

为了加强与他民族的了解与交往，地方政府将斡包会作为全旗性的节庆活动，并以此为载体，发展非遗与文化旅游，扩大地方知名度，增添节日以新的内容。节日期间不仅进行传袭从前的祭祖、祭斡包仪式，举行传统的骑射、摔跤、曲棍球、赛马等传统游艺活动，还举办了以非遗为主题的竞技活动，如哈尼卡、鹿棋、昆米勒烹饪比赛，以及对民族服装与传统文化的展示。

此外，在达斡尔学会的组织下，斡包节还增添了“求雨祭”——“多德嘎日贝”。多德嘎日贝源于民间的求雨仪式，过去参与主体为达斡尔族妇女，在旱灾来临之际，村屯中的各家达斡尔族妇女携带一只鸡、一碗米，聚于江畔柳树下，由前来协助仪式的男人杀鸡，妇女煮鸡肉小米粥进行准备。而后，在萨满的主持下，妇女们跪拜烧香，共吃米粥，食毕，手持容器，盛满江水，相互泼洒，玩闹嬉戏，意为降雨之乐。2009年，求雨仪式被纳入至斡包节的节庆活动中，活动地点为民族园纳文湖畔，仪式参与者为身着达斡尔传统服饰的数百名女性，在巴格其的带领下，集体跪拜祈福，互相泼水，以求天降甘霖，岁稔年丰。在节庆后续的发展中，为了加深仪式更多的文化内涵，追溯其历史渊源，求雨祭在2017年被命名为“瑟瑟仪”，其名来源于辽代契丹民族的求雨仪式，并增添了萨满祈福，三水（诺敏河、嫩江、甘河水）汇集等仪式活动，祭祀的主体也不仅限于本民族女性，前来的民众与游客皆可参与到泼水的游戏活动中来。

在全球化时代，地方文化持有者者十分明了其文化资本的价值，也深知若不主动将其文化容纳进全球市场经济中，其文化资本便不能展现其价值，因此地方在建构其现代性的过程中也十分强调其地方特点，凭由如此的发展意识，使地方传统文化得到了生存空间及较好的保护，也使文化得到了一定的再生产及创造，即“传统的发明”。斡包节便实现了由宗教祭祀到文化展演的转化，并在转化中加入了地方新的文化元素与符号，如瑟瑟仪仪式，当地人明晰其并非传统斡包祭祀中的内容，但经过时间的流转，也接纳并认可了这一文

化事项，认为其属于传统文化中的一部分，成为了其文化中新增添的“真实性”[4]。

斡包节体现了莫旗以“万物有灵”为核心的萨满信仰，过往的斡包节以祭祀山神为中心，民众通过进献祭品、诵读祝文而“娱神”，以实现游猎生计丰收的渴望，以及对祖先与图腾的崇拜，重构与发明后的斡包节则呈现了“娱人”的转向，展现了莫旗民众对美好生活的向往，以及对传统文化传承以及地方文化旅游的发展。地方政府通过民族文化的振兴政策，将斡包节从达斡尔族的祭祀活动演变为地方全民的节庆，并与文化旅游相结合，使当地的固有传统与市场、资本相接轨，使民间文化活动转变为带有政府与市场色彩的群众性活动。斡包节形成了一个对传统民俗与文化集中展示的场域，仪式内容的转化，使传统与现代在此相合，使传统融入到现代之中，成为地方文化变迁与调适的表征之一。同时，斡包节也成为了莫旗与全球化相连的契机，斡包节通过文化旅游与大众媒体，走向了更为广阔的空间，也成为地方政府塑造文化认同、发扬传统文化、发展地方经济的重要窗口。

（二）冰钓节

莫旗自然生态极佳，旗内河流遍布，渔业资源丰富，捕鱼也曾是莫旗地区的达斡尔族传统的生计方式之一，冰钓节即在莫旗传统的“凿冰钓鱼”捕鱼方式的基础上建构而成。莫旗的冰钓节始于2009年冬，举办地点为冰封的尼尔基湖面，由莫旗政府策划举办，属呼伦贝尔市地方旅游节庆“冰雪旅游节—冬季那达慕”的组成部分之一。若说“斡包节”是对传统的重构，那么“冰钓节”即是对传统的新构，即在现代性的时代背景下，创造出属于现代的新的传统。在当今时代，世界范围内形成一股返璞归真，探奇寻异的风潮，人们怀抱对他文化的向往之情与想象之意，去探访并参与到旅游目的地文化体验中，这种对他文化的想象也在一定程度上影响了地方文化的再生产，当现代人出发去往少数民族地区时，往往抱着“原生态”、“淳朴”等既定观念的想象，使地方在塑造目的地形象时迎合人们的审美趣味，从而引发地方对传统的“新构”，塑造出了一系列所谓“原生态”的传统文化。少数民族在旅游开发的过程中，总是被展示为现代性的“他者”，

各个少数民族地区便对地方文化进行了一定的包装与发明，以制造出“排他”的地方性与差异化。

冰钓节即是在达斡尔族传统生计方式之上建构而出的，当地政府以契丹民族“卓帐冰上，凿冰取鱼”的历史记忆作为基础，并纳入达斡尔族萨满祭祀仪式，非遗歌舞，“肯古楞”滑雪表演、“格日德贝”叉鱼比赛和“陶力扎日贝”达斡尔传统狩猎技能展示等多种民俗活动，吸引数万名中外游客前来参与这一旅游节庆。如前文所述，达斡尔族在现代化的进程中已经部分放弃了其传统的生计方式，然而在文化旅游的促进下，却成为了地方建立目的地形象，开发文化旅游的标志性符号，向外界旅游市场展现出一种古老且原始的画面，这种采借于过往的对传统“新构”，实际上就是将其文化作为一种展演方式，以求实现外界想象的塑造过程，也是在旅游开发中游客的凝视与东道主的被凝视的共同作用下所建构而成的。

“冰钓节是我们最近几年搞的一个地方旅游节庆活动。我们曾经的祖先在辽代的时候就有“冬捕”的传统生产方式了，在达斡尔族迁徙至嫩江流域之后还一度传承着，但在历史的发展中逐渐消失，如今我们通过冰雪那达慕这一活动契机，将这一传统生计方式赋予节庆的外壳，并重新拾起，其实也是对传统文化的复兴”[1]。“冰钓节的设计我有参与，属于冬季旅游的一个部分，也是冬季那达慕旅游的一个分支。我们在最初设计时就思考过如何突出莫旗冬季旅游的文化特色上，最后就定为了冬季捕鱼这一达斡尔族传统的生计方式，通过一定的组织展演，吸引了游客，拉动了莫旗的淡季旅游经济，从根本上属于对传统再发明的节庆活动。”¹

莫旗冬季时间漫长，属旅游淡季，如何在淡季拉动地方旅游市场成为发展文化旅游需要解决的问题之一。在莫旗便使用其地方冬季的传统生计方式作为卖点，推出一系列的民俗文化旅游产品，并在多年的发展中，成为地方“传统”的旅游节庆活动，也就是一定意义上的文化的“再地方化”，这种“再地方化”并非对传统原生态的再现，而是为传统文化平

¹ 苏伟伟，达斡尔族摄影家。

添了新的内涵，者便是一种在现代性的背景下对传统发明，或者在某种意义上也可被认为是“现代性的再地方化” [3]。

Список литературы

1. 内蒙古自治区编辑组. 达斡尔族社会历史调查[M]. 内蒙古人民出版社. 1985.
2. 郑杭生. 论“传统”的现代性变迁——一种社会学视野[J]. 学习与实践, 2012 (01).
3. 翁乃群. 全球化背景下的文化研究及其思考[J]. 中国社会科学文摘, 1999 (2): 26 – 29.
4. 艾菊红. 现代性语境下的民族文化遗产与发展[J]. 吉首大学学报: 社会科学版, 2019, 40 (01).

УДК: 82–312.4, 821.581

ББК 83.3(5Кит)

Теоретические статьи журнала «Мир детектива» (1923–1924)

Е. И. Митькина

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

В начале XX века популярная литература Китая расцвела во многом благодаря бесконечным периодическим изданиям и журналам. В Шанхае, где находились штаб-квартиры множества издательств, издательство «Мир» (世界书局) смогло выделиться в процессе этой суровой конкуренции. Его главный издатель Шэнь Чжифан, хорошо разбиравшийся в бизнесе, не мог не заметить стремительное развитие детективного жанра. Он основал журнал «Мир детектива» (侦探世界), целиком специализировавшийся на произведениях детективного жанра. «Мир детектива» был впервые опубликован в Шанхае в 1923 году, всего вышло 24 номера. В журнале «Мир детектива» за всю недолгую историю его существования было напечатано 44 теоретических статьи, посвященных детективному жанру, они публиковались практически в каждом номере. В данной статье рассматриваются основные темы, которые затрагивали авторы теоретических статей. Они во многом способствовали развитию и популяризации жанра детектива в Китае.

Ключевые слова: китайская литература, детективный жанр, «Мир детектива», Чэн Сяоцин

The Theoretical Articles of “The Detective World” Magazine (1923–1924)

E. I. Mitkina

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

In the early 20th century, Chinese popular literature flourished thanks to endless periodicals and magazines. In Shanghai, where the headquarters of many publishing houses were located, World Book Company (世界书局) was able to stand out in this intense competition. Its main publisher Shen Zhifang, who was well versed in business, could not help but notice the rapid development of the detective genre. He founded “The Detective World” Magazine (侦探世界), which specialized entirely in detective stories. “The Detective World” was first published in Shanghai in 1923, with a total of 24 issues. In the entire short history of its existence, the magazine “The Detective World” has published 44 theoretical articles devoted to the detective genre, they were published in almost every issue. This article discusses the main topics that were raised by the authors of theoretical articles. They have greatly contributed to the development and popularization of the detective genre in China.

Key words: *Chinese literature, detective genre, “The Detective World”, Cheng Xiaoqing.*

В конце правления династии Цин и в начале Китайской республики переводы детективных романов стали главной движущей силой переводческого бума, начиная с того момента, как в 1896 году Чжан Куньдэ (张坤德) перевел произведение Артура Конан Дойля. Как сказал А Ин в книге «История прозы конца династии Цин», «В то время, можно сказать, не было переводчика, который не переводил бы детективы, если переведенных романов была тысяча, то пятьсот из них – это были бы детективные произведения» [1, с. 254]. Детективные произведения вошли в литературный мир Китая одновременно с подъемом переводческой активности. К ним были прикованы любопытные взоры читателей, а авторы таких произведений даже могли использовать их как мощное оружие для просвещения людей, постепенно люди узнали, приняли и полюбили

этот жанр. Позже стали появляться не только переводы, но и авторские, китайские детективные произведения. И хотя самые ранние произведения не слишком подходили под определение «детективный роман», но именно эти смелые поиски и попытки помогли китайским писателям найти свое жизненное пространство и создавать произведения, соответствующие социальной реальности того времени. Читательская активность стимулировала взрывной рост числа таких переводов, перевод детективных произведений стал гарантом продаж журналов и газет, печатавших их.

В начале XX века популярная литература Китая расцвела во многом благодаря бесконечным периодическим изданиям и журналам. Согласно статистическим подсчетам Чжэн Имэя (郑逸梅) в его «Собрании литературной периодики старой школы Китайской республики» (Миньго цзюпай вэньсюэ цикань цунхуа, 民国旧派文学期刊丛话), с Синьхайской революции до 1937 года в Китае издавалось 114 журналов [2, с. 4]. А в Шанхае, где находились штаб-квартиры множества издательств, издательство «Мир» (Шицзе шуцзюй, 世界书局) смогло стать заметным, выделиться в процессе этой суровой конкуренции. Издатель Шэнь Чжифан, хорошо разбиравшийся в бизнесе, не мог не заметить стремительное развитие детективного жанра и понял, что он может принести пользу его издательству. Он не стал уподобляться другим журналам, создавая рубрику или приложение, а основал целый журнал «Мир детектива» (Чжэньтань шицзе, 侦探世界), в котором детективные произведения занимали главенствующее положение.

«Мир детектива» был впервые опубликован в Шанхае в 1923 году. В то время Шанхай был самым открытым всему новому городом Китая, благодаря своему политическому, экономическому и географическому положению. В то же время Шанхай был местом сосредоточения выдающихся литераторов того времени. Бум переводных романов, как и творческий бум, начался именно отсюда. Рост городского населения вызвал усложнение его структуры, три религии перемешивались здесь между собой, люди гнались за развлечениями и азартом – и все это обеспечивало огромную читательскую аудиторию детективным произведениям. А преступления, порожденные социальной нестабильностью, давали еще больше материала для собственно китайских произведений этого жанра. Действие большинства историй детективных произведений, печатавшихся там, разворачивалось в Шанхае. Названия улиц, рестора-

нов, магазинов были хорошо знакомы местным жителям. Казалось, что эти истории происходят рядом, они пугают, тревожат, волнуют. Неудивительно, что многие читатели «Мира детективов» воображали, что они и сами являются детективами, расследуя «дела» из собственной жизни.

Кроме этого в журнале «Мир детектива» за всю недолгую историю его существования было напечатано 44 теоретических статьи, посвященных детективному жанру, они публиковались практически в каждом номере. Здесь вышли такие статьи, как «Научные детективные методы» (Кэсюэ дэ чжэньтаньшу, 科学的侦探术) [11, с. 126–127] и «Мой скромный взгляд на детективные романы» (Чжэньтань сяошо цзофа чжи гуаньцзянь, 侦探小说作法之管见) [5, с. 135] Чэн Сяоцина (程小青), «Беседа о моих детективных повестях» (Во чжи чжэньтань сяошо тань, 我之侦探小说谈) [8, с. 135–136] Ху Цзичэня (胡寄尘), «Как создавать детективные романы» (Чжэньтань сяошо дэ цзофа, 侦探小说的作法) [5, с. 139–140] Хэ Пучжая (何樸斋), «Беседа о детективах» (Чжэньтань сяошо сохуа, 侦探小说琐话) [9, с. 177–178; 10, с. 98–99] Чжан Биу (张碧梧) и Сюй Чихэня (徐耻痕) и т. д. Кроме того, Фань Яньцяо (范烟桥) создал целую серию «Бесед о детективах» (Чжэньтань сяошо сохуа, 侦探小说琐话), в которых как предоставлялись теоретические сведения, так и разбирались некоторые детективные события.

Впервые в истории детективного жанра в Китае в таком количестве было собрано столько теоретических статей, которые были сосредоточены на детективной прозе и осуществляли ее анализ с точки зрения темы, выбора материала, методов и эффективности. Точки зрения авторов не только расширяли кругозор читателей «Мира детектива», но и мог впредь служить превосходным справочным материалом для современных исследований детективного жанра. В этих статьях рассматривались следующие аспекты.

Во-первых, это структура детектива. Статья Чэн Сяоцина «Мой скромный взгляд на детективные романы» (Чжэньтань сяошо цзофа чжи гуаньцзянь, 侦探小说作法之管见) была опубликована в первом и третьем номерах «Мира детективов» [3, с. 135–136; 5, с. 71–72]. Вероятно, это его самая первая теоретическая работа, посвященная детективному жанру. В августе 1922 года он публиковал эссе «Разговор о детективных романах» (Чжэньтань сяошо цзахуа, 侦探小说杂话) в журнале «Вечная зелень» (Чан цин, 长青), однако, к сожалению, на сегодняшний день эссе считается утраченным.

В своей статье «Мой скромный взгляд на детективные романы» Чэн Сяоцин писал, что «детективные романы по их структуре можно разделить на два типа: динамичные и статичные. Об этом я уже писал в «Вечной зелени»» [5, с. 71]. Из этого можно сделать вывод, что Чэн Сяоцин действительно публиковал такое эссе, и, кроме того, давно занимался теоретическими изысканиями. Он осознавал важность истории и теоретических исследований детективных произведений, а также сам в процессе написания детективов приобрел бесценный опыт, который позже и нашел отражение в теоретических статьях. Тем самым Чэн Сяоцин внес важный вклад в развитие детективного жанра в Китае.

В вышеупомянутой статье Чэн в основном рассматривает структуру детектива. Как уже было сказано, он делит их на динамичные и статичные. «В динамичной структуре упор делается на композиции, постоянно нужно создавать неожиданные и страшные ситуации. Например, герой находится в тупике и ждет спасения, или темной ночью он окружен и должен вырваться, в результате у читателя захватывает дух, к тому же такие ситуации требуют постоянного чередования, словно накатывающие одна за другой волны, от этого у читателя разбегаются глаза. А в результате шаг за шагом наступает развязка, и, естественно, возникает удовольствие от того, что опасности закончились и можно перевести дух.

Статичная структура заключается в слове «таинственность». Кроме способности автора создавать опасные ситуации, он еще должен уметь повсюду использовать «приманки». У читателя остается место для собственных умозаключений. В этот момент следует обратить внимание на взгляд читателя, научить его ясному и четкому видению. Кажется, что текст дает читателю увидеть всю картину целиком, до самого дна, однако в самом конце снова возникает очередная вершина. Одновременно с этим даются ответы на все вопросы, чтобы читатель получил рациональное объяснение всему клубку сомнений, который у него был. Это напоминает темные тучи на небе, которые под внезапным порывом бокового ветра были развеяны, и показалось красное солнце, ярко освещающее все вокруг. И дочитав до этого места, все ахают от восхищения» [5, с. 72].

Ван Тяньхэнь (王天恨) в статье «Беседы о детективах» (Чжэньтань сяошо цзатань, 侦探小说杂谈), опубликованной в 5 номере, говорит о структуре детективов с точки зрения размера: он полагал, что детективные произведения не должны быть слишком

короткими (должны быть не менее 1 000 иероглифов). По его мнению, слишком краткие работы – не есть детектив. Но детективы не должны быть и слишком длинными, не должны превышать 50–60 тысяч иероглифов, иначе такое произведение легко превратится в любовный или социальный роман [6, с. 19].

Ху Цзичэнь в опубликованной в 14 номере статье «Мои беседы о детективах» (Во чжи тань чжэньтань сяошо, 我之谈侦探小说) также говорит о структуре детектива. Он полагал, что самое важное в таких произведениях – это композиция, в которой главенствующее место занимают завязка и финал. Сложность заключается еще в том, что все должно быть логично. По его словам, в старых китайских романах, если действие заходило в тупик с объяснениями, на помощь приходили сверхъестественные силы. По его мнению, лишь Чэн Сяоцин и за ним Чжао Тяокуан умели писать настоящие детективные произведения. Ху Цзичэнь полагал, что детектив напоминает фокус, который читатель раскрывает в самом конце [8, с. 135–136].

Во-вторых, авторы писали о сложностях в создании произведений детективного жанра. Яо Гэнкуй (姚庚夔) в статье «Беседы о детективах» (Чжэньтань сяошо цзатань, 侦探小说杂谈), опубликованной во 2 номере, писал о сложности детективного жанра с точки зрения отбора материала. В отличие от произведений других жанров любой изъян может привести к провалу всего произведения [4, с. 110–111]. По мнению Фань Яньцяо, изложенном в статье «Беседа о детективах» (Чжэньтань сяошо сотань, 侦探小说琐谈) в 3 номере, отсталость Китая в плане технологий и материальной культуры приводит к тому, что герои не могут использовать различные современные виды транспорта или современные предметы для победы над преступником, и это – основной объективный фактор, сдерживающий развитие данного жанра [5, с. 89–90]. Чжан Биу полагал («Три сложности детективов» (Чжэньтань сяошо чжи сань да наньдянь, 侦探小说之三大难点), опубликованный в 15 номере), что в создании детективных произведений существует три основных сложности: 1) трудно найти материал, особенно из реальной жизни; 2) сложно создать структуру, отвечающую причинно-следственным связям; 3) важно выбрать правильный стиль изложения, ведь акцент тут делается на рассуждениях, поэтому стиль должен быть простым, лаконичным. В том, что касается объема детективного произведения, то выбрать нужный – это также представляло сложность. В слиш-

ком длинном романе нужно выстраивать сюжет, наполненный перипетиями и поворотами, а в коротком рассказе следует избегать излишней простоты и заурядности [9, с. 103–104]. По мнению Сюй Чихэня (徐耻痕), главную трудность представляет создание центрального образа произведения – самого детектива, который должен быть живым, ярким, умным. Образ детектива не должен быть шаблонным, однообразным, ведь именно он является главной опорой всего произведения [10, с. 98]. Удачный, хорошо прорисованный образ детектива – это залог популярности детективного произведения у читателей.

В-третьих, часть теоретических работ была посвящена такой важной проблеме, как выбор темы для детективного произведения. В своей статье «Мой скромный взгляд на детективные романы» (опубликовано в 3 номере) Чэн Сяоцин затрагивал проблему выбора тематики для создания детективного произведения. Он полагал это нелегким делом, в основе которого лежит следующее: во-первых, необходимо «прощупать почву», понять, что именно интересует читателей. Выбранный материал должен вызывать изумление, а концовка должна быть логичной, в противном случае у читателя возникнет неприятие произведения. Во-вторых, необходима общая идея, отвечающая морали и этике. Чэн Сяоцин писал: «Хотя романы основаны на вымысле, но идеал – это мать фактов, он часто влияет на реальность, поэтому, когда мы пишем, нельзя не брать за образец идею поддержки слабых» [5, с. 71–72]. Хэ Пучжай в своей статье «Ценность детективных романов» (Чжэньтань сяошо чжи цзячжи, 侦探小说之价值) также говорил о том, что «если детективный роман ведет к преступлениям, то автор – тоже преступник, не осмеливающийся сознаться» [4, с. 55].

Чэн Сяоцин словно отвечает на его сомнения: «суть детективного романа в поддержании баланса закона, реабилитации невинно осужденных и в том, чтобы не дать преступнику ускользнуть от правосудия». Любой, кто планирует преступление, должен знать, что детектив сможет разгадать его уловки и лишить его возможности скрыться от карающего меча правосудия» [5, с. 72]. Оба автора – и Чэн Сяоцин, и Хэ Пучжай – отмечали также важную роль найтита и вдохновения в выборе темы произведения. Чэн считал, что «внезапный импульс» (суйцзи чуфа, 随机触发) – это единственный ключ к первоначальному выбору тематики.

В-четвертых, в теоретических статьях авторы размышляли о том, для чего нужны и какую пользу приносят детективные произведения. Чэн Сяоцин полагал, что основное назначение детективных произведений – дать людям возможность понять науку, научные методы, поверить в них, овладеть знаниями. В статье «Польза детективных романов» (Чжэньтань сяошо дэ сяюун, 偵探小说的效用), опубликованной в 10 номере «Мира детектива», Чэн Сяоцин писал об основателе Сучжоуского университета (东吴大学) Ли Боляне (李伯莲), который будучи человеком очень занятым, тем не менее, ежедневно тренировал свой мозг с помощью чтения детективных романов, которые «не только развивают ум и дают бодрость духа, но и могут дать много опыта и знаний в делах» [7, с. 134]. По его мнению, у тех, кто читает детективные романы, неосознанно вырабатывается привычка к критическому мышлению.

Чжан Биу в статье «Беседа о детективах» (Чжэньтань сяошо сохуа, 侦探小说琐话) высказывал мнение о том, что у читателя после прочтения детектива не должно оставаться неприятное чувство. В детективном произведении добро должно поощряться, а зло должно быть наказано. Например, если описывается гибель богача от рук бандитов, то следует пояснить, что он был скупым эксплуататором, а если убили замужнюю женщину, значит, она вела себя непристойно. Читатель должен понимать, что своими проступками можно навлечь смерть [9, с. 177]. То есть у детектива должна быть такая назидательная функция. Однако в таком суждении видится тень романов в жанре гуньянь, что могло затормозить развитие детективного жанра.

В-пятых, важное место уделялось размышлениям о том, какие творческие методы используются при создании детективов. Больше всех о творческих методах писал Хэ Пучжай, полагавший, что можно выделить три основных. Первый – это «умозаключения» (туйсян, 推想), когда они нарастают постепенно, поэтапно, кропотливо. Это самый сложный метод, когда автор не может писать, не достигнув апогея мастерства. Второй – «победа хитростью» (чу ци чжи шэн, 出奇制胜). Детективы, в которых применен этот метод, в начале кажутся обычными, заурядными, но в результате все оказывается перевернутым с ног на голову, вызывая восторг читателя. Третий – «приключения». Главный герой в одиночку сражается с противником, импровизирует, маневрирует и в итоге выходит победителем, повествование настолько интересное, что читатель не может выпу-

стить книгу из рук, пока не дочитает все до конца. Таких произведений, по мнению Хэ Пучжая, больше всего.

В-шестых, авторы теоретических статей осмысливали тему важности продолжения перевода зарубежных детективов. Чжан Биу в статье «Беседа о детективах» (Чжэньтань сяошо сохуа, 侦探小说琐话), опубликованной в 15 номере, говорил о том, что романы китайских авторов очень наивны и это не секрет, поэтому важно перевести зарубежные детективы с целью их изучения [9, с. 177]. Однако имена и географические названия, встречающиеся в текстах, следует, по мнению Чжан Биу, по максимуму заменять на китайские, чтобы для читателя облегчить переход от зарубежных детективов к произведениям, написанным китайскими авторами.

В-седьмых, некоторые статьи заостряли внимание на связи детективных произведений и науки, использовании научных методов при раскрытии преступлений. Фань Яньцяо (范烟桥) в статье «Беседа о детективах» (Чжэньтань сяошо сохуа, 侦探小说琐话) полагал, что писатель-детективщик должен обладать познаниями из сферы психологии, физики и химии, а персонаж-сыщик должен иметь крепкое здоровье и здоровый дух. По его мнению, китайским авторам редко удастся создать узнаваемый образ потому, что «в мире нет настоящего детектива» [4, с. 110]. Вероятно, это происходит потому, что общество еще не создало условий для появления таких персонажей.

Чэн Сяоцин считал, что не только в романах должна использоваться наука, но и сам роман должен быть научным. Будь то дедуктивное мышление или теория доказательств – у детективных романов и науки было много общего. В номерах с 18 по 20 Чэн Сяоцин опубликовал три статьи под заголовком «Научные детективные методы» (Кэсюэ дэ чжэньтань шу, 科学的侦探术). В них он говорил о необходимых научных методах судебной экспертизы, таких как изучение следов обуви, волос, секретных писем, следов крови, обрывков бумаги, пыли, тайных чернил, отпечатков пальцев и т. д.

В 21 номере У Юйбай (吴羽白) опубликовал статью под заголовком «Небольшая часть общих представлений о детективах» (Чжэньтань чанши ибань, 侦探常识一斑). В ней он рассказывал о способах узнать время смерти, распознать признаки борьбы и преступную манию, понять различие между убийством и самоубийством и т. п. [12, с. 152]. И хотя журнал «Мир детектива» вынужден был прекратить свою деятельность уже через год, он стал важным

этапом в становлении жанра детектива в Китае. А теоретические статьи, опубликованные в нем, являлись важной составной частью содержания журнала и сыграли свою роль в развитии жанра и его популяризации.

Список литературы

1. А Ин. Вань Цин сяошо ши [阿英. 晚清小说史]. История прозы конца династии Цин. Нанкин: Цзянсу вэньи чубаньшэ, 2017. 266 с.

2. Ню Цянь. «Чжэньтань шицзе» цзачжи яньцзю [牛倩. 《侦探世界》杂志研究]. Исследование журнала «Мир детектива». Чанчунь: Цилинь дасюэ, 2012. 58 с.

3. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 1. 157 с.

4. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 2. 167 с.

5. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 3. 167 с.

6. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 5. 188 с.

7. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 10. 184 с.

8. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 14. 192 с.

9. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1923. № 15. 190 с.

10. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1924. № 17. 190 с.

11. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1924. № 19. 189 с.

12. Чжэньтань шицзе [侦探世界]. Мир детектива. Шанхай: Шицзе шуцзюй. 1924. № 21. 176 с.

**Китайско-монгольско-российское культурное,
спортивное и туристическое сотрудничество
в рамках проекта «Один пояс, один путь»**

Се Хуэйтин

Хулунбуирский институт, г. Хулунбуир, Внутренняя Монголия

Концепция «Один пояс, один путь» Китай-Монголия-Россия «культура, спорт и туризм» поощряет развитие экономических коридоров, а также сотрудничество и культурные, спортивные и туристические обмены между тремя странами. Сотрудничайте с сообществом для развития его культурных, спортивных и туристических усилий. В будущем Китай, Монголия и Россия получают ключевые возможности в региональном культурном, спортивном и туристическом обмене в рамках развития «Экономического пояса Шелкового пути» и «Экономического коридора Китай – Монголия – Россия» и будут сотрудничать.

Ключевые слова: *культура, спорт, туризм, экономические коридоры, сотрудничество, культурный*

“一带一路”背景下中蒙俄文体旅游合作交流
——以呼伦贝尔市内蒙古冰雪运动学校为例

谢慧婷

内蒙古呼伦贝尔

**Sino-Mongolian-Russian Cultural, Sports and Tourism
Cooperation and Exchanges under the Background
of “One Belt One Road”**

Xie Huiting,

Hulunbuir Institute, Hulunbuir, Inner Mongolia

The “One Belt, One Road” China-Mongolia-Russia “cultural, sports, and tourism” concept encourages the development of economic corridors as well as collaboration and cultural, sports, and tourist exchanges between the three countries. Collaborate with the community to further its cultural, sporting, and tourist endeavors. In

the future, China, Mongolia, and Russia will grab key chances in regional cultural, sports, and tourist exchanges as part of the development of the “Silk Road Economic Belt” and the “China-Mongolia-Russia Economic Corridor” and collaborate to advance together.

Keywords: *cultural, sports, tourism, economic corridors, collaboration, cultural*

呼伦贝尔市地处我国内蒙古自治区东北部，与蒙古国、俄罗斯毗邻，是中国唯一的中蒙俄三国交界地区，有满洲里、黑山头等8个国家级口岸，是“中蒙俄经济走廊”建设和全方位对外开放的前沿，正在成为“一带一路”上国家向北开放的重要桥头堡。因此呼伦贝尔市开展中蒙俄文体旅游合作交流有优越的地理位置、旅游自然资源和人文条件。

内蒙古冰雪运动学校坐落在呼伦贝尔市海拉尔区，是经内蒙古自治区人民政府批准的全日制中等体育职业学校，现集内蒙古冰雪运动学校、呼伦贝尔市体育运动学校和呼伦贝尔市体育中学为一身。其主要任务是为国家培养和输送德、智、体、美、劳全面发展的优秀体育运动后备人才。现开设夏季、冬季项目共19个专项。

为了深入贯彻“一带一路”和“五通”方针，充分发挥呼伦贝尔市向北开放的地缘优势，有效对接蒙俄倡议，以文体旅游合作为纽带，促进中蒙俄文体旅游合作交流。多年来，内蒙古冰雪运动学校与蒙古国、俄罗斯在越野滑雪、速度滑冰、冰球、花样滑冰、射箭、拳击、柔道、古典式摔跤、足球等体育项目上进行交流；在外籍教练员人才引进、专业技术交流及竞技体育比赛中开展了深度合作，都取得了明显成效。为呼伦贝尔市乃至内蒙古自治区文体旅游事业发展做出了积极贡献。

一、俄、蒙专业外籍教练员人才引进

内蒙古冰雪运动学校本着资源共享、优势互补的原则，通过“请进来，走出去”相结合的方式，引进蒙俄人才智力旨在促进呼伦贝尔市文体旅游事业发展。2012年起，内蒙古冰雪运动学校先后与俄罗斯外贝加尔边疆区赤塔市奥林匹克青少年人才储备学校第二分校、俄罗斯布里亚特共和国足球协会、俄罗斯布里亚特共和国柔道协会和俄罗斯布里亚特共和国奥林匹克青少年体育专业学校等体育机构签署了合作协议。曾长期聘请高水平俄罗斯籍教练员5名，蒙古国籍教练员3名。在训练教学上，蒙、俄籍教练员以基本技术扎实、实战性强见长，注重运动员自主训练及综合能力

的培养。在中蒙俄教练员经验交流与沟通的过程中,运动员整体技术水平随之提高,各项体育赛事成绩取得明显提升。

以2018年内蒙古自治区第十四届运动会为例,内蒙古冰雪运动学校运动员共获得金牌100枚、银牌72枚、铜牌70枚,创超自治区记录7项,创超自治区青少年记录35项,创造了历史最好成绩,为呼伦贝尔市代表团夺取金牌、奖牌、团体总分三项第一名做出了突出贡献。近五年,内蒙古冰雪运动学校向自治区和国家专业队输送运动员120人,运动员达到运动健将级14人、一级运动员52人、二级运动员102人,为呼伦贝尔市的竞技体育事业快速发展贡献了重要力量。

二、“一带一路”中蒙俄竞技体育交流与合作

(一) 中蒙俄三国境内举办国际青少年训练营

在“一带一路”背景下,中蒙俄三国境内曾多次举办国际青少年训练营,为教练员、运动员能力提升、互动交流提供了国际平台,网罗中蒙俄三国高水平教练员以及教学体系,使用中蒙俄不同训练场地,各国运动员的训练有了强有力的保证。训练营每期为期20天,中蒙俄三国教练员制定统一训练计划,教练员以各国不同训练模式轮流指导训练,三国运动员以集体训练为主,个体差异训练为辅,共同完成训练方案。教练员们各施所长,如蒙古国教练员扎实的基本功训练、俄罗斯教练员的实战性训练、中国教练员的专项技巧训练。通过训练营模式下的专业交流,教练员与教练员之间,教练员与运动员之间,运动员与运动员之间,教练员、运动员与提供训练营保障的工作人员之间彼此增进了感情,实现了“民心相通”。从2015年起,中蒙俄三国共同开展过训练营项目10期。仅训练营活动一项统计,内蒙古冰雪运动学校体育代表团赴蒙、俄交流教练员、运动员达273人。同时,蒙古国、俄罗斯赴中国呼伦贝尔市体育代表团交流教练员、运动员达465人。

(二) 中蒙俄国际体育比赛

为了更好的实施向北开放战略,促进“草原丝绸之路”建设,发挥与蒙古国、俄罗斯相邻的区位优势,加强三国之间文体旅游合作交流,同时响应国家体育产业发展战略,在中蒙俄体育旅游文化领域合作协议的框架之下,开展了丰富多彩的体育赛事活动。中蒙俄三国之间的文体旅游合作交流,为三国青少年运动员搭建了同场竞技、增进情感的平台,让三国青少年在体育运动中绽放出多彩的友谊之花。2015-2019年间,呼伦贝尔市举办了多项中蒙俄国际体育赛事,其中,中国·呼伦贝尔拳击国际邀请赛5次,中国·呼伦贝尔射箭国际邀请赛4次,中国·呼伦贝尔国际式摔跤国际邀请赛3次,中国·呼伦贝尔柔道国际邀请赛2次,中

国·呼伦贝尔冰球国际邀请赛2次，中国·呼伦贝尔速度滑冰国际邀请赛1次及其他比赛项目等。共吸引了来自俄罗斯、蒙古国数以千计的优秀运动员参加比赛。

同时，本着“请进来，走出去”的原则，2015 - 2019年间，内蒙古冰雪运动学校先后派出优秀运动员赴蒙古国东方省参加功勋教练“铁木尔巴图杯”拳击国际邀请赛2次，蒙古国东戈壁省“东戈壁杯”混合年龄拳击国际锦标赛1次，俄罗斯外贝加尔边疆区赤塔市“市长杯”拳击国际比赛2次、外贝加尔边疆区博尔贾市拳击国际邀请赛3次，赴俄罗斯参加外贝加尔边疆区赤塔市纪念苏联体育健将“维·亚·兹韦列夫杯”青少年区域男子国际式摔跤国际比赛3次，俄罗斯伊尔库茨克市柔道国际邀请赛2次，俄罗斯外贝加尔边疆区赤塔市“季多娃杯”速度滑冰国际邀请赛2次，俄罗斯外贝加尔边疆区普里阿尔贡斯克镇冰球国际邀请赛2次，俄罗斯外贝加尔边疆区阿金斯克市射箭国际邀请赛1次，俄罗斯外贝加尔边疆区毛盖图市射箭国际邀请赛1次及其他各级各类比赛。在以上比赛中内蒙古冰雪运动学校共获得金牌37枚，银牌32枚，铜牌28枚及10个第五名的好成绩。从以上赛事交流的数据中可以得出结论：中蒙俄三国之间的比赛次数、专业比赛项目、参赛人数逐年增多，中蒙俄三国之间的体育文化交流日益密切，它促进了三国体育文化的交流与合作，增进了三国青少年之间的友谊和了解，培养了三国体育后备人才，共同提高了竞技水平。

三、“一带一路”背景下内蒙古冰雪运动学校中蒙俄体育文化交流成果

在“一带一路”背景下，紧紧抓住中蒙俄体育文化交流这一契机，运动员们从赛场上的比拼较量到训练中的互学互鉴，从体育沟通到友谊相通，铺就了三国青少年拼搏、进取、圆梦的健康运动之路，彰显了三国共促体育发展的命运共同体意识，为深化国际体育交流合作提供了新思路新方案。通过中蒙俄体育文化常态化交流，内蒙古冰雪运动学校近年来无论是教练员在训练教法上，还是学生在竞技赛场上，都取得有目共睹的骄人战绩。例如：内蒙古冰雪运动学校运动员曾格嘎日布荣获2018年全国拳击冠军赛81kg级冠军；常生荣获2018年全国少年拳击锦标赛52kg级冠军；孟和吉干获得2020年全国国际式摔跤锦标赛暨奥运会资格选拔赛74kg级冠军；宝德扎布获得2020年全国国际式摔跤锦标赛暨奥运会资格选拔赛92kg级冠军；孟祥婷荣获2019年全国青少年柔道锦标赛女子63kg级冠军；刘佳琦荣获2019年全国射箭（U14）锦标赛个人30m冠军、女子团体冠军；姜霞获得2019 - 2020年全国速度滑冰青少年锦标赛短距离团体追逐冠军；孙嘉钊获得2020年瑞士洛桑举办的第三届冬季青年奥运会速度滑冰比赛男子集体出

发第5名、混合集体滑第八名等。内蒙古冰雪运动学校许多运动员都在国际、国内比赛中取得可喜成绩。

体育文化交流同时带动着呼伦贝尔市地方经济发展，蒙古国、俄罗斯教练员、运动员进入中国境内参加各类训练营和比赛的同时，也感受到中国现代化食宿交通等服务带来的快捷便利条件，同时对中国制造的文化体育用品及日常消费品产生了浓厚的兴趣，进行大批量采购，扩大了我国体育用品消费市场的购买需求量。切实推动了“一带一路”中的“五通”。

四、呼伦贝尔市文化体育旅游的新思路和新举措

为了推进“中蒙俄经济走廊”建设，进一步促进文化体育旅游的融合发展，呼伦贝尔市政府依托地方现有冰雪文化旅游场馆及冰雪文化旅游资源，采取“文体旅游+”模式对内蒙古冰雪运动学校冰上运动训练中心的冰壶馆进行了合理化整合利用，将冰壶馆改造成大型冰舞秀演绎场馆。场馆以“观世界最炫冰秀，品草原绿色美食”为主题打造了大型冰舞秀《呼伦贝尔之恋》。为此，中心场馆专门聘请专业导演组进行编排，挑选多名俄罗斯及国内优秀花样滑冰演员，场馆内加装投影幕布，这是本地区“一带一路”中蒙俄体育带动旅游文化产业的新举措和创新。

总之，“一带一路”中蒙俄“文体旅游+”模式促进了三国间经济走廊建设事业的开展及文化、体育、旅游等方面的合作交流，从而促使中蒙俄发挥各自优势，形成区域文体旅游合作共同体，推进各自文体旅游事业的发展。今后中蒙俄三国将在区域文体旅游交流中紧紧抓住“丝绸之路经济带”和“中蒙俄经济走廊”建设的重要机遇，携手合作、共同前进。

Список литературы

1. 慕英杰, 马英杰, 郭春风. “一带一路”背景下中蒙俄冰雪体育文化合作研究[J]. 智库时代, 2019(13):1+11.
2. 杨利军. “一带一路”背景下中蒙俄体育产业深化合作的思考[J]. 新金融, 2018(12):54 - 57.

Особенности перевода мифологических реалий в поэме Цюй Юаня «Ли Сао»

Б. М. Сундуева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье предметом анализа является перевод мифологических реалий, выполненных британскими, русскими, китайскими переводчиками. Рассматриваются несколько основных способов перевода реалий: транскрипция, калькирование, описательный перевод, опущение, генерализация. Установлено, что калькирование и описательный перевод позволяют весьма точно передать и раскрыть значение образов, но при этом не сохраняют их национальный колорит. Транскрипция с комментариями в большей степени обеспечивает межкультурное взаимодействие между автором и читателем.

Ключевые слова: *древнекитайская литература, лирическая поэзия, перевод, реалия, мифологические образы*

Features of the Translation of Mythological Realia in Qu Yuan's Poem "Li Sao"

B. M. Sundueva

Transbaikial State University, Chita, Russia

The article analyzes the translation of mythological realia performed by British, Russian, and Chinese translators. Several main ways of translating realia are considered: transcription, calque, descriptive translation, omission, generalization. It is established that calque and descriptive translation make it possible to accurately convey and reveal the meaning of images, but at the same time do not preserve their national specifics. Transcription with comments provides more cross-cultural interaction between the author and the reader.

Keywords: *ancient Chinese literature, lyrical poetry, translation, realia, mythological images*

Цюй Юань (340–278 гг. до н. э.) – первый индивидуальный поэт Древнего Китая, творчество которого ознаменовало переход от коллективной к лирической поэзии. Поэма «Ли Сао» (离骚) – самое известное произведение Цюй Юаня. Это исповедь автора, в которой говорится о его душевных страданиях, мучительных раздумьях о судьбе его народа. Цюй Юань родился и жил в царстве Чу. Будучи государственным деятелем, выполнял ответственные поручения, составлял указы, выступал за совет укреплять союз с другими царствами против Цинь. Из-за политической борьбы и придворных интриг Цюй Юань был дважды изгнан из столицы, покончил жизнь, бросившись в реку. В. М. Алексеев отмечал, что поэзия Цюй Юаня – это поэзия грусти и досады. Цюй Юань предстает как поэт, движимый гением: он, не зная границ земли, зовет к себе звезды, привлекает феникса, погоняет драконом и совершает заоблачные полеты, чтобы возвыситься над злом земного мира, которое невозможно устранить, и предается безбрежному океану печали. И вместе с тем глубоко томится по родному краю – Чускому царству, по жизни на своей земле, по ее цветам [1, с. 4].

Новым для китайской поэзии было введение в произведение сцен, где действие переносится в вымышленные, мифологические края [4, с. 172]. Обращение к вымыслу, к различным мифологическим образам позволило поэту поведать о своих переживаниях.

В данной работе сравниваются переводы мифологических реалий разных переводчиков. На английском языке это переводы Е. Х. Паркера (E. H. Parker) ‘The Sandess of Separation, or Lisao’ (1879), Д. Хокса (David Hawkes) ‘Encountering Sorrow’ (1953), Ян Сяньи и Глэдис Ян (Yang Hsien-yi and Gladys Yang) ‘Lisao’ (‘The Lament,’ 1953). На русском языке это поэтический перевод «Лисао» («Скорбь изгнанника»), выполненный Анной Ахматовой по сделанному подстрочнику Н. Т. Федоренко в 1954 году, а также перевод А. И. Гитовича «Лисао» (1962). Реалии, представленные в тексте, можно подразделить на несколько групп:

1. Реалии мира природы

<i>Оригинал</i>	<i>Н. Т. Федоренко</i>	<i>А. И. Гитович</i>	<i>D. Hawkes</i>	<i>Yang Hsien-yi</i>
若木	Ветка волшебная	-	A sprig of Ruo tree	Golden Bough

<i>Оригинал</i>	<i>Н. Т. Федоренко</i>	<i>А. И. Гитович</i>	<i>D. Hawkes</i>	<i>Yang Hsien-yi</i>
琼枝	Бессмертья ветвь	Бессмертья ветвь	Branch of jasper	Jasper twigs
粳	рис	рис	meat	victuals
琼茅	цзюмао	Букет растений красных	Holy plant	Mistletoe and herbs of magic worth e'en orchids
玉鸾	птица сказочная	яшмовая птица	Jade yoke- bells	The Birds of jasper Green
鸾皇	луаньхуан	луаньхуан	The Birds of Heaven	The royal Blue Bird

Пример 1. 折琼枝以为羞兮，精琼靡以为粳。(Цюй Юань)

Бессмертья ветвь дала мне вместо риса, дала нефрит толченный вместо яств (Н. Т. Федоренко).

I broke a branch of jasper to take for my meat, And ground fine jasper meal for my journey's provisions (David Hawkes).

As Victuals Rare some Jasper Twigs I bore, and some prepared, Provision rich to store (Yang Hsien-yi).

В переводе Д. Хокса (David Hawkes) значение 'meat' («мясо») в сравнении с понятием «рис» у Н. Т. Федоренко и А. И. Гитовича – выступает в качестве функционального аналога. У Янга (Yang Hsien-yi) «рис» означает 'victuals' («провизия», «еда»). Здесь выполнен «прием генерализации значений, т. е. замена частного общим, видового понятия родовым» [2, с. 73].

Пример 2. 扬云霓之晻蔼兮，鸣玉鸾之啾啾。(Цюй Юань)

Я стягом-облаком скрываю солнце, и песня птицы сказочной звучит.

И слышу я, преодолев просторы, как яшмовая птица мне поет (Н. Т. Федоренко).

The cloud-embroidered banner flapped its great shade above us; And the jingling jade yoke-bells tinkled merrily. (David Hawkes).

In twilight glowed the Clouds with wondrous Sheen, and chirping flew the Birds of jasper Green. (Yang Hsien-yi).

Согласно БКРС иероглиф 鸾 имеет 2 значения: 1) феникс, жар-птица (сказочная птица с ярким пятицветным оперением при

преобладании красного, а по некоторым версиям – голубого цвета); 2) уст. колокольчик (на ярме лошади, запряжённой в государственную колесницу). Иероглиф 鳴 míng также имеет несколько значений: 1) петь, щебетать, чирикать; певчий, звонкоголосый (*о птицах*); 2) звучать, издавать звук; звенеть. Иероглиф 啾啾 jiūjiū подразумевает звукоподражание: 1) писку птицы, жужжанию насекомого; пищать, жужжать; 2) звону колокольчика; звенеть.

Н. Т. Федоренко, А. И. Гитович и Янг (Yang Hsien-yi) в качестве перевода использовали значение «птицы». Дэвид Хокс (David Hawkes) для перевода выбрал другой термин – «колокольчики». Оба понятия имеют равнозначное право на существование.

2. Культурно-исторические реалии

Оригинал	Н. Т. Федоренко	А. И. Гитович	D. Hawkes	Yang Hsien-yi
昔三后	Юй, Чэн Тан, Вэнь-ван	Три императора	The Three kings of old	Three ancient kings
尧、舜	Шунь и Яо	Яо, Шунь	Yao and Shun	Two monarchs
高辛	Ди-Ку	Гао Син	Gao Xin	The Prince
鲧	Гунь	Гунь	Gun	A Hero

Пример 3. 昔三后之纯粹兮，固众芳之所在。(Цюй Юань)

Вот Юй, Чэн Тан, Вэнь-ван – их окружали умов разнообразных цветники (Н. Т. Федоренко).

Трёх императоров святая честность была обителью для всех цветов (А. И. Гитович).

The three kings of old were most pure and perfect: Then indeed fragrant flowers had their proper place (David Hawkes).

Three ancient kings there were so pure and true. That round them every fragrant Flower grew (Yang Hsien-yi).

В тексте оригинала и в переводах А. И. Гитовича, Дэвида Хокса (David Hawkes) и Янга (Yang Hsien-yi) говорится о трех легендарных китайских императорах без имен. Н. Т. Федоренко в своем переводе расширяет текст и называет трех императоров по именам: Юй, Чэн Тан, Вэнь-ван. В данном примере используется прием лексического добавления, что возможно, было обусловлено чисто стилистическими соображениями.

3. Мифологические реалии

Оригинал	Н. Т. Федоренко	А. И. Гитович	D. Hawkes	Yang Hsien-yi
灵氛	Лин-фэнь	Линфэнь	Ling feng	The Witch the Future
羲和	Си-хэ	Си-хэ, Возница	His-ho (Sun Charioteer)	The Driver of the Sun
望舒	Ваншу, луны возница	Луны Возница	Wang Shu	Moon's Charioteer
飞廉	Фэйлянь	Бог Ветров	The Wind God	The Master of the Winds
雷师	Лэйши	Лэйши	The Thunder God	The Lord of Thunder
丰隆	Фын-лун	Бог Громов	Feng Long	The Lord of Clouds
宓妃	Ми-фэй	Мифэй	Fu Fei	The Nymph
穷石	Цюньши	Цюньши	Qiongshi	The Crag
涓盘	Вэйпань	Речная волна	Weipan Stream	The Stream
有娥之佚女	Юсунская Цзянь Ди	Юсунская Цзянь Ди	Lovely daughter of the Lord of Song	The beauteous Princess of the West

Пример 3. 吾令丰隆乘云兮，求宓妃之所在。(Цюй Юань)

На облако воссевшему Фын-луну

Я приказал найти дворец Ми-фэй. (Н. Т. Федоренко)

Пусть Бог Громов

На облаке помчится –

Найдет Ми Фэй

У сказочной реки. (А. И. Гитович)

So I made Feng Long ride off on a cloud to seek out the dwelling-place of the lady Fufei. (David Hawkes)

The Lord of Clouds I then bade mount the Sky

To seek the Stream where once the Nymph did lie. (Yang Hsien-yi)

В переводах Н. Т. Федоренко и А. И. Гитовича дочь сказочного императора Фу-си – девушка по имени Ми-фэй. В мифах Древнего

Китай² можно найти об этом подтверждение. Однако в переводе Дэвида Хокса (David Hawkes) девушку зовут иначе – Фу Фэй. Объяснить причину различной интерпретации можно ссылаясь на словарь 说文解字³. Иероглиф 宓 имеет два чтения: 1) fú Фу (фамилия, в древности) 2) mì Ми (фамилия, совр.). Поэма «Лисао» – это древнекитайское произведение, а, значит, возможно, что имя девушки 宓妃 следует произносить Fufei.

4. Мифологические географические реалии

Оригинал	Н. Т. Федоренко	А. И. Гитович	D. Hawkes	Yang Hsien-yi
县圃	Сяньпу	Сяньпу	The Garden of Paradise	Paradise
腌臢	пещера	пещера	Yen-tzu mountain	-
咸池	Сянь Чи	Сяньчи	The Pool of Heaven	The Lake where bathed the Sun
阊风	Ланфын	Ланфын	The peak of Langfeng	The Portals of the Wind
春宫	Чуньгун	Дворец Весны	House of Spring	The Palace Green
天津	Тяньцзинь	Млечный Путь	Ford of Heaven	Heaven's Ford
西极	Сицзи	Млечный Путь	World's West End	Earth's Extremity
羽	Юйшань	-	Feather mountain	The Plain

² Мифы Древнего Китая. С. 55.

³ 说文解字shuōwén jiězì «Шовэнь цзецзы» («Происхождение китайских символов», первый официальный словарь иероглифов, 121 г. н. э., автор Сюй Шэнь).

Пример 4. 曰：鯀婞直以亡身兮，终然天乎羽之之野。（Цюй Юань）

Был Гунь чрезмерно прям, и вот несчастье
Его настигло под Юйшань в степи (Н. Т. Федоренко).

Мне говорила:

«Гунь был прям, но скромн,

И только случай

Погубил его (А. И. Гитович).

Gun in his stubbornness took no thought for his life and perished,
as result, on the moor of Feather Mountain (David Hawkes).

A Hero perished in the Plain ill-starred,

Where Pigmyies stayed their Plumage to discard. (Yang Hsien-yi).

Юйшань – это Гора птичьих перьев⁴, где был казнен Гунь по обвинению в неумелой борьбе с наводнением. В тексте А. И. Гитовича ничего не говорится про Юйшань. Переводчик применил прием опущения, возможно, ввиду того, что в китайском тексте присутствует излишняя конкретизация.

Анализ вышеперечисленных работ позволяет сделать вывод, что у Н. Т. Федоренко преобладает прием транскрипции. Данный прием сохраняет оригинальность текста, его специфику и национальный колорит. А. И. Гитович также использует транскрипцию, добавляя калькирование и описательный перевод. Д. Хокс (David Hawkes) в равной степени применяет транскрипцию и калькирование. Интересно, что у Янга (Yang Hsien-yi) полностью отсутствует транскрипция, в основном переводчик использует прием описательного перевода.

Таким образом, большое количество мифологических образов в поэме «Лисао» позволяет читателю окунуться в древнюю китайскую поэзию. При выборе способа перевода реалии огромную роль играет точка зрения автора перевода. Задача переводчика состоит в том, чтобы адекватно передать эти образы, сохранив национальный колорит произведения.

Список литературы

1. Федоренко Н. Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 156 с.
2. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. 3-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. 224 с.

⁴ Мифы Древнекто Китая. С. 207.

3. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого; под ред. и с послесл. Б. Л. Рифтина. М.: Наука, 1965. 496 с.
4. Литература древнего Китая: сб. ст. / АН СССР. Ин-т востоковедения. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1969. 288 с.
5. Большой китайско-русский словарь = 華俄大辭典: по русской графической системе: в четырех томах: около 250000 слов и выражений / составлен коллективом китаистов под руководством и редакцией И. М. Ошанина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.
6. 说文解字 shuōwén jiězì «Шовэнь цзецзы» = Происхождение китайских символов: первый официальный словарь иероглифов (121 г. н. э., автор Сюй Шэнь).
7. Стихи/Лисао / пер. А. И. Гитович. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id... (дата обращения: 14.10.2021). Текст: электронный.
8. Encountering Sorrow. Lisao translated by David Hawkes. URL: <https://bs.dayabook.com> (дата обращения: 14.10.2021). Текст: электронный.
9. Li Sao and other poems of Chu Yuan (1953). Translated by Yang Hsien-yi and Gladys Yang. URL: <https://archive.org> (дата обращения: 14.10.2021). Текст: электронный.

УДК 811.581
ББК 81.2–67

Понятие «лицо», чувство иерархии и культ грамотности в Китае

М. А. Юйшин¹, Цуй Хунхай²

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

² Шаньдунский институт бизнеса и технологии, г. Яньтай, КНР

В статье рассмотрены значение 脸 «лицо», ценность нормы концепции «лица» и «стыда». Выявляется концептуальное основание этого явления, определяется его содержание и во многом обуславливается мотивационная сторона поведения китайцев. Нормативные стереотипы поведения (в вербальном и невербальном плане) между родителями и детьми, старшими и младшими, мужем и женой, а также между друзьями. Добродетель сердца как характеристика осознания «лица» в психологии китайцев.

Ключевые слова: понятие «лицо», иерархия, китайские ценности, манеры поведения, слова и жесты, ритуалы, традиции и обычаи, мудрость предков

The Concept of “Face”, a Sense of Hierarchy and the Cult of Literacy in China

M. A. Yuyshin¹, Cui Honghai²

¹ Transbaikal State University, Chita, Russia

² Shandong Institute of Business and Technology, Yantai, China

The article discusses the meaning of 脸 “face”. The value of the norm of the concept of “face” and “shame”. The conceptual basis of this phenomenon is revealed, its content is determined, and the motivational side of the behavior of the Chinese is largely determined. Normative stereotypes of behavior (verbal and non-verbal) between parents and children, older and younger, husband and wife, and also between friends. The virtue of the heart is a characteristic of the awareness of the “face” in the psychology of the Chinese.

Keywords: *the concept (theory) of “face”, hierarchy, Chinese values, behavior, words and gestures, rituals, traditions and customs, the wisdom of ancestors*

Понимание ответственности китайцев связано с определенным статусом человека в социальной группе и множеством обязательств перед ним. Для каждого китайца очень важна его репутация и его лицо «面子». Ценность норм в сознании китайцев определяет существование национальных психологических феноменов, таких как «лицо» и «стыд». Концептуальная основа этого явления состоит в том, что они определяют его содержание и, в значительной степени, мотивационные аспекты своего поведения. В конфуцианском учении одним из критериев определения настоящего «благородного мужа» является этическое понятие «面子». Не каждый может иметь «面子», потому что «面子» – это совокупность требований человека, а значит, бремя его социальных и моральных обязательств. Если вы сделаете что-то не так, вы можете потерять «面子». Однако, если вы не претендуете на какую-то полезную сферу жизни общества, вы никогда этого не получите. Следовательно, настоящий «благородный муж» имеет высокие амбиции и готов нести бремя этого мира. Но при этом он даже не имел права рассматривать выгоду и свои ин-

тересы! На поведение влияет не совесть и справедливость, не признание прав других, а только желание «сохранить лицо».

Понятие «лицо» характерно для всего Дальнего Востока (Китай, Япония, Южная Корея), но поначалу оно было присуще правящему классу феодального Китая. По описанию И. Г. Гердер [1] коварный и обманутый, представители сословия стремились сохранить репутацию уважаемых людей. Для них самым ужасным считается «потерять лицо», то есть публично разоблачить или обвинить в чем-то недостойном, потерять репутацию среди последователей и начальства. «Стыд» равносителен гражданской казни, которая часто приводит к самоубийству. Со временем это явление изменилось. Имущие слои стремились «сохранить лицо», чтобы получить хороший статус и уважение в обществе, в низших слоях доминировал страх перед вышестоящими из-за несоблюдения конфуцианских предписаний. «Лицо» теряется или приобретает действием. Любое сохранение «лица» – крайняя черта поведенческих норм, признанных китайским обществом. Вы можете в корне изменить свое отношение к тому или иному явлению, но не можете прямо и откровенно признать, что ваше прежнее отношение к нему было неправильным. «Лицо» – неизменный фактор, регулирующий поведение китайцев при взаимодействии.

Однако китайцы могут потерять «лицо», потому что они нарушают нормативные стереотипы поведения (вербального и невербального) между родителями и детьми, старшими и подростками, мужем и женой и друзьями.

Однако только в глазах представителей референтной группы они могут потерять «лицо», и китайцы будут руководить ими исходя из их мнения при оценке их поведения. Вот почему работа механизма «потери лица» во многом зависит от того, является ли конкретное поведение китайцев публичным, и от объектов оценки членов референтной группы. В случае, если такая оценка не работает, даже если китаец нарушает процедуры, установленные группой, он не может потерять лицо.

Особенность механизма «потери лица» заключается даже в том, что принуждение другой стороны признать свою неправоту и раскаяться в своих действиях для китайца важнее, чем наложение на него каких-либо моральных или физических санкций. Понятие «лицо» в китайской психологии общения тесно связано с понятием «стыд», а также является движущей силой в определенных ситуациях обще-

ния. Какими бы ни были обстоятельства, конфуцианская мораль не позволяет признать, что он встал на путь добродетели, потому что такое признание доказывает, что у него нет чувства стыда, а это неизбежно приведет к потере «лица». Поэтому первая характеристика китайской психологии – осознание «лица». «Лицо» заключается в добродетели сердца. У китайцев пять добродетелей: доброжелательность, праведность, праведность, мудрость и верность. Суть добродетели – поступать правильно, а не поступать логично. Это также китайская приверженность традициям. Китайцы сформировали и всегда очень четко демонстрировали национальные психологические качества строгой дисциплины, высокой зависимости индивидов от группы, особой сплоченности с четким разделением ролей и высокой степени доверия. С точки зрения группы, а также особый характер симпатии и сочувствия, проявляемый в межличностных отношениях.

Важной особенностью китайской психологии является чувство иерархии. Оно организует положение «людей» во взаимоотношениях с другими «людьми», формируя семейные и клановые отношения (отношения), и связывает «людей» посредством взаимной ответственности сверху вниз. По занимаемой должности в звании. Общество – сеть со строгими уровнями морали и социальной ответственности, вертикальными и горизонтальными, – состоит из связей, сформированных в семье, а затем в средней школе, университете, учреждении или компании (данвэй). В этой сети возраст и трудовой стаж имеют не только привилегии, но и обязанности. «Работая в Интернете» в своей стране, структура «онлайн-общества» дает китайцам преимущество перед иностранными индивидуалистами, которые не имеют такой поддержки и не могут «тянуть» к разным социальным уровням. Китайская концепция иерархии – это суть человеческой природы. Осознание естественного неравенства статуса «людей» обеспечивает социальную стабильность, как и в семье. Иероглифические символы человечности (доброжелательности) объединяют значение людей с числом два в иерархии верхних и нижних единиц разного размера. Другими словами, правильные отношения между людьми – это иерархия подчиненных (принцип пирамиды, высший лидер – император).

Прежде всего, чувство ответственности китайцев связано с необходимостью строго соблюдать социальные и ролевые нормы и соблюдать нормы социального взаимодействия. Китайская концепция долга относительна, потому что они более склонны позициониро-

вать себя в соответствии с конкретными жизненными ситуациями. Долг перед родителями чрезвычайно важен, но долг перед отцом важнее, чем долг перед другими членами семьи.

В отличие от европейцев, китайские фамилии предшествуют имени собственному: сначала клан, затем личность. Личный интерес вторичен. В Китае люди – это не отдельные люди и не клетка общества, а «железные гайки» государственного аппарата. Существует определенная степень самоизоляции между китайской личностью и связанной с ней окружающей средой, что приводит к крайним проявлениям эгоизма. Начиная с совместного обучения, клан состоит из поколения знакомых друг друга сверстников. Клан состоит из родственников и родственников мужа.

В стране для китайцев приоритет бюрократии – «высший и подчиненный», а не приоритет демократии или аристократии. Китайцы склонны слепо подчиняться авторитету, а авторитет – это любой начальник. Уважение и страх перед властями широко распространены, особенно в сельской местности и уездах. «Слуга народа» стал там маленьким узурпатором. Вдобавок китайцы настолько привыкли к опеке со стороны партии, профсоюзов и Коммунистической лиги молодежи, что это беспокойство считается безусловным: государство должно предоставлять квартиры, медицинское обслуживание, билеты в дома престарелых, свадебные бонусы и деньги на похороны.

Оценка многих явлений общественной жизни представлена китайцам в их понимании авторитетными людьми. Китайская власть – это не только человек с более высоким социальным статусом, но и явление, и объект. Для китайцев важны все китайские ценности, поведение, слова и дела, этикет, порядок аргументов, китайские традиции и обычаи, а также мудрость их предков.

Управление обществом отделено от суда, и все его положительные, а чаще отрицательные качества накапливаются в язвах, передаваемых из поколения в поколение и разрушающихся. В большей степени это осуществляется через ценных и умных полномочных представителей императора на местах. Вертикаль власти китайской бюрократии состоит из назначенных чиновников, включая гражданский и военный персонал.

Чиновники не имеют права наследования, но это не зависит от выбора людей. У них есть лучшие или худшие управленческие знания и навыки, карьерные перспективы назначенных лиц и гарантии пожизненной «поддержки» должностей. Чиновник был медли-

телен, нерешителен, не торопился и следил за своим начальством. Пост и иерархическая власть работают сами по себе, чтобы предотвратить анархию и хаос. Это иерархическая система, социотризм. В обществе не закон регулирует столкновение индивидуальных потребностей и не является целесообразной мерой, основанной на идеалах каждого, но взяточничество – это средство сочетания личных интересов подчиненных с личными интересами начальника. Н. А. Спешнев [2] вспоминает, что когда БДТ и МХАТ давали на Тайване пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты» на Тайване, то каждый раз зал – спектакль шел четыре раза – переживал за главного героя Глумова, который выпустил записную книжку, где отмечал, кому давал взятки, и из-за этого не смог достичь карьерных вершин. То есть, плохо не то, что он неправильным, неэтичным способом пытался чего-то достичь, а то, что у него это не получилось.

Путь к бюрократии и дальнейшему продвижению на высшие уровни власти открыт для всех «активных». Быть чиновником в Китае всегда считалось очень престижным делом. Единственное формальное препятствие – это сдача экзамена, которую можно преодолеть с помощью серьезных управленческих знаний и взяточничества. Однако в любом случае официальные должности могут занимать только образованные люди. Национальная система отбора талантов роботов в Китае существует более двух тысяч лет.

Возможность подняться вверх по лестнице давало образование. Не только учёные и писатели, но и любой чиновник умел сочинять стихи, играть на музыкальных инструментах, рисовать пейзажи и каллиграммы. Нигде, кроме Китая, не устраивались экзамены по словесности, на основе чего создавался правящий аппарат. Молодые люди во всех уголках империи, забыв обо всём, штудировали бесценные свитки. Другой дороги «наверх» не было.

Может, китайская модель образования и не очень привлекательна, с точки зрения европейцев, но в ней есть такое, что всегда привлекает внимание людей. Это усердие, усердие и ещё раз усердие. Китайцы не такие люди, чтобы пойти учиться и не стараться при этом. Для них существует только полная терний дорога к учёной славе, по которой они неустанно идут, пока не достигнут успеха. Ведь это прямой путь к получению высокой вакансии. Часто количество экзаменуемых более десяти тысяч на одну должность. Поэтому ни в одной другой стране, кроме Китая, не увидишь со-

бравшихся в одном экзаменационном помещении внуков, сыновей, дедов. Многим из них уже за восемьдесят. И вот теперь, посредством многолетнего непоколебимого усердия, они, наконец, смогут достичь почёта, перед которым долгое время будут преклоняться потомки. Весной 1889 года в пекинском журнале «резиденция» было опубликовано несколько докладов императору о ситуации с экзаменуемыми среднего и преклонного возраста. Губернатор Фу Цзянь сообщал, что среди тех, кто выдержал экзамен в виде написания сочинения, девять человек старше восьмидесяти лет и два человека старше девяноста лет. Губернатор провинции Хэнань, в таком же докладе отмечал, что среди экзаменуемых тринадцать человек старше восьмидесяти лет, а одному уже больше девяноста, но «пройденный суровый экзамен на протяжении девяти дней, идеально написанное сочинение не оставят и следа на старости лет». А доклад провинции Аньхой может восхитить современных людей. В нём говорится, что среди экзаменуемых было тридцать пять человек старше восьмидесяти и тринадцать – старше девяноста лет.

В конце династии Цин (XVII–XIX вв.) Каждые три года нанимали 70 000 чиновников. Финальным раундом игры руководил лично император. Этот чиновник всегда назначается не в ту провинцию. И каждые пять лет его будут переводить в новую провинцию. Во многом этот порядок сохранился и сейчас.

В китайском менталитете выделяются и очерчиваются понятия интеллекта, интеллекта и т. д., что выражается в английском языке одним словом: интеллект. Для китайцев слово «сердце» должно включать в себя моральную и этическую оценку, а значение слова «мудрость» совпадает с европейским, то есть включает элементы рационализма.

Если американцы оценивают человеческий интеллект, навыки решения проблем, языковые навыки и социальные навыки важны, то для китайцев интеллект включает в себя социальный этический фактор: скромность, порядочность, доброту, доброту, честность и готовность Помощь, продуманная культура (изучено, интеллектуальный, хорошее образование, любовь к чтению, гибкий и творческий ум), умение организоваться, то есть не зависящее от эмоций, прагматично, не повторять своих ошибок, находить выход в сложной ситуации, логично быть ясным и стремиться к достижению поставленных целей. Умному человеку абсолютно необходимо уметь видеть точку зрения другого человека, быть сочувствующим, скром-

ным, общительным, уметь слушать и хорошо говорить. Только так можно оценить коммуникативные качества человека: умение нравиться другим, хорошая речь, чувство юмора, социальные навыки, не тратить время зря, планировать наперед, умение быть оригинальным. В самом конце этой иерархии находятся опыт, универсальность, эффективность, мудрость и критика.

Долгое время китайцы привыкли измерять свой культурный уровень по количеству прочитанных книг.

*Я в юности ранней
Не часто общался с миром,
Найдя наслажденье
В шести совершенных книгах.⁵*

(Тао Юаньмин)

Кульτ грамотности в Китае восходит к конфуцианству. Основы этого учения были сформулированы представителями грамотного класса «солдат», большинство из которых были китайскими философами и духовными просветителями (а также Конфуций и Лаоцзы). «Ши» означает ученого, представителя образованного высшего класса и воина в древние времена, представителя феодальной аристократии. Первоначальные феодалы-дворяне были одновременно учеными и воинами. Позже значение этого слова стало практически противоположным предыдущему, потому что в Китае начали проводить черту между теми, кто умеет пользоваться оружием, и теми, у кого есть ручки. Но ученые всегда были частью правящей элиты, монахов и чиновников. Все эти такси – государственные служащие. Они занимают официальные должности, такие как амбары, архивисты и т. д. Правители известны своей способностью ясно и связно выражать свои мысли – «простенькое письмо». В период Сражающихся царств считалось, что Ши знал секреты вселенной и «настоящий» способ управления царством небесным. Таким образом, престиж класса литераторов значительно повысился.

221 г. до н. э. – очень трагический день в истории конфуцианства. Правитель Цинь Шихуана, объединившего древнюю землю Китая, настоял на идее создания семьи («Фацзя») и приказал похоронить 460 самых выдающихся конфуцианцев и сжечь все кон-

⁵ Поньше гордость нации составляет древнее «Шестикнижье»: «Шицзин» («Книга песен»), «Шуцзин» («Книга преданий»), «Ицзин» («Книга перемен»), «Чуньцю» («Вёсны и осени»), «Лицзи» («Книга установлений»). Шестой была «Юэцзи» («Книга музыки»), но она навсегда исчезла ещё в III веке во время варварского уничтожения конфуцианского канона императором Цинь Ши-Хуаном.

фуцианские произведения, как легенда гласит. В начале династии Хань (Эпоха Хань – 206–220 гг. до н. э. Период «мифологического Ренессанса» на территории Китая, когда был фактически восстановлен древний пантеон – правда, «переосмысленный на конфуцианский лад. Например, женские божества стали мужскими.) началась работа по восстановлению утраченной композиции: они искали случайно сохранные копии и записывали фрагменты, которые они узнали из слов старика. Постепенно сформировался корпус классической конфуцианской классики (13 классиков, 9 из которых считаются наиболее важными, и их знание обязательно для любого образованного человека). Канонические конфуцианские тексты – «Четырёхкнижие» («Сышу»): трактаты «Луньюй», «Мэнцзы» и две главы из трактата «Лицзи» – «Дасюэ» и «Чжуньюн»; «Пятикнижие» – «Шицзин», «Шуцзин», трактат «Лицзи», историческая хроника «Чуньцю», «Ицзин»; трактаты «Чжоули», «Или», словарь «Эръя» и «Книга о сяо» (Сяоцзин»). Хотя многие афоризмы и цитаты в этих книгах широко распространены среди людей, многие из них превратились в афоризмы, но изучение и чтение текстов сами по себе остаются грамотными людьми, поскольку для этого необходимы знания древнего китайского и древнекитайского языков. Понимание старинных стилей.

В династии Хань образованные люди на официальных должностях стали своего рода «светскими священниками». Они умеют писать иероглифы. Письменный язык чрезвычайно сложен, труден для изучения, и обычные люди не могут его понять. Он был фактически обожествлен. Конечно, ученые-эксперты даже не думали об упрощении. В конце концов, это дало им привилегии. Чиновников, успешно сдавших экзамен на должность, почитают почти как святых. Все из этого. И высший бакалавр третьего класса (цзиньшидзинси), первоклассный бакалавр третьего класса (сюцай). Все они принадлежат к особому классу джентльменов, управляющих страной. Ученые и официальные лица – наследники и хранители древней и великой мудрости конфуцианства и защитники незыблемых традиций. Поэтому высшей ценностью являются образование и академическая квалификация. С этим нельзя сравниться ни богатство, ни личные возможности. Логичным следствием этого культа стало обожествление самого Конфуция. Вскоре после его смерти в городке Цюйфу в провинции Шаньдун, неподалёку от места захоронения мудреца, был воздвигнут храм, а в 195 г. до н. э. первый ханьский

император Лю Бан совершил на могиле Конфуция торжественное жертвоприношение тайлао (тройственная жертва, когда закалывали быка, барана и борова, считалась в Китае наиглавнейшей).

В 267 г. императорским указом было установлено четырежды в год совершать жертвоприношение тайлао в честь Конфуция как на императорском алтаре в столице, так и в храме в Цюйфу. В 555 г. был обнародован указ о возведении храмов Конфуция в каждом городе страны и о регулярных жертвоприношениях в этих храмах. Позднее под влиянием буддизма в этих храмах появились скульптурные изображения его предполагаемого облика, поскольку прижизненных изображений мудреца не сохранилось. В эпоху Сун постановили, что каждый соискатель учёной степени и чиновничьей должности обязан совершать жертвоприношения Конфуцию в городском храме в его честь, и с того времени Конфуций сделался официальным покровителем учёности и чиновников. В народе Конфуция почитали как божество, окружили его жизнь множеством легенд. Например, утверждалось, что форма головы новорожденного Конфуция сулила ему великую судьбу – на голове у младенца было несколько бугорков, а посередине вмятина, как у одного из великих предков, Фуси, который создал иероглифы, научил людей писать, читать и считать и готовить пищу на огне.

Ван Чжа (ум. в 390 г.) так писал о рождении Конфуция: «В ночь, когда родился Конфуций, два синих дракона слетели с небес и свернулись кольцом у комнаты Чжэн Цай. Когда она родила Конфуция, как это и предчувствовала, две богини появились в небе, неся прозрачную росу, в которой они искупали его. Император Небес сошёл вниз и исполнил мелодию небесной чистоты, наполнившую все комнаты семьи Янь. Раздался голос, сказавший: «Небеса разверзлись и дали жизнь этому мудрому младенцу. Поэтому я спустился с небес, чтобы отпраздновать это событие своей музыкой». И звук труб и колоколов был таким, какого никогда не слышали в мире. Помимо этого, пять старцев бродили по двору Чжэн Цай, они были духами пяти звёзд. Перед самым рождением Конфуция появился единорог, который выплонул из себя под ноги людям деревни Чжули нефритовый документ, где было написано: «На закате Чжоу наследник духа воды будет некоронованным царём» Гадатель осмотрел Конфуция и сказал: «Этот ребёнок – потомок царя Тан династии Шан. Он станет некоронованным царём, обладая силой, доверенной ему водой, и, как отпрыск царей, достигнет величайшего почитания».

Верно, что текущая оценка человека – это уже не его интеллект или способности (как раньше), не стандарт служения обществу или стране, а его одноразовая собственность и наличные деньги. Возникла и расширяет свое влияние «успешная мораль», что ранее не было характерно для китайцев.

Список литературы

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.
2. Современная китайская драма: сборник / пер. с кит., сост. и послесловие В. С. Аджимамудовой, Н. А. Спешнева. М.: Радуга, 1990. 445 с.
3. 王敏. «面子»现象的跨文化分析[J].文教资料. 2008 (29). @@ (Ван Минь. Кросс-культурный анализ феномена «лица» // Культура и просвещение. 2008. № 29.
4. 陈融.《面子·留面子·丢面子——介绍 Brown 和 Levinson 的礼貌原则》,《外国语(上海外国语学院学报)》第4期,1986 @@ Чэнь Жун. Лицо, сохранять лицо, потерять лицо: Введение в принципы вежливости Брауна и Левинсона // Иностранный язык (Журнал Шанхайского университета международных исследований). 1986. № 4.
5. 马冬.中外文化交流及语用分析[M].北京:北京大学出版社, 2006. @@ Ма Дун. Китайско-иностранный культурный обмен и прагматический анализ. М.; Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006.

ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 378.147.88

ББК 74.40

Научно-исследовательская деятельность студентов как важный элемент профессиональной подготовки (опыт моделирования маршрута НИР)

А. Н. Булдыгерова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье речь идёт о способах формирования и развития навыков научно-исследовательской деятельности и их роли в профессиональной подготовке студентов, изучающих китайский язык. Современные профессиональные стандарты высшего образования включают компетенции, направленные на развитие навыков научно-исследовательской работы, мотивация студентов к деятельности такого рода может стать залогом будущего профессионального роста. Активность и заинтересованность в решении научно-исследовательских задач, участие в научных и научно-практических мероприятиях разного формата, вовлечённость в научные проекты и научные сообщества становятся главными целями при разработке программ учебной и производственной практики, одним из способов демонстрации последовательности проведения которых может стать маршрут научно-исследовательской деятельности студента вуза.

Ключевые слова: компетентностный подход, общекультурные компетенции, универсальные компетенции, профессиональные компетенции, деятельность, научно-исследовательская деятельность, учебная практика, производственная практика

Students Research Activities as an Important Element of Professional Training (Research Route Modeling Experience)

A. N. Buldygerova

Transbaikal State University, Chita, Russia

The paper deals with the research skills formation and development methods and their role in the Chinese language students' professional training. Modern professional standards of higher education include competencies aimed at developing research skills, motivating students to do this kind of activities can also be the key to future professional development. Interest in solving research problems, active participation in different types of scientific events and practical activities, as well as various scientific projects become the main goal of working out syllabus for different kinds of training. The sequence of work and training experiences may be easily seen in students' research activities route.

Keywords: *competence approach, general cultural competence, universal competence, professional competence, activities, research activities, work experience in education, on-the-job training*

На современном этапе развития системы высшего образования прочное место занимает компетентностный подход, позволяющий в должной степени объективировать значимые в профессиональном контексте умения и навыки выпускника вуза. При многообразии предусмотренных стандартами высшего образования универсальных, общекультурных и профессиональных компетенций определенной значимостью обладают умения и навыки, связанные с научной и исследовательской деятельностью обучающихся. Такие универсальные компетенции, как «системное и критическое мышление», «разработка и реализация проектов», «коммуникация» или «самоорганизация и саморазвитие», направленные на развитие навыков работы с информацией, умения выбора оптимальных способов для решения поставленных целей и задач, способностей осуществлять общение в научной сфере (в письменной и устной формах) на государственном языке Российской Федерации и иностранных языках, а также управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов

образования в течение всей жизни⁶, оказываются, так или иначе, связанными с научно-исследовательской деятельностью.

Очевидной представляется связь некоторых задач научно-исследовательского характера в соотношении с содержанием и общекультурных компетенций ФГОС ВО (3++). Так, актуализирующая способность обучающихся применять систему разного рода лингвистических знаний, в том числе и об основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлениях, орфографии и пунктуации, о закономерностях функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностях, ОПК-1, демонстрирует взаимосвязь уровней обучения, содержания осваиваемых дисциплин с целями научно-исследовательской деятельности. ОПК-3, состоящая в способности обучающихся порождать и понимать устные и письменные тексты на изучаемом иностранном языке применительно к основным функциональным стилям в официальной и неофициальной сферах общения, связана с умениями практикантов создавать тексты разных жанров (статья, доклад, обзор и др.) в научном стиле (в том числе и на китайском языке, на продвинутом этапе обучения). На умение использовать компьютер как средство получения, обработки и управления информацией, знание принципов работы современных информационных технологий и умение использовать их для выполнения поставленного исследовательского задания указывают компетенция ОПК-5 и 6 соответственно.

Формируемые на основе профессиональных стандартов профессиональные компетенции также подчеркивают значимость умений научно-исследовательского характера в будущей профессиональной деятельности обучающихся, главным образом на основе получаемых в ходе обучения знаниях общего и специального характера, в том числе сведения философского, историко-культурного, социального, семиотического, лингвострановедческого, психолого-педагогического, методического характера и т. д. Следовательно, можно говорить о том, что процесс формирования, развития и совершенствования навыков и умений научно-исследовательского порядка происходит в течение всего обучения, как в рамках освоения дисциплин учебного плана, так и в ходе прохождения практик, подготовки к Государственной итоговой аттестации, написании курсовых работ и подготовки выпускного квалификационного исследования.

⁶ Здесь приведены формулировки универсальных компетенция ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (утвержден приказом № 969 от 12 августа 2021 года). (URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/95>).

В соответствии с требованиями утвержденного в августе 2020 года приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации ФГОС ВО 3++ для направления подготовки 45.03.02 Лингвистика объем учебных и производственных практик, предусмотренных учебным планом значительно увеличился (стал составлять примерно 1/10 часть от общего объема учебного времени), наряду с учебной практикой, направленной на приобретение первичных профессиональных навыков учебный план включает и учебную практику – научно-исследовательскую работу (получение первичных навыков НИР). Таким образом, для студентов-лингвистов набора текущего года и в дальнейшем две из четырех практик, общим объемом шесть зачетных единиц, будут связаны с развитием навыков проведения научных исследований.

Научно-исследовательская деятельность аккумулирует несколько учебных и производственных практик, предусмотренных учебным планом по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). В соответствии с требованиями, утвержденными для данного направления в феврале 2018 года приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации ФГОС ВО 3++, общий объем практик составляет 1/3 от общего объема программы, то есть двенадцать зачетных единиц приходится на формирование, развитие и совершенствование навыков и умений научно-исследовательской работы.

Логическая и содержательно-методическая взаимосвязь предусмотренных для разных этапов обучения практик, с другими частями образовательных программ обусловлены содержанием научно-исследовательской работы, предлагаемой студентам на конкретном этапе обучения. Приобретение на начальном этапе обучения в вузе первичных умений научно-исследовательского характера и опыта самостоятельной научно-исследовательской деятельности являются необходимым условием для дальнейшего освоения теоретических и практических дисциплин, составляющих основу профессиональной деятельности. В этой связи важным оказывается не только знакомство с видовым разнообразием научной деятельности, дифференциацией отраслей научного знания, методологией проведения научных исследований, но и овладение соответствующим инструментарием, включая знакомство и приобретение опыта при использовании отраслевых библиографических и справочных платформ, баз данных, поисковых систем, овладение современными

информационными технологиями, формирование умения использовать глоссарии, словари и базы данных для решения конкретных задач практического характера.

Предусмотренные рабочими программами стационарные способы не исключают возможностей прохождения данной практики в научно-исследовательских лабораториях, учреждениях, библиотеках, то есть организациях и подразделениях, деятельность которых, так или иначе, связана с научными и исследовательскими задачами. Научно-исследовательские институты при университете и научно-исследовательские лаборатории и научные сообщества студентов при факультетах и кафедрах являются подходящим местом для обучения студентов, которые под руководством специалистов в рамках научных проектов кафедры, участия в вузовских, региональных, всероссийских, международных конкурсах, научно-практических мероприятиях, реализации грантовой деятельности и т. д., могут осуществлять поисково-исследовательскую деятельность, проводить реферирование источников, работать с библиографическими, справочными, эмпирическими данными, в том числе и с материалами на китайском языке.

Взаимосвязь видов практик, форм научно-исследовательской работы, этапов обучения, теоретической и практической основы (освоенных дисциплин и модулей), уровня развития компетенций носит последовательный характер, учитывающий принцип развития навыков от общего к частному (от русского к иностранному) от простого к сложному (от написания конспекта, реферата, до проведения курсового исследования и защиты результатов выпускного квалификационного исследования). Основу проведения научно-исследовательской работы могут составлять навыки научно-исследовательской работы, формируемые в ходе освоения дисциплин учебного плана в рамках выполнения индивидуальных заданий, направленных на поиск и систематизацию информации (подготовка докладов, сообщений), понимание логики научного изложения с одновременным усвоением концептуальных сведений (подготовка конспекта, составление библиографического обзора и т. д.), а также задания более сложного характера, требующие более уверенного владения навыками научно-исследовательского поиска (решение кейсов, проблемных задач и т. д.)

В ходе прохождения первой, направленной на получение первичных навыков научно-исследовательской работы, учебной прак-

тики (для направления 45.03.02 – в конце второго семестра; для направления подготовки 44.03.05 – в пятом семестре) будущим лингвистам/учителям китайского языка предлагается изучение научной литературы (а также видео- или аудиоматериалов) филологической, языковедческой или переводоведческой/методической проблематики (история языкознания, китайское языкознание, филологические основы будущей специальности, история перевода/педагогических технологий и т. д.), с целью составления библиографического обзора, и подготовки реферата на заданную тему, включенных в отчет, оформленный по соответствующим правилам, а также подготовка доклада и презентации результатов самостоятельной научно-исследовательской работы.

При изучении теоретической проблемы, определенной реферативным заданием, практикант может обращаться не только к непосредственным текстовым источникам, но к электронным ресурсам научных библиотек, электронным базам и информационными ресурсами открытого доступа, толковым и академическим словарям, энциклопедиям по языкознанию, филологии или лингвистике, теории перевода, методике преподавания, а также изучить актуальные (в контексте выполнения научно-исследовательского задания) публикации (статьи из научных журналов, сборников материалов научных конференций по лингвистике, переводоведению, методике преподавания иностранных языков и др.). Овладение навыками реферирования научной литературы в том числе подразумевает и формирование навыков корректного цитирования и технического оформления текстовых материалов, выступающие важными компонентами научно-исследовательской деятельности. Руководством к соблюдению технического редактирования текстовых материалов, оформление сносок и Библиографического списка могут служить соответствующие регламенты, например, МИ 01-02-2018 «Общие требования к построению и оформлению учебной текстовой документации», ГОСТ Р 7.0.5-2008, Библиографическая запись. Библиографические требования. Общие требования и правила составления (национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0. 100-2018) и др.

Как было сказано выше, результаты прохождения учебных и производственных практик, направленных на формирование навыков научно-исследовательской работы, представляются практикантами в форме презентации в ходе процедуры защиты отчетов по практике. Критериями оценивания в этом случае могут высту-

пать логичное выделение основных идей презентуемого содержания, аргументация приведенных тезисов (графические иллюстрации, статистические данные, экспертные заключения, диаграммы и графики и др.), логичная последовательность подачи материала (хронологическая, тематическая, приоритетная и др.), логически обусловленные переходы, использование гиперссылок, цитат, обоснованное заключение, а также дизайн презентации и орфографическая грамотность представленного на слайдах текста.

Если говорить о взаимосвязи уровней достижений обучающихся на разных этапах обучения, то для начального этапа формирования навыков научно-исследовательской работы особую значимость имеют оформление отчетной документации, содержательный регламент подготовки реферата и презентации результатов реферирования; корректность в оформлении источников, ссылок, цитат; на среднем и заключительном этапе развития и совершенствование соответствующих умений особую важность могут приобретать такие, более сложные навыки оформления результатов научно-исследовательской работы, как навыки структурирования, анализа и обобщения аргументации и др., основными формами демонстрации которых могут выступать форматы проблемной статьи, тезисов, докладов для участия в конференциях, курсовых работ по предметно-содержательному и профессиональному модулям дисциплин соответствующих учебных планов, а также в рамках подготовки текста выпускной квалификационной работы и презентации, демонстрирующей результаты самостоятельного исследования, выполненного для решения индивидуального задания.

Целью проведения на заключительном этапе (для обучения для направления 45.03.02 – в восьмом семестре; для направления подготовки 44.03.05 – в десятом семестре) производственной практики (научно-исследовательской работы) выступает развитие и закрепление умений и навыков осуществления самостоятельной продуктивной научно-исследовательской деятельности, необходимых для решения профессиональных задач теоретического и прикладного характера. Как правило, данная практика посвящена итоговому освещению теоретических вопросов, относящихся к теме выпускной квалификационной работы и обобщению собственного практического опыта профессиональной деятельности.

В соответствии с направлением подготовки совершенствование навыков самостоятельного научного и прикладного исследова-

ния проводится на основе всестороннего изучения переводческой/методической проблемы посредством систематизации и обобщения теоретических научных изысканий в соответствующей области, использование которых, в той или иной степени, является необходимым в развитии профессионального мастерства, при этом, основными научно-производственными и исследовательскими технологиями, используемыми в ходе проведения научно-исследовательской работы, становятся обобщение и систематизация теоретических сведений заданной проблематики с целью углубленного исследования предметной области, обзор тематических справочных ресурсов, необходимых для полного понимания, систематизация фактического материала по теме исследования, обработка и дифференциация переводческих/методических трудностей, статистическая обработка практических результатов исследования (работа с количественными показателями), анализ и формулировка выводов и т. д.

Навыки научно-исследовательской работы, связанные с непосредственной текстовой деятельностью отражают умения проведения научного исследования и навыки представления теоретической основы изучения практического материала, которые в рамках подготовки выпускного квалификационного исследования соотносимы с написанием теоретического и практического разделов. Так, результаты написания теоретического раздела, как правило, направлены на разъяснение поставленной в работе проблемы, обоснование места заявленной в исследовании проблемы в современной науке и описание ее сущностных свойств, а также обоснованный переход к эмпирической части работы и др. Для лингвистического направления подготовки результаты написания практического раздела могут предусматривать анализ переводческих трудностей или языковых явлений, обоснование использованных методов, обобщение представленных в Приложении эмпирических результатов, презентующих практический материал лингвистического исследования, а также описание процедуры *обработки результатов, включая используемые методы статистической обработки данных и т. д.* Для педагогического направления подготовки практический раздел выступает как основа разработки системы упражнений, учебно-методических материалов, отражающих эффективность описанного в теории инструментария или вида деятельности. Разный характер научно-исследовательской деятельности, который может

быть предусмотрен для выпускников данных направлений, состоит в том, что бакалавры лингвистики могут осуществлять научно-исследовательскую деятельность для поиска переводческих решений, а бакалавры образования не только для повышения уровня педагогического мастерства, но и для вовлечения в данный вид деятельности учеников школ.

Планируемые образовательной организацией результаты освоения программ дисциплин, модулей и практик, позволяют дифференцировать составляющие основу соответствующих компетенций навыки и умения на следующие виды: умения работать с источниками информации, включая поисковую и реферативную работу с общенаучными, специальными источниками на русском и иностранных языках; текстовые умения, включая способности представлять необходимое содержание в соответствии с жанром и стилем, умения структурирования и оформления текста в соответствии с предъявляемыми требованиями; когнитивные умения, включающие умения соотносить идею с проблемной областью, навыки обобщения и систематизации изученного материала и объективации возможных направлений исследований; прикладные навыки, связанные с использованием ресурсов, платформ, баз данных, программного обеспечения и др.; индивидуальные коммуникативные умения, в том числе и ораторские умения, необходимые для представления результатов исследования на семинарах, отчетных заседаниях, конференциях, в ходе прохождения Государственной итоговой аттестации, мягкие навыки, необходимые при выполнении групповой презентации (на материале китайского языка); а также навыки поисково-мотивационной деятельности, включающие понимание сущности научно-исследовательской работы, воспитание готовности к собственному участию и умение вовлечения в научно-исследовательскую деятельность и т. д. (рис. 1).

Дифференционные признаки, формируемых в соответствии с этапами освоения разделов и модулей учебного плана, умений и навыков научно-исследовательской деятельности могут служить основой для разработки маршрута научно-исследовательской работы студента, в совокупности отражающего последовательность формирования, развития и совершенствования навыков с учетом особенностей будущей профессии, с возможностью включения в электронное профессиональное портфолио будущего выпускника, ценность которого не вызывает сомнения, как при устройстве на ра-

боту, так и для участия в разного рода конкурсах, олимпиадах, в том числе и при поступлении в магистратуру (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

В целом, ключевые «станции» такого маршрута могут быть распределены на «пути следования» в соответствии с этапами обучения, при этом основными формами, демонстрирующими индивидуальные достижения студентов в процессе формирования и развития навыков научно-исследовательской работы, могут стать письменные тексты подготовленных в рамках прохождения практики тексты научных работ (реферата, статьи, выпускного исследования).

При этом программы дисциплин и модулей также должны предусматривать развитие навыков научно-исследовательской работы в форме конспектов, докладов, сообщений, выполнения индивидуальных исследовательских работ, подготовки групповых и индивидуальных круговых презентаций, при решении кейсов

и т. д. Выбор формы работы, безусловно, определяется особенностями этапа обучения и спецификой теоретических дисциплин. Так, на начальном этапе обучения, при освоении дисциплин обязательной части (для направления Лингвистика: основы языкознания, история и культура Китая, теория перевода и др.) в качестве оптимальных форм работы с научными сведениями могут выступать конспекты, доклады и сообщения. В ходе освоения модуля «Теоретические аспекты изучения китайского языка», например, при изучении дисциплины «Стилистика», для формирования профессиональных компетенций, связанных с научно-исследовательской деятельностью, по предусмотренным программой темам могут быть предложены различные исследовательские задания, требующие систематизации теоретических сведений на русском языке и практической работы с аутентичными материалами на китайском языке⁷, наиболее результативные работы могут быть рекомендованы для выступлений на конференциях, научных семинарах, заседаниях научных студенческих сообществ, в том числе и с последующей публикацией.

Другой, не менее значимой основой для составления маршрута научно-исследовательской работы может стать тема научного исследования, отражающая личный интерес студента к выбранной проблеме и ее поэтапное и всестороннее исследование: от желания изучить дополнительную литературу по проблеме до поиска самостоятельного решения проблемы. Выбор компетентных источников, актуальных изысканий по теме исследования, сбор собственного материала исследования, опрос информантов или проведение анкетирования, анализ, обобщение, систематизация результатов таких действий являются залогом достижения успешных результатов, как правило, рекомендуемых к оглашению (в формате участия в конкурсе исследовательских проектов или научно-практических конференциях). Так, в Забайкальском государственном университете площадками для приобретения практического опыта участия в научно-практических мероприятиях (с подготовкой доклада и выступления, демонстрирующего результаты собственного исследования под руководством научного руководителя) могут стать мероприятия Всероссийского фестиваля науки, Международной студенческой научной весны, мероприятиях, посвященных Дню науки, ежегодные

⁷ Различные виды заданий представлены в учебном пособии автора «Практикум по стилистике китайского языка» (2015).

научно-практические конференции «Филологическое образование и современный мир», «Социологические чтения» и др.

Возможности комплексного и непрерывного развития компетенций, направленных на активизацию научно-исследовательской деятельности, повышение мотивации к проведению исследований, находят отражение не только в существующей между дисциплинами и практиками взаимосвязи, но и в предоставляемых современным студентам широких возможностях участия (в том числе и в дистанционном формате) в научных мероприятиях всероссийского масштаба, тематика которых отвечает основным направлениям научно-исследовательской деятельности бакалавров лингвистики и образования.

УДК 811.581

ББК 81.2

Как оптимизировать заучивание китайских иероглифов и слов российскими школьниками и студентами

Н. Н. Воронаев

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Автор размышляет о том, как в условиях активного использования гаджетов и отсутствия жизненной необходимости писать иероглифы от руки обеспечить эту важную компетенцию изучающих китайский язык школьников и студентов хотя бы по самым употребительным знакам китайской письменности. Автор полагает, что многократное прописывание и механическая память руки позволит выработать этот необходимый навык. Также для решения этой проблемы автор разработал специальное пособие, в котором по каждому самому употребительному китайскому иероглифу в количестве 2242 реализуется метод индивидуальной презентации, которая включает в себя все возможные формы записи иероглифа, его чтение, основные значения, самые употребительные и полезные слова и словосочетания с его участием, имена и лексемы, которые знакомят с важными элементами китайской культуры. Книга даёт воз-

возможность развернуть активную деятельность по эффективному запоминанию слов и иероглифов.

Ключевые слова: *китайский язык, китайская письменность, китайские иероглифы, олимпиады по китайскому языку, сочинение на китайском языке, написание китайских иероглифов от руки*

How to Optimize the Memorization of Chinese Characters and Words by Russian Schoolchildren and Students

N. N. Voropaev

Institute of Linguistics RAS, Moskva, Russia

The author reflects on how in the conditions of active use of gadgets and the absence of the vital need to write characters by hand, to ensure this important competence of schoolchildren and students studying Chinese, at least in the most common signs of Chinese writing. The author believes that repeated prescribing and mechanical memory of the hand will help develop this necessary skill. Also, to solve this problem, the author developed a special manual, in which, for each of the most common Chinese characters in the amount of 2242, the method of individual presentation is implemented, which includes all possible forms of writing a character, its reading, basic meanings, the most common and useful words and phrases with his participation, names and lexemes that introduce important elements of Chinese culture. The book makes it possible to deploy an active activity on the effective memorization of words and characters.

Keywords: *Chinese, Chinese writing, Chinese characters, Chinese Olympiads, essay in Chinese, handwriting Chinese characters*

В настоящее время важным элементом разного рода олимпиад и экзаменов по китайскому языку является написание сочинения. И главное здесь – это количество разнообразных слов и соответствующих иероглифов, которые учащиеся способны написать от руки по памяти.

Сейчас при наличии разного рода гаджетов и компьютеров многие изучающие китайский язык пишут иероглифы от руки все меньше и меньше, поэтому навык написания по первому требова-

нию многих и особенно сложных по структуре иероглифов у них не вырабатывается.

В Китае всегда было принято отрабатывать написание иероглифов количественно, то есть путём механического многократного прописывания, более 20 строк на один иероглиф при первом знакомстве с ним. До появления шариковых ручек прописывали иероглифы традиционными кисточками. Да и сейчас многие китайские школьники отрабатывают написание иероглифов кисточками. Таким образом, у китайцев при многократном прописывании определённого иероглифа вырабатывается долгосрочная и прочная механическая память на движения руки. Уроки каллиграфии в школах являются обязательными. Многие родители ещё записывают своих детей и на дополнительные каллиграфические курсы.

Как показывает практика прошедшие такую школу китайцы способны написать большое количество иероглифов даже через десятки лет, в течение которых они активно иероглифы от руки не писали. Видимо это была и есть традиционная методика сходная с заучиванием канонических текстов наизусть. Нам удалось выяснить, что китайские школьники на начальном этапе учёбы в школе не всегда опираются или совсем не опираются в запоминании многих иероглифов на какие-то логические их элементы (например, ключи/графемы), как это делают часто иностранцы. Китайские дети воспринимают и пишут иероглиф как единый знак. И только в старших классах они более глубоко изучают этимологию знаков, их компоненты.

Мы же, иностранцы, получается, бьём в две цели: и хотим запомнить, как писать весь иероглиф, и хотим запомнить составляющие его компоненты, а при необходимости написать иероглиф начинаем вспоминать какие ключи в нём есть. И часто не попадаем по некоторым иероглифам ни в одну из этих целей, всё получается слабо и зачастую впустую, не запоминая ни то ни другое, в результате плохо пишем по памяти некоторые иероглифы. Мы слишком заикливаемся на логических компонентах иероглифов (ключях), но логика сочетания элементов там часто отсутствует, так как известно, что в большинстве китайских иероглифов между компонентами смысловой связи нет, и большинство иероглифов к тому же (около 90 %) – это фоноидеограммы, то есть иероглифы, в которых один компонент указывает на семантику, а второй даёт намёк на чтение. И в таких иероглифах тем более нет никакой логики сочетания компонентов по смыслам.

Полагаем, что нам не хватает индивидуализации каждого иероглифа из числа часто употребительных как единого уникального знака.

Также нам не хватает многократного прописывания иероглифов как цельных знаков для овладения письменным китайским языком. Приходится констатировать, что без необходимого многократного прописывания иероглифа его не удаётся написать быстро по памяти, опираясь только на вспоминание составляющих его компонентов.

Часто ситуация при обучении китайской письменности у нас такова:

- много внимания уделяется изучению ключей/графем;
- мало индивидуального подхода к лексеме/морфеме;
- мало прописывания иероглифов, доведенного до автоматизма, рука не запоминает.

Эту сферу необходимо оптимизировать и:

- сократить время на изучение ключей/графем;
- сделать главным индивидуальный подход к лексеме/морфеме;
- обеспечить многократное прописывание иероглифов, довести их написание до автоматизации, чтобы рука запомнила, как написать иероглиф как единый знак (не дробить в сознании иероглиф на составляющие его части).

На выходе необходимо обеспечить способность школьника написать сочинение на китайском языке с использованием всех слов, которые он хотел бы применить для передачи всех своих креативных идей.

Если не предпринимать специальные меры по заучиванию иероглифов и состоящих из них слов для написания от руки, то с китайским языком и иероглифами написать качественное сочинение весьма проблематично. Ведь даже самые простые слова в китайском языке записываются достаточно сложными иероглифами, например, рассмотрим такие слова: завидовать по-хорошему – 羡慕, завидовать по-плохому – 妒忌, ценить, дорожить; беречь (напр., время) – 珍惜, носить; надевать (головной убор, перчатки, украшения и т. п.) – 戴, танцевать – 跳舞, любить, нравиться – 喜欢, плавать; плавание – 游泳, ключ (от замка) – 钥匙, эвакуация; эвакуировать – 疏散 и т. п. Да и просто сам факт того, что более 80% слов современного китайского языка состоят из двух морфем/иероглифов, то количество иеро-

глифов (даже таких простых по структуре, как, например, 今, 天, 去, 看, 不, 他, 我), которые надо уметь красиво написать для хорошего интересного сочинения получается достаточно большое.

Поэтому часто учащиеся в сочинениях стараются избегать слов, которые они не могут написать из-за того, что не могут вспомнить написание соответствующих иероглифов, и это ограничивает и тормозит креативность школьников и студентов в письменных работах на китайском языке. В результате потеря баллов и неудовлетворённость собой.

Разумеется, что по многим иероглифам наряду с многократным прописыванием будет полезен и анализ логики присутствия определённых элементов для запоминания фоноидеограмм, например, очень хорошо по компонентам запоминаются следующие слова и подобные им, а таких иероглифов, как мы сказали выше, около 90%:

脂肪 zhīfáng

1. сало, жир (животный); жировой, жирный. 2. жиры

В этом слове первый иероглиф 脂 zhī ‘сало; жир’ состоит из ключа 肉 ròu ‘мясо’ (в варианте 月), который слева и который даёт намёк на значение (жир ведь тоже мясо), и из компонента 旨 zhǐ ‘намерение; стремление; цель; смысл’, который даёт намёк на чтение всего иероглифа 脂 zhī (только тон другой). Так же дело обстоит и с иероглифом 肪 fáng ‘1. толстый слой сала 2. жир в области талии’, который, кстати, употребляется только в этом слове 脂肪 zhīfáng. С первым семантическим компонентом-детерминативом здесь то же самое (мясо). Второй компонент в нём 方 fāng ‘квадрат; квадратный’ даёт намёк на чтение (только тон другой).

Ещё рассмотрим для примера слово 恐怖 kǒngbù ‘террор; террористический’. Здесь в первом иероглифе 恐 kǒng ‘бояться, опасаться, страшиться; пугать, терроризировать’ компонент 巩 gǒng ‘крепкий; прочный’ даёт намёк на чтение (только в части финали -ǒng), а компонент 心 xīn ‘1. прям., перен. сердце 2. душа 3. думы; чувства; желания’ намекает на семантику (бояться – это переживать, чувствовать страх). В иероглифе 怖 bù ‘бояться; испугаться; страх’ слева также присутствует ключ 心 xīn ‘сердце’ в варианте 忄, и также даёт намёк на значение. Компонент 布 bù ‘1. (хлопчатобумажная) ткань; хлопчатобумажный; матерчатый 2. расставлять; располагать(ся) 3. только в сочетаниях: опубликовывать; объявлять’ в этом иероглифе даёт намёк на чтение (полное совпадение).

Слово 谢谢 xièxiè ‘спасибо, благодарю; благодарить’ тоже можно запомнить подобным образом: иероглиф 谢 с этой точки зрения состоит из иероглифа 射 shè ‘стрелять’, который выступает в роли фонетика и даёт приблизительный намёк на чтение в части финали (shè – xiè), и ключа 讠 ‘речь’, который здесь работает как детерминатив, то есть намекает на значение иероглифа (благодарят обычно словами). Поэтому к каждому иероглифу должен быть индивидуальный подход: один иероглиф можно прочно запомнить по разного рода компонентам, другой же иероглиф лучше прописать множество раз, чтобы добиться автоматического воспроизведения его как единого целого по первому требованию.

Индивидуальный подход к морфеме/иероглифу в нашем понимании также подразумевает такой подход, при котором иероглиф исследуется как нечто уникальное, единственное в своём роде для передачи определённых значений.

Как известно для того, чтобы читать на китайском языке любую литературу, кроме узкоспециальной, оптимальным количеством иероглифов, которые надо уметь узнавать в тексте в составе разных слов, можно считать количество в примерно 3000–4000 иероглифов.

Мы составили словарь/учебное пособие нового типа, в котором как раз представлены 2242 иероглифа, к которым применён индивидуальный подход и даны все самые употребительные слова с участием данных иероглифов, а также лексемы, имена, которые связаны с культурой и историческими событиями Китая. 1781 иероглиф представлен рекомендательно как минимальный потенциал для самостоятельного изучения. Общее количество представленных в данной книге иероглифов составляет 4023 иероглифа. Сейчас данное пособие под рабочим названием «Учебный словарь-справочник для изучающих и знающих китайский язык. Избранная лексика. Лингвокультурологический компонент» (для быстрого выучивания, повторения и верификации знаний по всем употребительным иероглифам) готовится к печати. Впервые в России в одном учебном пособии так подробно представлено такое большое количество иероглифов.

В книге в разделе «Минимальный потенциал» иероглифы даются с чтением, и это поможет быстро найти их в других источниках. Также этот 1781 иероглиф мы вынесли в раздел «Минимальный потенциал» не просто так, а на основе богатого опыта работы переводчиком (на основе реального опыта пользования языком) как

менее употребительные, и тем самым предоставляем пользователям готовый продукт для того, чтобы избежать лишних затрат времени на не очень нужные иероглифы. Но при необходимости пользователь может быстро эти иероглифы найти по данному чтению в других словарях.

В данном учебном пособии статья или презентация иероглифа включает в себя следующие элементы: слева даётся иероглиф в упрощённой форме (简体字 jiǎntǐzì), справа от него даётся его чтение китайским алфавитом на латинской основе ханьюй пиньинь, то есть блок-слог с указанием этимологического тона. Далее справа от чтения даётся иероглиф (или иероглифы, если было несколько вариантов традиционного написания) в сложном традиционном написании (繁体字 fántǐzì ‘иероглифы в полном [неупрощённом] начертании’) (если иероглиф был упрощён) и/или его разнопись (бытовавший вариант написания) 异体字 yìtǐzì ‘разнопись’), если таковая или таковые имелись. Иногда мы все эти варианты иероглифов даём через запятую, иногда через слово «или». Например:

杂 zá 雜, 褫

Здесь 杂 – упрощённый иероглиф от 雜, zá – чтение этого иероглифа алфавитом ханьюй пиньинь, 雜 – традиционный иероглиф, 褫 – разнопись иероглифа 雜. По некоторым иероглифам (их не так много) даны только разнописи. Разнопись – это неофициальная форма записи иероглифа, бытовавшая по причинам разных взглядов разных людей на то, как должен выглядеть тот или иной иероглиф, из каких компонентов должен состоять. Например, по иероглифу 法 fǎ даны два варианта разнописей, которые применялись в старину, но могут встретиться и сейчас, например, в художественных надписях, на вывесках храмов и т. п.

法 fǎ 法, 灋

Полагаем, что, увидев традиционное написание и сравнив его с упрощённым, учащийся будет иметь более сильную мотивацию хорошо выучить упрощённый иероглиф, радуясь тому, что в, например, сочинении не надо писать традиционные варианты.

У некоторых иероглифов есть несколько вариантов традиционного написания или разнописей. Некоторым значениям соответствуют разные иероглифы в традиционном написании, и в таких случаях перед иероглифом в традиционном сложном написании да-

ются цифры, под которыми ниже идут соответствующие значения, например:

志 zhì 2, 3. 誌

1. устремления; цели; воля 2. запечатлеть; записать; записи;
описание

3. помета; знак

回 huí 同, 回 4. 迴, 廻

1. возвращаться; обратный (путь). 2. повернуться; обернуться.
3. отвечать; ответный. 4. извиваться; петлять; переносно:
влиять; увливать; уклоняться. 5. раз. 6. мусульманство, ислам;
мусульманин; мусульманский. 7. глагольный суффикс; обычно ука-
зывает на обратное направление действия. 8. хуэй (народность
в Китае). 9. Хуэй (фамилия).

Далее по каждому иероглифу (слогоморфеме) непосредствен-
но под иероглифом даются его основные значения, затем даются
самые употребительные или полезные, интересные слова и сло-
восочетания, в которых используется данная морфема (иероглиф),
по некоторым иероглифам мы даём фразы или предложения.

Проиллюстрируем вышеописанную структуру учебной статьи
по самым употребительным иероглифам китайского языка на при-
мере китайского звукового блока (слога) Xiang и двух первых иеро-
глифов (слогоморфем) на этот звуковой блок-слог.

乡 xiāng 鄉

1. деревня; село. 2. родные места, родина. 3. волость

故乡 gùxiāng родные места, родина

同乡 tóngxiāng земляк

家乡 jiāxiāng родные края, родина

香 xiāng

1. ароматный; душистый. 2. вкусный; аппетитный. 3. кури-
тельные свечи, курения.

4. цениться; пользоваться спросом (о товарах). 5. крепко;
сладко (спать).

这个菜很香。 zhège cài hěn xiāng Это блюдо очень вкусное.

香港 xiānggǎng Гонконг, Сянган (город в КНР)

香水 xiāngshuǐ духи

香烟 xiāngyān сигареты

香菜 xiāngcài кинза

香肠 xiāngcháng колбаса

香槟酒 xiāngbīnjiǔ шампанское

香蕉 xiāngjiāo банан

香皂 xiāngzào туалетное мыло

他睡得很香。 tā shuì de hěn xiāng Он спит очень крепко.

烧香 shāoxiāng возжигать свечи перед статуей Будды

Также статьи по многим иероглифам в данном пособии включают в себя лингвокультурологический компонент. Полагаем, что этот компонент также способен содействовать индивидуализации иероглифа и, следовательно, лучшему его запоминанию. Например, по иероглифу 屠 мы даём в числе самых употребительных слов также наименование прецедентной ситуации китайскоязычного культурного пространства *Нанкинская резня и прецедентное имя Ту Юю*, представим эту статью на иероглиф 屠:

屠 tú

1. забивать скот. 2. убивать; истреблять. 3. Ту (фамилия)

屠杀 túshā истреблять; устроить массовую резню

南京大屠杀 nánjīng dàtúshā Нанкинская резня (1937–1938 гг.)

大屠杀 dàtúshā массовое убийство, бойня, погром

屠宰 túzǎi забивать, резать (скот)

屠宰场 túzǎichǎng скотобойня, бойня

屠夫 túfū 1. скотобоец 2. палач

屠呦呦 tú yōuyōu Ту Юю (род. 1930 г.) – китайский фармаколог, первая китайка, удостоенная Нобелевской премии по физиологии и медицине в 2015 г.

Руководимая ею группа из традиционного лекарственного средства китайской медицины выделила артемизинин и применила его для лечения малярии. Терапия оказалась не только быстрой и высокоактивной, но и невосприимчивость к лекарству была небольшой.

Они изучили огромное количество древних книг и литературных памятников по медицине, тщательно исследовали народные рецепты, посетили многих пожилых врачей китайской медицины во всех регионах страны, и выбрали около 2000 рецептов, связанных с лечением малярии. После тщательного отбора исследователи сконцентрировались на 200 целебных травах китайской медицины и на 380 возможных рецептах. В конце концов всё замкнулось на полыни сельдереиной (*Artemisia apiacea* Hance) и из неё экстрагировали противомаларийное лекарство.

В самом начале экстрагировать активный ингредиент не удалось. Дело в том, что в те времена рецепты китайской медицины

требовали вываривания. Поэтому высокая температура разрушала артемизинин. Группа Ту Юю в «Рецептурном справочнике для скорой помощи» Гэ Хуна, жившего в эпоху Цзинь (265–419 гг.), обнаружила другой способ приёма лекарства, отличный от вываривания: «взять пригоршню полыни сельдереиной, замочить её в двух шэнах воды, отжать, выдавливая сок, и всё выпить». Так учёные получили вдохновение, и, действуя уже по наитию, применили серный эфир и экстрагировали полынь однолетнюю, затем в результате серии очисток был получен артемизинин.

葛洪 gě hóng Гэ Хун (283–343 гг.) – китайский даосский учёный и алхимик, один из святых бессмертных в даосской традиции.

屠格涅夫 túgénìèfū Тургенев (фамилия)

伊万·谢尔盖耶维奇·屠格涅夫 yīwàn xièěrgàiyēwéiqí túgénìèfū Иван Сергеевич Тургенев

Как видно, мы также дали и имя известного русского писателя И. С. Тургенева, так как его фамилия на китайском языке начинается с иероглифа 屠.

Мы уверены, что, освоив этот блок информации и слов с использованием иероглифа 屠 наряду с многократным его прописыванием, учащиеся смогут его лучше запомнить.

Лингвокультурологическую информацию мы старались давать разнообразную, например, на иероглифы 耍, 决, 宝 мы представили китайские кинофильмы, актёров, рассмотрим статьи на данные иероглифы:

耍 shuǎ

1. *играть; забавляться.* 2. *размахивать; играть чем-либо; жонглировать.* 3. *разыгрывать; дразнить*

耍赖 shuǎlài вести себя нахально; нахальничать

耍弄 shuǎnòng 1. *прибегать (напр. к уловкам); пускать в ход (напр. махинации)* 2. *разыгрывать кого-либо*

耍猴儿 shuǎhóur показывать фокусы с участием дрессированной обезьяны

В китайском фильме 2019 года «Безумный пришелец» (《疯狂的外星人》 fēngkuángde wàixīngrén, по-английски «Crazy Alien») главный герой как раз занимается этим мелким бизнесом. Краткое содержание фильма:

После того как западный космонавт срывает передачу представителю инопланетной расы образцов ДНК землян, звездолёт падает на нашу планету, прямо в китайский парк аттракционов.

Инопланетянина находит местный дрессировщик Гэн Хао (актёр Хуан Бо), принимающий гостя из космоса за необычную обезьяну. Так как вся сила пришельца кроется в обруче, который Гэн Хао с него снимает, инопланетянин вынужден изображать из себя послушную мартышку, но при первой же оплошности он вернёт свой источник могущества, и тогда Гэн Хао и его лучшему другу (Шэнь Тэн) не поздоровится. Найти и посмотреть фильм на русском языке можно в Интернете, введя в поисковик название «Безумный пришелец».

决 jué 決

1. *решать; решительный; решающий*. 2. *перед отрицанием: вовсе, отнюдь*. 3. *прорваться; брешь (напр. в плотине)*. 4. *привести в исполнение смертный приговор; казнить*

决定 juéding 1. решить; определить; установить; решающий 2. решение, постановление

决议 juéyì постановление; резолюция; решение

通过决议 tōngguò juéyì принять резолюцию

决心 juéxīn 1. решимость 2. решиться; решить

下决心 xià juéxīn прийти к решению, принять решение; решиться

《秋决》 qiū jué «Осенняя казнь» – тайваньский фильм режиссёра Ли Сина, вышедший в 1972 году. Лента входит в список 100 лучших китайских фильмов по версии Hong Kong Film Award и занимает в нём 85 место.

宝 bǎo 寶 или 寶

1. *драгоценность; сокровище*. 2. *драгоценный; ценный*

宝贵 bǎoguì прямо и переносно: драгоценный; ценный

宝宝 bǎobǎo 1. маленький ребёнок, младенец 2. малыш (ласково)

宋小宝 sòng xiǎobǎo Сун Сяобао, настоящее имя 宋宝利 sòng bǎolì, родился 05.01.1981 г., известный актёр, комик, 32-й ученик корифея комедийного жанра 赵本山 zhào běnshān Чжао Бэньшаня (китайский актер, комик, родился в 1958 г.).

Найти видео выступлений Сун Сяобао можно путём ввода его имени на китайском языке 宋小宝 в поисковых системах яндекса, ютуб и т. п.

Также для того, чтобы учащиеся осознали, что китайскими иероглифами можно записывать не только китайские слова и реалии и что изучение этого широко распространённого и интересного язы-

ка позволит также читать и знакомиться с общемировыми знаниями и ценностями, мы даём подробно и информацию по, казалось бы, не очень употребительным, но тоже очень важным иероглифам с соответствующими примерами, например:

玛 mǎ 瑪

Этот иероглиф (элемент слов) используется только в сочетаниях, и морфемой, то есть значимой единицей языка сам по себе не является.

玛祖卡舞 mǎzǔkǎwǔ мазурка

玛摩拉海 mǎmólahǎi Мраморное море (от турецкого Marmara Denizi, от названия острова Мармара, где осуществлялись крупные разработки белого мрамора)

玛瑙 mǎnǎo агат

玛门 mǎmén мамона, маммона (семитское божество богатства; олицетворение богатства); золотой телец, корыстолюбие, алчность

抹大拉的玛利亚 mǒdàlā de mǎliya Мария Магдалина (последовательница Иисуса, родом из Магдалы). Инвариант восприятия данного прецедентного имени в китайскоязычном культурном пространстве – 1. 虔诚女信徒 qiánchéng nǚxìntú «почтительная и искренняя, набожная последовательница (религии)»; 2. 奇迹的见证人 qíjì de jiànzhèngrén «очевидец, свидетель чуда, дива»

《布宜诺斯艾利斯的玛丽亚》bùyīnuòsī àilīsī de mǎliya (Maria de Buenos Aires) оперита Астора Пьяцоллы (1921–1992) «Мария де Буэнос-Айрес» – «Мария из Буэнос-Айреса», была написана в 1968 году. Хороша в исполнении португальской певицы Дулсе Понтеш (Dulce Pontes).

玛利亚·若奥 mǎliya ruòào Мария Жоао (Maria João) – уникальная португальская певица, известная своими вокальным и импровизационным талантами. Она считается джазовой певицей, однако в своем творчестве она свободно совмещает фолк, этнику, современный джаз, электронику, авангард, симфоническую музыку и другие стили и жанры. Ее главный музыкальный партнер – португальский пианист и композитор Мариу Лажинья (Mário Laginha). Самая известная их композиция – Preto e Branco.

Другим способом индивидуализации иероглифа в этой книге можно считать акцентирование внимания на способности иероглифа/морфемы употребляться самостоятельно или в составе многосложных слов. Таким образом, в пособии более чётко виден функционал каждой употребительной китайской морфемы, чем

в обычном словаре или учебнике. Например, рассмотрим статью на иероглиф 藕:

藕 ǒu 藕

1. клубень лотоса (водяной лилии), корневище лотоса. 2. лотос

莲藕 lián'ǒu корень лотоса (съедобен)

买一支藕 mǎi yī zhī ǒu купить [один] клубень лотоса.

Здесь мы видим, какой вариант этого понятия возможен в китайском языке в двуслоге (莲藕 lián'ǒu). Это важно знать, чтобы при необходимости донести до китайца этот смысл, так как в однослоге морфему 藕 ǒu на слух могут не понять, особенно из уст иностранца. Далее мы даём пример предложения (словосочетания, фразы), где показано как эта морфема (слово) работает в однослоге. Как видим для создания ритмической группы использовано счётное слово 支 zhī (买一支藕 mǎi yī zhī ǒu 'купить [один] клубень лотоса'.

Это очень важные знания – знать, как работает морфема в языке, в какие многослоги она может вступать с какими иероглифами и как способна работать в однослоге, то есть сама по себе. Ну, а само это слово и, соответственно, иероглиф достаточно употребителен, так как в Китае из корня лотоса делают множество блюд и там это распространённый пищевой продукт. Ещё один пример, на иероглиф 岛:

岛 dǎo 岛

остров; островной

岛屿 dǎoyǔ острова; группа островов

岛国 dǎoguó островное государство

无人岛 wúréndǎo необитаемый остров

他很有钱, 最近给自己买了一座岛。 tā hěn yǒuqián, zuìjìn gěi zìjǐ mǎi le yī zuò dǎo Он очень богатый, недавно купил себе остров.

那里有一个岛。 他就住在那个岛上。 nàlǐ yǒu yíge dǎo. tā jiù zhù zài nèige dǎo shang Там есть один остров. Вот он на этом острове и живёт.

В данном учебном пособии применены ещё некоторые игровые инновационные подходы, которые также смогут оптимизировать выучивание и прочное запоминание иероглифов.

И хотелось бы сказать об ещё одном направлении возможной работы по оптимизации выучивания китайских иероглифов школьниками и студентами.

Как известно, китайские иероглифы являются пиктограммами, рисунками с разной степенью условности. Их изучение сопряжено

с некоторым психологическим дискомфортом, который могут испытывать учащиеся, в силу большого количества и сложной графической структуры.

В связи с этим, замечательным, полагаем, является тот факт, что в последнее десятилетие в Китае благодаря новым изысканиям китайских учёных издаётся множество сборников, в которых этимология иероглифов объясняется с помощью полноценных рисунков или даже рисованных историй. Причём даётся объяснение и достаточно сложных по структуре иероглифов, что раньше было недоступно широкой публике. Раньше этими знаниями в основном владели только учёные и каллиграфы-профессионалы. Рисованные истории могут играть позитивную роль в популяризации китайского языка и оптимизировать изучение иероглифической письменности.

Поэтому также продуктивным методом оптимизации изучения и заучивания китайских иероглифов российскими студентами и школьниками могут стать презентации им рисованных историй, которые сейчас представлены в большом количестве сборников, издающихся в Китае, например: [5–7]. Мы тоже в своё время составили аналогичный сборник с иллюстрациями [1].

Методология работы учащихся с рисованными историями китайских иероглифов и поясняющими текстами к ним может заключаться в выявлении исходных значений иероглифов на основе их древних начертаний и современных рисованных историй с целью верификации и более чёткого осознания основных значений данного иероглифа в современном китайском языке, в изучении эволюции формы знаков и их значений.

Рисованные истории иероглифов хорошо объясняют этимологию знаков и пробуждают большой интерес не только у начинающих изучать китайский язык, но и у уже знающих его иностранцев. Полагаем, что рисованные истории способны смягчать некоторый психологический дискомфорт, который могут испытывать учащиеся при изучении китайских иероглифов и запоминании их значений, так как очень ясно показывают историю возникновения того или иного иероглифа. Такие жизненные рисованные истории делают столь необычную письменность близкой и понятной любому человеку.

Также продуктивным для изучения иероглифов может быть знакомство учащихся с новыми достижениями российских учёных в сфере грамматики китайской письменности [2–4].

Грамматология – наука, изучающая письменные знаки, её объектом являются письменность, письменные знаки, их характер, закономерности их изменения и развития [3, с. 6]. Сложность и многообразие структур иероглифов, изменений, произошедших в написании знаков, предопределили важное место грамматологии в системе наук о китайском языке.

Итак, в данной статье мы предложили несколько возможных мер и направлений деятельности российских учителей, преподавателей и учащихся в процессе овладения письменным китайским языком, которые, полагаем, могут оптимизировать заучивание китайских иероглифов и состоящих из них слов и обеспечить более прочные навыки написания китайских иероглифов от руки по памяти.

Список литературы

1. Воропаев Н. Н. Учим китайский язык: от иероглифа к слову = 学习汉语: 从字到词 / Н. Н. Воропаев; под ред. Ма Тяньюй; ил. Э. Н. Воропаевой. М.: АСТ, 2017. 224 с. (Школа китайского языка).
2. Готлиб О. М. Основы грамматологии китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 288 с.
3. Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарёва Т. Е. Отечественные труды в области грамматологии китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
4. Жукова Е. Е. Грамматология китайской письменности. М.: Восточная книга, 2014. 144 с.
5. 中国字 / 刘民钢著. – 上海: 上海书画出版社. 2015 @@ Иероглифы Китая / Лю Минган. Шанхай: Шанхайское издательство каллиграфии и живописи, 2015. 249 с.
6. 汉字史画 / 谢思全编著. – 南京: 江苏人民出版社, 2014 @@ История китайских иероглифов в картинках / Се Сыцюань. Нанкин: Народное издательство провинции Цзянсу, 2014. 81 с.
7. 汉字图解字典 / 说词解字辞书研究中心编著, 许慎原著. 北京: 汉语教学出版社, 2014 @@ Сборник объяснений значений китайских иероглифов с помощью рисунков / Составлен лексикографическим исследовательским центром по анализу китайских иероглифов на основе оригинального сочинения Сюй Шэня. Пекин: Языковое и учебное издательство, 2014. 518 с.

Особенности обучения тональной системе китайского языка

В. А. Певнева

Забайкальский краевой лицей-интернат, г. Чита, Россия

Статья посвящена особенностям формирования навыков корректного произношения и различения на слух тонов китайского языка. Исходя из условий освоения тональной системы, в обучении тонам выделяется пять основных этапов: произнесение и различение на слух однослогов, отработка правил изменения тонов, отработка комбинаций сочетания тонов, произнесение слов с учетом ударения и произнесение тонов в потоке речи

Ключевые слова: *китайский язык, тоны, подходы к обучению тонам, изменение тонов, комбинации сочетания тонов, ударение*

The Peculiarities of Teaching the Chinese Language Tone System

V. A. Pevneva

Trans-Baikal Regional Lyceum-boarding school, Chita, Russia

The article touches upon the peculiarities of the correct pronunciation skills formation and differentiation of Chinese language tones by ear. On the basis of tone system development criteria, there are five key stages: pronunciation and differentiation of single-syllable by ear; tones changing rules practicing; tones combination practicing; pronunciation of words with consideration to the stress and tones pronunciation in speech.

Keywords: *the Chinese language, tones, approaches to learning, tone changing, tone combination, stress*

Различие в звуковых системах китайского и русского языков, особенно отсутствие в русском языке тонов, звуковой акустической характеристики китайского слога, несущей смысловоразличительную функцию, определяет наиболее актуальную проблему в обучении китайскому языку – формирование навыков корректного произно-

шения и различения на слух тонов китайского языка. На начальном этапе обучения тональной системе китайского языка важную роль играет вводно-фонетический курс, который составляет базис формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

В самом общем виде можно выделить пять основных этапов в обучении тонам: произнесение и различение на слух однословов, отработка правил изменения тонов, отработка комбинаций сочетания тонов, произнесение слов с учетом ударения и произнесение тонов в потоке речи. Следует отметить, что тоны не изучаются обособленно, на каждом из данных этапов учащийся должен овладеть определенным набором правил. Овладение всеми правилами на всех этапах может означать сформированность у учащихся навыков адекватного произношения и различения на слух тонов китайского языка.

Рациональный вопрос, возникающий на начальном этапе в обучении тонам – в какой последовательности их вводить. Анализ учебников китайского языка показывает, что тоны следует вводить все сразу. По мнению авторов данных учебников, сравнение мелодических характеристик тонов китайского языка приведёт к их прочному освоению. Однако существует несколько возможных вариантов введения тонов, которые можно объединить в три подхода, условно названные так по месту происхождения ученых, обосновавших их – русский, китайский и американский.

Русский подход к объяснению тонов представлен мнением только одного лингвиста – Н. А. Спешнева. Он отмечает, что «обучение тонам начинается с первого тона, на материале которого осваиваются все начальные согласные в сочетании с гласными монофтонгами, далее можно приступить к обучению третьему тону, поскольку он является контрастным первому по высоте и хорошо воспринимается обучающимися. На материале третьего тона осваиваются дифтонги и трифтонги, включая и сочетания с конечными сонантами. После третьего тона стоит приступить к обучению четвёртому тону, который по направлению движения тона является контрастным третьему как нисходящий восходящему. В самую последнюю очередь объясняется второй тон, когда уже рассмотрены все типы звукосочетаний китайского языка» [1, с. 24].

Китайский подход к объяснению тонов представлен исследованиями Хань Даньсин, Цао Вэня и Чэнь Цинхая. Аналогичную последовательность изучения тонов, представленную Н. А. Спешневым,

предлагает методист китайского языка Хань Даньсин в [2]. Автор придерживается особой последовательности введения тонов: после освоения первого, третьего и четвёртого тонов вводится второй тон. Такая последовательность, по мнению автора, облегчает усвоение материала. Хань Даньсин отмечает, что «самым сложным для русских учащихся при изучении тонов является различение второго и четвёртого тонов» [2, с. 12].

Профессор Пекинского университета иностранных языков Цао Вэнь в [5, с. 43] отталкиваясь от принципа контрастности, предлагает изучение тонов в парах: первый тон – третий тон, четвёртый тон – второй тон, то есть от высокого к низкому, от нисходящего к восходящему. Если рассматривать данные пары как определённую последовательность, то она полностью совпадает с последовательностями изучения тонов китайского языка, предложенными Н. А. Спешневым и Хань Даньсин.

Чэнь Цинхай проанализировал произношение восьми американских студентов колледжа, владеющих китайским на начальном и среднем уровнях. Анализ показал, что ровный тон (первый тон) произносится ими лучше, чем контурные тона (второй, третий и четвёртый); нисходящий тон (четвёртый) произносится лучше, чем восходящие тона (второй, третий). Данные студенты часто путали второй и третий тоны между собой, тоже самое происходило и с первым и четвёртым. Проведя анализ ошибок, Чэнь пришел к выводу, что наилучшим образом обучение тонам китайского языка проводить в следующем порядке – первый, четвёртый, второй, третий [3].

Американские учёные Чарльз Ли и Сандра Томпсон в [4], установили естественный порядок усвоения тонов китайского языка на основе произношения двух китайских детей: первый тон – четвёртый тон – второй тон – третий тон. Результат показал, что детям труднее всего произносить второй и третий тоны. Сложность тональной системы китайского языка не вызывает сомнения у исследователей, поэтому русские, китайские и американские синологи и методисты демонстрируют разные подходы к описанию этой системы и освоению этой системы иностранцами, изучающими китайский язык. Среди подходов в преподавании тонов, помимо классического последовательного введения тонов (1–2–3–4), можно отметить существование двух в корне отличающихся последовательностей преподавания тонов: первый, третий,

четвёртый, второй тоны (1–3–4–2) и первый, четвёртый, второй, третий тоны (1–4–2–3).

Тоны китайского языка имеют разные мелодические характеристики, следовательно, имеют разные уровни сложности в освоении обучающимися. Последовательность 1–4–2–3 обоснована исследованиями в области фонетических ошибок произнесения тонов, совершаемых учащимися, изучающими китайский язык. Наименьшую трудность представляют первый и четвёртый тоны, наибольшую – второй и третий. Последовательность 1–3–4–2 обосновывается принципом контрастности и представляется наиболее оптимальной, поскольку приобретение учащимися знаний о процессах изменения звуков в первом, третьем и четвёртом тонах служит основой для различения второго и четвёртого тонов. Однако первое предъявление тонов возможно и в привычной последовательности 1–2–3–4, поскольку у обучающихся может возникнуть когнитивный диссонанс в связи с непониманием того, почему тоны идут не по порядку, что может замедлить процесс понимания тонов китайского языка. В таком случае, различные подходы к преподаванию тонов можно использовать при тренировке и обработке, направленной на различение тонов, используя различные подходы и различные способы подачи материала, например, предъявлять тоны в контрасте, согласно последовательности 1–3–4–2.

На этапе обучения произнесению тонов в однословах важно предотвратить все возникающие при произнесении тонов ошибки. Ошибки в произнесении мешают их восприятию и распознаванию на слух, речь учащихся становится некорректной. Как известно, у каждого тона есть основные характеристики, которые должны быть учтены при произнесении тона, в таком случае он будет произнесен и услышан как правильный тон. Не менее важным моментом, которому следует уделить внимание на данном этапе – различение тонов на уровне простых финалей. Наиболее характерными являются упражнения на отчитывание тонов, представленные не только в учебниках, рекомендуемых для школ в виде фонетических упражнений, но и в китайских специализированных учебниках по обучению фонетике. Какие бы подходы к обучению тонам не использовались, тренировка различения тонов происходит на материале простых финалей, затем, по мере усложнения структуры слога, тональные характеристики отрабатываются и в сложных финалях.

Артикуляционные навыки, связанные с произнесением тонов, играют важную роль не только при произнесении слов с односложной структурой, которых в современном китайском языке становится все меньше, но и многосложных слов, увеличение которых в словарном составе китайского языка становится закономерной тенденцией. Односложных слов всё меньше и они, как правило, в потоке речи изолированно звучать не могут. Поэтому следующим этапом в овладении фонетической стороной речи можно выделить отработку сочетаний двухсложных и многосложных слов, где особое значение приобретает, во-первых, комбинации сочетания тонов, а во-вторых, распределение ударения.

Что касается комбинации тонов, то, прежде всего, следует отработать сочетания тонов в двуслогах, поскольку первое время может казаться, что они звучат чуть иначе, нежели в изолированных слогах. Всего существует 20 комбинаций сочетаний тонов – 16 сочетаний полных тонов и 4 с лёгким тоном. Следует обратить внимание учащихся на то, что слог не может начинаться с лёгкого тона. Тренировка тонов в сочетаниях очень важна, поскольку освоение тонов в сочетаниях позволяет прочнее усвоить различия между ними, а так же совершить промежуточный шаг на пути к произнесению целых предложений.

Немаловажным этапом в овладении тонами китайского языка является и изменение тонов. В потоке речи, тоны, находясь в сочетании с другими тонами, подвергаются некоторым изменениям. Различают частичное и полное изменение тонов. Частичное изменение тона заключается в его неполном произнесении, длительность тона сокращается за счёт усечения его части. Наиболее часто явление частичного изменения тона выражается в виде полутретьего тона, когда слог в третьем тоне перед слогом в любом из тонов китайского языка, за исключением третьего, включая лёгкий тон, произносится как неполный третий тон за счёт повышающейся интонации, плавно переходящей в тон следующего за ним слога. Полное изменение тонов китайского языка встречается повсеместно, требуя к себе большого внимания в процессе формирования навыков корректного произношения тонов китайского языка. К данному этапу можно отнести следующие виды упражнений: сочетание тонов 3+1, 3+2, 3+4, 3+0, 3+3, изменение тона иероглифов 一、七、八 в сочетаниях, изменение тона иероглифа 不 в сочетаниях. Дидактическая ценность данных упражнений – сделать речь учащихся более есте-

ственной и беглой. Для этого необходимо научиться произносить тоны слитно: в словах, словосочетаниях и предложениях, соблюдая правила полного и частичного изменения тонов китайского языка.

Ударение – еще один этап в овладении тональной системой китайского языка, это очень важная особенность, реализующаяся именно в двусложных словах. Проблема ударения в учебных пособиях обычно никак не рассматривается, однако научиться правильно расставлять ударение выступает одной из важных задач в овладении произносительными навыками. Правильная постановка ударения так же важна, как и корректное произнесение тона. В потоке звучащей речи слова или словосочетания, в которых неправильно поставлено ударение, могут затруднить понимание смысла сказанного и даже привести к его искажению (东西 dōngxī и dōngxì). Упражнения на три степени ударности слога в двусложных словах реализуются в четырёх комбинациях: ударный + безударный, сильноударный + слабоударный, слабоударный + сильноударный, сочетание равноударных слогов. Ударный слог произносится с наибольшей длительностью, тон слышится отчётливо, в то время как в слабоударных слогах тон произносится не так отчётливо, поэтому кажется, что его там вовсе нет. Дидактическая ценность данных упражнений, помимо тренировки сочетания тонов, заключается в том, что тренировка произнесения ударения в двусложных сочетаниях приближает произношение обучающихся к произношению носителей китайского языка.

Без систематической тренировки фонетические навыки, как и любые другие, имеют свойство деавтоматизироваться. Поэтому на среднем и старшем этапах следует не просто поддерживать сформированные ранее фонетические навыки, но и продолжать их дальнейшее совершенствование, включая в фонетическую тренировку языковой материал и упражнения с аутентичным материалом. Упражнения, содержащие языковой материал, могут снимать фонетические трудности произнесения слов, предложений и текстов, которые будут использоваться на уроке. Они могут быть следующего характера: прочитай предложение в медленном темпе; соблюдая тоны, прочитай предложение с ускорением; расставь паузы в предложении и прочитай предложение с максимально возможным темпом, соблюдая тоны; прочитай с максимально возможным темпом за диктором и т. д.

Упражнения с аутентичными материалами могут содержать скороговорки, детские стихотворения, пословицы, песни (или их отрывки). Чтобы вышеупомянутый аутентичный языковой материал являлся эффективным упражнением в обучении китайскому языку, необходимо организовать правильный процесс работы с ним; для этого учителю следует поработать над его осмыслением и пониманием, ритмическим оформлением, эмоциональной окраской и воспроизведением по памяти. Данный языковой материал в основном предназначен для тренировки быстрого произношения, точной речи, свободной дикции, сосредоточенности на мелодичности, ясном и чистом произношении, что приносит пользу выразительности речи и полезен для работы с ритмико-мелодическими особенностями китайского языка, эффективно его применение и при работе с тонами и чередованием тонов, так как тон в китайском языке занимает отдельное место и является смысловоразличительным элементом языка. Недостаточно выучить артикуляцию звуков и правильную мелодию тонов, важно так же научиться произносить слог того или иного тона в окружении с другими тонами, и это всё можно постоянно отрабатывать в упражнениях на аутентичном языковом материале. Сюжеты скороговорок, стихотворений, пословиц, песен могут стать дополнительной основой для развития социокультурной и лингвострановедческой компетенции, которые в новых федеральных государственных стандартах и примерной программе начального, основного общего и среднего общего образования по иностранному языку имеют огромную значимость.

Список литературы

1. Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 141 с.
2. Хань Даньсин: Практическая фонетика современного китайского языка путунхуа. СПб.: КАРО, 2016. 208 с.
3. Chen Q. Toward a sequential approach for tonal error analysis // Deseret language and linguistic society symposium. 1993. Vol. 19.
4. Li C. N., Thompson S. A. The acquisition of tone in Mandarin-speaking children // Journal of Child Language. 1977. №4. P. 185–199.
5. 曹文. 现代汉语语音问答. 北京: 北京大学出版社, 2010. 165 页.

Воспоминания о наших учителях

О. Ц. Соктоева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Необходимость издания данной статьи ощущалась уже давно, мы часто грешим непростительным беспамятством, оправдывая себя рассуждениями о быстротекущем времени, об ускоряющемся темпе современной жизни. Тем отраднее осознавать, что многие выпускники помнят наших Учителей, отдавая дань масштабу личности выдающихся ученых – востоковедов К. В. Тын и В.А. Тын – людям, благодаря которым преподавание китайского языка на кафедре китайского языка заняло прочное место в нашем сознании, стало неотъемлемой частью нашей духовной жизни.

Нам хорошо известно, насколько велик вклад этих людей во все сферы кафедры, будь то история, лингвистика, литература Китая, культура, педагогическая или переводческая деятельность. Их творческое наследие нельзя рассматривать как что-то хотя и значительное, но оставшееся лишь фактом историко-культурного процесса своего времени. Труды этих ученых стали частью современного лингвистического, культурного и педагогического процесса, на базе созданного ими развивается наука наших дней. Нам дорога память о наших дорогих Учителях, нет сомнений в том, что воспоминания выпускников старшего поколения будут интересны всем современным китайстам и каждый из нас задумается над тем, кому мы обязаны нашими знаниями о языке, культуре, истории и литературе Китая.

Memories of Our Teachers

O. Ts. Soktoeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

The need to publish this article has been felt for a long time, we often sin with unforgivable negligence, justifying ourselves with a reason about the fast flowing time, about the accelerating pace of modern life. It is all the more gratifying to realise that many graduates remember our Teachers, paying tribute to the scale of the personality

of outstanding scientists – orientalists K. V. Tyn and V. A. Tyn – the people, to whom we need to be thankful that teaching of the Chinese language at the Department of the Chinese language has taken a firm place in our consciousness, has become an integral part of our spiritual life.

We are well aware of the great contribution of these people to all spheres of science, be it the history of language, linguistics, Chinese literature, culture, pedagogical or translation practices. Their creative heritage cannot be regarded as something, although significant, but remained only a fact of the historical and cultural process of their time. The works of these scientists have become part of the modern, linguistic, cultural and pedagogical process, on the basis of what they have created, the science of our days is continuing to develop. The memory of our dear Teachers is greatly respected, there is no doubt that the memories of graduates of the older generation will be of interest to all modern Sinologists, and each of us will reflect on who we owe our knowledge of the language, culture, history and literature of China.

Из воспоминаний Светланы Павловны Старостиной

(первый выпуск отделения китайского языка (1960–1965), ассистент кафедры китайского языка (1969), старший преподаватель китайского языка ЧГПИ (1972–1977), учитель китайского языка (1990–2011), г. Москва, автор учебных пособий по китайской иероглифике)

Уходит время. Всё дальше от нас начало шестидесятых годов прошлого века, когда в Чите открылось отделение китайского и английского языков. Тогда всё было впервые: первые преподаватели китайского языка А. Ф. Никитин и А. А. Андреев, первые студенты (мы, нас 20 человек). Первые занятия в кабинете звукозаписи, первые достижения и неизбежные ошибки, смешные и неуклюжие. Первые иероглифы и первые тексты, первое фото... (рис. 1–3).

Рис. 1. Т. А. Чжан Ин с супругом В. И. Чжао и молодые супруги К. В. и В. А. Тын (Шанхай)

Рис. 2. Осень 1961 г. Год создания кафедры китайского языка. Первые преподаватели китайского языка – зав. кафедрой А. Ф. Никитин, А. А. Андреев и супруги Тын. Мы – студенты второго курса

Рис. 3. Преподаватели К. В. и В. А. Тын; Е. Шевченко, И. А. Нетёсова, (1973)

Нашей группе посчастливилось от начала и до конца учиться у Александра Фёдоровича Никитина. Вся его деятельность – преподавателя, зав. кафедрой, декана факультета, учёного или ректора института – пример служения, ответственного отношения к делу.

Продуманные, чётко организованные уроки, каждая минута со смыслом, внимательное, уважительное отношение к аудитории, готовность помочь. Мы занимались по учебникам, впервые разрабатываемым нашим учителем. Перед каждым новым уроком получали свеженькие ксерокопированные листы с новыми словами, упражнениями и текстами (так называемые разработки). Потом читали и проговаривали тексты и упражнения в кабинете звукозаписи. В начале урока на заранее подготовленных листочках писали иероглифические диктанты. Непременные самостоятельные и контрольные работы. Потом разбирали ошибки – всё, как полагается. На втором и третьем курсах занимались по адаптированным Александром Фёдоровичем и переписанным от руки текстам из журналов «苏联画报» и «苏联妇女».

Мы окончили институт в 1965 г., Александр Фёдорович взял на себя разработку новых курсов для будущих учителей и переводчиков китайского языка: методики преподавания китайского языка в средней школе и курса истории и культуры Китая. Он многое успел

за 12 лет работы в нашем институте. Многим помог. В том числе и мне. Если бы не аспирантура, иначе бы сложилась моя жизнь.

Калерия Вениаминовна и Виктор Алексеевич Тыны (рис. 4) приехали в 1961 г. Носители языка, из Китая – мы с интересом глядели на них со стороны. Спокойные, неспешные, они всегда были вместе. Вначале чувствовалась сдержанность наших учителей. Осматривались, привыкали.

Рис. 4. Супруги В. А. и К. В. Тын

Встретились мы на старших курсах, с началом аспектного обучения. Историю китайского языка, лекции и практические занятия ведёт Калерия Вениаминовна. Стараясь не пропустить ни слова, слушаем лекции, участвуем в семинарах, разбираем короткие древние тексты. На четвёртом и пятом курсах уже читаем оригинальные тексты из современной китайской классики: Чжао Шули «Женитьба Сяо Эрхэя», «Песенки Ли Юцая»; Лу Синь «Записки сумасшедшего». Помимо всего, у нас ещё и домашнее чтение. Вот здесь уже прямое общение с Калерией Вениаминовной (у каждого свой текст). Я читаю «没头脑和不高兴» (任溶溶). Живой язык, читается легко, и обсуждение текста из учебной необходимости превращается в увлекательное занятие.

Виктор Алексеевич (на третьем курсе) спокойно и методично вводит нас в страну перевода. Предложения даёт заковыристые, сложные. Разбираемся самостоятельно. Виктор Алексеевич выслушивает каждого, комментирует и наконец, мы сообща приходим

к единому мнению. Очень мне нравился такой подход. На пятом курсе записываем его лекции по лексикологии китайского языка. Знаем, что он увлечен фразеологизмами, что работает над диссертацией. В 70-е, когда начнут набирать группы переводчиков, преимущественно юношей, он будет строгим преподавателем, заботливым опекуном и воспитателем.

Уже в 1962 г. К. В. Тын принимает заведование кафедрой. Решаются учебные задачи. Всё пробуются и отрабатываются на нас и следующих за нами. Первый фонетический конкурс весной 1962 г. В 1963 г. новый преподаватель С. Б. Кишинский читает нам курс теории грамматики, затем по следам теории пишем курсовые работы. На пятом Кишинский ведёт занятия по скорописи. Л. Г. Варфоломеева читает лекции по истории китайской литературы. Слушаем содержательный курс истории Китая, подготовленный для нас Я. И. Дразниным.

Зимой-весной 1964 г. пятеро из нас проходят практику разговорной речи и перевода на станции Забайкальск. Это первые навыки общения с китайской стороной. Проторён путь следующим за нами студентам. Уже в 1967 г. состоится первый набор группы переводчиков-референтов (выпуск 1972 г.).

Помимо учебы проходим подпрактику в начальных классах школы № 5, годом позже присутствуем на открытых уроках английского в 6 классе. На четвёртом курсе В. И. Соколова читает методику преподавания иностранного языка, сдаём зачёт. И вот, наконец, пятый курс, мы сами даём уроки английского языка в десятом классе (школа № 12).

Да, задача кафедры китайского языка в стенах педагогического вуза – подготовка учителей и переводчиков. В наших дипломах запись о присвоении квалификации и звания учителя китайского и английского языков. Однако подпрактики с китайским языком у нас (должно быть, только у нас, первых) не было и не могло ещё быть.

Важное событие в истории города, обозначившее перспективы развития его связей с соседней страной, произошло в 1966 году, когда в средней школе № 4 началось преподавание китайского языка. В школе создаётся учебно-методический центр школьного отдела Министерства Просвещения РСФСР. Это событие на многие годы определило главное направление деятельности Калерии

Вениаминовны – создание единственной тогда в стране школы подготовки учителей китайского языка. Не оставляя работы на кафедре, она начинает давать уроки во втором классе и одновременно руководит педагогической практикой студентов. Здесь отрабатывается методика преподавания, создаются первые учебные пособия, потом учебники – всё это проходит «обкатку» на уроках. Студенты активно привлекаются к работе, затем становятся соавторами. С годами они создают свои учебники, свои программы (уже с учётом новой реальности).

В 1975 г. на отделение китайского языка пришли продолжить обучение китайскому языку «первые питомцы» К. В. Тын из 4 школы: В. Максименков, М. Передняя, Л. Лаврова, В. Ваулин, Н. Баталова (и др.). Выпускники 70-х уже имеют две специальности: учителя китайского и английского языков и переводчика-референта китайского языка.

В 70–80-е гг. лучшие выпускники, рекомендуемые К. В. Тын, по заявке министерства были направлены учителями в Москву, Ленинград, Киев, Ташкент, Хабаровск, Владивосток. В московских школах-интернатах работали В. И. Гончарова (Бронникова), Г. Е. Ляхова (Архипова), Г. И. Сергеев, Г. А. Мальчикова (Сергеева), Е. Иванов. Много позже, в самом начале 90-х, уже по совету К. В. Тын, и я присоединилась к ним на долгие двадцать лет. В Киеве – Н. А. Орчинская (Максимова), а Л. Г. Сократова, Е. Золотухина (Милюк), В. А. Чжен, И. Плотникова и по сей день успешно трудятся в киевской гимназии восточных языков № 1.

С конца шестидесятых и вплоть до 1991 г. Министерство Просвещения СССР курировало школы с углублённым изучением китайского языка. Представители школ ежегодно приезжали к коллегам в Москву, Ленинград, Читу или Хабаровск на семинары методического объединения школьных учителей, которыми руководила доцент К. В. Тын. На семинарах учителя обсуждали учебные программы, учебники и учебные пособия; обменивались опытом; посещали и обсуждали уроки своих коллег; оценивали выступления учащихся на китайского языка; организовали круглые столы; слушали лекции учёных-востоковедов.

В. И. Гончарова (выпускница 1972 г.), многие годы завуч московской школы-интерната 11, сохранила экземпляр программы одного из последних семинаров, проходившего в феврале 1985 г. в Ленинграде. В работе семинара активно участвует К. В. Тын,

она заместитель председателя Комиссии Учёного методического совета.

Комиссию Учёного методического совета по китайскому языку при Министерстве Просвещения СССР возглавлял доктор филол. наук, профессор В. И. Горелов. В составе Комиссии представитель Минпроса СССР Л. Ф. Великанова, заместителем председателя Комиссии Учёного методического совета доцент, зав. кафедрой кит. яз. ЧГПИ К. В. Тын, завучи школ Союза с углубленным изучением китайского языка: В. И. Гончарова (Москва), Ю. В. Рюнин (Ленинград), Н. А. Орчинская (Киев), Г. Д. Чжан (Ташкент), Л. Т. Альфонсова (Чита), В. А. Чжен (Хабаровск) и др. (В. А. Чжен «К истории и особенностям преподавания китайского языка в Киевской гимназии восточных языков № 1»).

На семинаре обсуждалось учебное пособие для 1-го класса (совместно с Н. А. Орчинской и Ю. В. Рюниным); определялись требования к урокам восточного языка (Н. А. Спешнев и Н. А. Абрамова). Совместно с С. Ф. Шатиловым (зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков ЛГПИ имени Герцена) К. В. ведёт совещание круглого стола по теме: каким должен быть урок иностранного языка.

В. И. Гончарова вспоминает: «Калерия Вениаминовна Тын – учитель, наставник и помощник многих из нас, ее вклад просто не оценим!».

В 1977 г. я уехала из Читы. Много лет мы переписывались с Калерией Вениаминовной. В 1989 г. короткая встреча на московском вокзале. К. В. переезжала к сыну в Ленинград. Увиделись с ней снова только в 2005 г. в петербургской гимназии с углублённым изучением китайского языка – на уроке, который давала Калерия Вениаминовна. Мы вновь начали обмениваться письмами. В какой-то момент Калерия Вениаминовна обратилась ко мне с предложением помочь переиздать её учебники для 2–4 классов, взяв на себя разработку иероглифической части. Я согласилась.

Незабываемое время сотрудничества. Полное и безусловное взаимопонимание. Мы бережно подошли к структуре учебника. Сохранив авторскую концепцию, убрали вышедшую из обихода лексику, обновили тексты, ввели современные. По-новому была представлена только иероглифика. В 2008 г. завершили макет учеб-

ника и передали в издательство. Известно, что тогда в России появилось много учебников китайского языка для иностранцев, сделанных в Китае. Начался новый период в преподавании китайского языка. Не стало К. В. Тын. Издательство предложило мне сделать учебник, подходящий ко времени, снабдив его новой лексикой, стихами, загадками, скороговорками, иллюстрациями, рабочими тетрадями, книгой для учителя. Существенно переработать, причём в одиночку, учебник, замысел которого всё же принадлежал 70–80-м годам, было практически невозможно, поэтому, к сожалению, этот проект не состоялся.

Остались письма, которыми мы обменивались во время работы. Вот одно из них, от 11 октября 2007 года:

«...всё это время в голове крутятся разные мысли по продолжению учебников. Вдруг осенила такая идея. Как ты думаешь, если мы продолжим серию пока до 9-го класса.

Общая мысль: наш «ребятёнок» поехал на длительное время в Китай, например, его родители будут работать в посольстве ... Суть такого подхода – описать видение Китая в разных бытовых ситуациях, например:

- 1. Решение родителей ехать в Китай работать*
- 2. Отъезд: сборы, вокзал, продажа билетов, проводы.*
- 3. Вокзал в Китае (Пекине), встреча, поселение в гостинице или на квартире.*
- 4. Краткое знакомство с городом.*
- 5. Посещение достопримечательностей.*
- 6. Письмо другу на родину о своих впечатлениях, просьба написать о школе, о друзьях. Полученные ответы.*
- 7. О некоторых китайских традициях, праздниках, в частности 1-е октября. Русские праздники*
- 8. Впечатления о китайской школе.*
- 9. Посещение друга, описание его квартиры, некоторых особенностей быта, жизни и пищи китайцев.*
- 10. Китайский театр.*
- 11. Выход в театр, кино, магазин с родителями и с переводчиком.*
- 12. Транспорт в Китае (в том числе о рикшах). Если есть особенности, то сравнить с нашей ситуацией.*
- 13. Уроки по разным предметам: географии, истории, литературе.*

Преподнести надо так, чтобы параллельно звучали Китай и Россия. Например: после истории Китая, в следующем уроке ученики-китайцы просят рассказать кратко историю России (это можно разделить на несколько уроков) и т. п. И ещё, можно дать такие тексты о пребывании китайских граждан (друзей нашего «героя») в России. Как твоё мнение?!»

В 2007 г. мне посчастливилось присутствовать на семинаре учителей китайского языка в школе-гимназии № 4, побывать на открытых уроках, ознакомиться с учебниками нового поколения (И. П. Лавлинского, О. Д. Девяткиной, С. В. Разуваевой, О. Ц. Соктовой). Многие учителя – непосредственные воспитанники К. В. Тын. Школа живёт, энергично осваивает широкие возможности, которые предоставляет современность.

Более полувека отделяют нынешнюю кафедру китайского языка Забайкальского университета от той, которая дала импульс развитию китаеведения в сибирском (теперь дальневосточном) регионе. Кафедра китайского языка по-прежнему, но на новом, более высоком уровне, работает над созданием учебно-методической базы, издаёт учебные пособия для студентов в области лингвистики и педагогического образования, школьные учебники китайского языка. Организуются ежегодные Евразийская, Всероссийская конференции, региональные и городские олимпиады для школьников. Неизмеримо вырос профессионализм сотрудников кафедры. Желаю Е. А. Юйшиной, О. Ц. Соктовой и всему преподавательскому составу больших успехов в подготовке первоклассных специалистов.

Закончить хочу письмом К. В. Тын коллегам – учителям школы № 4 и преподавателям родной институтской кафедры китайского языка. Оно написано накануне конференции в начале октября 2007 г.:

Мои приветы, добрые пожелания школе № 4 и нашему ЧГПИ, всей кафедре особый привет. С радостью смотрю научные труды, написанные моими учениками. Смее считать, что жизнь прожита не даром. Очень хотела бы в эти дни быть с Вами, но возраст и здоровье не позволяют пуститься в такой дальний путь. Уверена, что конференция пройдёт отлично, бу-

дет способствовать дальнейшему прогрессу в обучении и изучении китайского языка.

Желаю дальнейших успехов!

К. Тын

Преподавание китайского языка в Киевской гимназии восточных языков № 1

Вера Абрамовна Чжен

выпускница китайско-английского отделения (1974), учитель, завуч средней школы № 48 г. Хабаровска (1974–1981), заведующая кафедрой Киевской гимназии восточных языков № 1 (с 1981 г.); замдиректора по восточным языкам (1996–2013)

В образовательной системе Украины предмету «восточные языки» отводится особое место. Функции его постоянно существенно расширяются.

Первоначальное официальное название школы – школа-интернат с углубленным изучением китайского языка. Или как говорят «китайский интернат».

Школа была построена в 1936 г. для детей испанских коммунистов в живописном месте на окраине Киева в Святошино.

В 1956 г. в школе-интернате ввели изучение китайского языка. В 1991 г. школа-интернат преобразована в гимназию восточных языков № 1. Началось изучение других восточных языков: японского, арабского, хинди, турецкого, персидского, вьетнамского, корейского.

С распадом СССР бывшие школы с углубленным изучением китайского языка (Киев, Москва, Ленинград, Владивосток, Хабаровск, Чита, Ташкент, Наманган, Забайкальск) оказались в определенном вакууме. До 1991 года школами данного типа осуществляло руководство Министерство образования СССР (куратор – Великанова Лидия Федоровна). При Министерстве Просвещения СССР работала комиссия Ученого методического совета по китайскому языку, председателем ее был доктор филологических наук, профессор В. И. Горелов, являвшийся почетным членом ряда учебных заведений Китая (заведующий кафедрой китайского языка и языков Индокитая и Юго-Восточной Азии МГИМО).

В состав комиссии входили Л. Ф. Великанова – представитель Минпроса СССР, К. В. Тын – доцент, заведующая кафе-

дрой Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. Комиссией Ученого методического совета при министерстве просвещения СССР были утверждены и выпущены в свет учебники и пособия по китайскому языку. Автором учебников по китайскому языку была К. В. Тын. Все вышеназванные школы занимались по единым учебникам (учебникам К. В. Тын). Иногда и наши киевские выпускники вспоминают, что занимались «по учебникам Тын К. В.» Калерия Вениаминовна очень скрупулезно подошла ко всем аспектам написания учебников, учитывая возрастные и психологические особенности детей разных возрастов.

Каждые два года Министерство просвещения проводило семинары по вопросам преподавания китайского языка. В Киеве 13–21 апреля 1979 г. проходил 8-й Всесоюзный семинар-совещание руководителей и учителей школ и школ-интернатов с преподаванием ряда предметов на китайском языке. Тема семинара: «Обучение китайскому языку в 1 и 2 классах школ с преподаванием ряда предметов на китайском языке в связи с введением нового учебного плана». К. В. Тын выступала с докладом «Овладение навыками и умениями в китайском языке учащимися 1 и 2 классов».

Мы тогда молодые завучи и учителя, приехавшие в Киев с большим вниманием, слушали своего любимого учителя. Как преподаватель Калерия Вениаминовна была очень строгим педагогом (рис. 5). Она вела у нас на 4 курсе аспект перевода. Виктор Алексеевич вел на втором курсе предмет «Лексикология китайского языка».

Надо сказать, что Калерию Вениаминовну и Виктора Алексеевича нельзя представить отдельно, они всегда были вместе. Они вместе воспитали двух сыновей Константина и Вениамина.

Уже будучи на пенсии, Калерия Вениаминовна посетила нас в Киеве, это было в 90-х годах, она приезжала к нам в качестве переводчика с бизнесменом из Китая. Запомнились мне встречи с К. В. Тын в Петербурге.

Калерия Вениаминовна была очень дисциплинированным и требовательным человеком. Мы питомцы Читинского педагогического института чувствовали себя защищенными, нам очень хорошо читалась в институте методика преподавания китайского и английского языка. Мы были защищены, так как дело школьного китайского языка было заложено К. В. Тын на кафедре Читинского педагогического института.

Рис. 5. К. В. Тын в Киевской гимназии

В Киев по распределению приехали работать учителями китайского языка Орчинская Нина (Максимова), Минко Виктория (1971), Плотникова Ирина (1979), в 1981 году приехали Федотова Любовь, Милюк (Золотухина) Катерина, Сократова Людмила, Чжен Вера и Ваулин Владимир. Читинский пединститут окончила Павленок (Заика) Татьяна. Мы выпускники читинского пединститута с любовью думаем о своей альма-матер, о Чите и своих замечательных педагогах. Хотелось бы сказать, что большой вклад в дело становления кафедры внес ректор нашего института Никитин Александр Федорович, у нас он читал историю Китая.

В эти юбилейные дни сердечно поздравляем кафедру китайского языка. Мы сердцем с вами наши дорогие китаисты. Наши педагоги заложили в нас чувство товарищества, взаимопомощи и взаимной поддержки.

Воспоминания об истоках преподавания китайского языка в школе (гимназии) № 4 г. Читы

Трифорова Наталья Реасовна

учитель высшей категории, учитель-методист, Почетный работник
общего образования, ветеран труда

Для меня все началось еще в студенческие годы, когда К. В. Тын предложила мне принять участие в составлении учебного пособия для 2-го класса, которое составляла Калерия Вениаминовна.

Мне было предложено разработать ряд упражнений и примерные планы уроков. Я с удовольствием согласилась, так как затем моя работа была зачтена как курсовая работа. В то время уже начинались первые уроки китайского языка в школе № 4 в начальных классах (1966). Шел 1967 год, а в 1969 году школа № 4 направила запрос в ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского с просьбой распределить меня на работу учителем китайского языка. Их просьбу удовлетворили, и я начала учить детишек китайскому языку.

В школе уже работали Подобед Галина Степановна и Альфонсова Людмила Трофимовна. Это время было самым интересным, но и самым трудным. Не было учебных пособий, программы, наглядных пособий – ничего. Правда, вскоре мы начали получать из Москвы учебные пособия (самодельные, рукописные) и что-то наподобие программы. Но в том-то и была фишка.

Мы с Калерией Вениаминовной сами начали писать и составлять все, что нужно. Калерия Вениаминовна ездила в Москву в Министерство образования СССР и издательство «Просвещение» к Коршиковой С. А. Там нам были рады. К этому времени Калерия Вениаминовна уже выпустила пособие для 2-х и 3-х классов. Этими учебниками пользовались все школы с преподаванием китайского языка бывшего СССР.

К 70-м годам наша школа уже являлась методической базой для всех школ с углубленным изучением китайского языка. На базе нашей школы проводились Всесоюзные семинары для учителей китайского языка. Цель – обмен опытом. Наши учителя давали открытые уроки, делились своими разработками. Но и мы ездили к коллегам за опытом в Ташкент, Киев, Москву, Ленинград. Прекрасное было время!

Мне посчастливилось поработать над учебным пособием для 4-х классов, а затем и написать «Книгу для учителя» в помощь

к этому пособию в соавторстве с Калерией Вениаминовной и, конечно же, под ее руководством. Мы вместе ездили в Москву в издательство «Просвещение», где и были изданы и «Учебник по китайскому языку» и «Книга для учителя». Книга и учебник вышли!

В 80-е, 90-е годы наша кафедра уже стала более многочисленной. Уже работали Т. Е. Куш, Е. П. Трифонова, Г. Н. Сурина, О. М. Готлиб, Н. А. Абрамова, Т. С. Стуканова, В. А. Ленинцева, И. Г. Цой, М. В. Юшина, М. Э. Герасимова, И. П. Лавлинский, О. Б. Димова, Н. Н. Жданова, Е. А. Юйшина, Н. Н. Тимофеева, Л. В. Свердлова, О. Д. Девяткина, О. Ц. Соктоева.

Все было хорошо, но настал день, когда к нам на кафедру пришла заведующая методическим кабинетом иностранных языков Института квалификации учителей Серябрякова В. А. и объявила, что мы не можем больше оказывать образовательные услуги без программы преподавания китайского языка. К 1995 году назрела острая необходимость новой программы, поэтому Н. Н. Жданова поручила мне написать соответствующую программу по китайскому языку. Отказываться было бесполезно, итог- программа была написана вовремя, и мы продолжили работать!

Дальше начиналась эпоха языковых стажировок в КНР. С 1985 года наши учителя китайского языка прошли стажировку в Пекине, Шанхае, Даляне, Нанькине, Шеньяне. Здорово! Наличие авторской программы по китайскому языку в школе с углубленным изучением китайского языка потребовало и наличие поддерживающих эту программу учебных пособий. Здесь школа нашла огромную помощь, лучше сказать вклад в дело преподавания китайского языка в лице О. Д. Девяткиной и О. Ц. Соктоевой. Эти талантливые и целеустремленные преподаватели находили время и силы для работы над учебниками. Необходимо отметить, что все эти работы над программой, учебными пособиями никак не финансировались ни школой, ни другими органами образования, т. е. люди работали за идею! Добровольцы. Все учебные пособия, да и программа все еще работают в школе № 4.

Немаловажный вехой в жизни учащихся и учителей нашей школы было открытие для стажировок учащихся в г. Шеньян и в г. Маньчжурия, а именно школа Синвей, там с 2001 год по 2006 года стажировались наши учащиеся. Эта школа была открыта по инициативе Н. Н. Ждановой, школу полностью оснастили учебниками и компьютерами. Было все для комфортного прожива-

ния и обучения наших и китайских ребят. Было задумано, что дети будут учиться друг у друга языкам. Так и было. Там наши ребята не только учились языку у китайских преподавателей, но и занимались спортом, национальными видами гимнастики, Ушу, путешествовали по Внутренней Монголии. Дети жили, учились и питались, не выходя из здания школы. Разве это плохо? Сохранилось много хороших отзывов о школе от учащихся и их родителей. С большой любовью и благодарностью отзывались и китайские учителя, учащиеся, обслуживающий персонал школы.

Я с надеждой смотрю на будущее школы-гимназии № 4, ведь столько сил было вложено в создание нашей кафедры, желаю всему учительскому коллективу гимназии № 4 дальнейшей творческой работы, а учащимся хороших знаний в изучении китайского языка и освоения культуры страны изучаемого языка.

Воспоминания о Викторе Алексеевиче Тын

Сергей Акулов

выпускник ФИЯ ЧГПИ 1977 года

Виктор Алексеевич Тын преподавал на старших курсах. У многих студентов, особенно из числа парней, с Виктором Алексеевичем складывались необычные отношения, потому что он сочетал требовательность учителя с отеческой заботой о нас. Ему удавалось без окриков и нудных нравоучений, а чаще доброй или остроумной шуткой мобилизовать студента на активную учёбу.

В связи с этим вспоминается такой случай. Как-то раз Виктор Алексеевич вызвал меня к доске прочесть написанное предложение и пояснить использование грамматических конструкций. При чтении я «запнулся» об один иероглиф: не знал, как он читается. Учитель посмотрел на меня, нерадивого ученика, с иронической усмешкой и спросил по-китайски: «Ну что, не знаешь этот иероглиф?» Я в ответ виновато пробубнил: «Не знаю». Тогда Виктор Алексеевич под дружный хохот моих одноклассников также на китайском языке посоветовал: «Если ты не узнаешь иероглиф, тогда спроси, может иероглиф сам узнает тебя!» Именно такая незлобивая шутка действовала на меня больше, чем длинные наставления о необходимости учить иероглифы.

После окончания института наши отношения с Виктором Алексеевичем стали ещё более тёплыми. По распределению на пограничную станцию Забайкальск были направлены сразу несколько

выпускников нашего факультета: одни на железнодорожную станцию в качестве переводчиков, другие – сотрудниками таможни. Виктор Алексеевич ежегодно привозил в Забайкальск на практику группу пятикурсников, и мы, конечно, встречались «в тёплой дружественной обстановке». В один из таких дней я возвращался с работы в составе железнодорожной смены на станции Маньчжурия. Во время прохождения таможенного досмотра на границе таможенник, он же выпускник нашего факультета – Толя Батулин – шепнул мне на ухо: «Сразу иди в привокзальный ресторан, там тебя ожидает большой сюрприз!» И действительно: в уютном зале ресторана за столом сидел Виктор Алексеевич в компании своих выпускников: Саши Клименко, Лёши Федяева, Вити Нефёдова, Ирины Плотниковой, к которым после работы присоединился и Толя Батулин. Это был незабываемый вечер для всех нас. Виктор Алексеевич и как учитель и как старший товарищ живо интересовался трудностями работы с использованием китайского языка, а также всеми бытовыми мелочами. Все наши беседы сопровождались шутками и весёлыми воспоминаниями.

Наши отношения с Виктором Алексеевичем стали со временем почти родственными. Если мне доводилось приезжать в Читу по каким-либо делам, то я всегда старался хотя бы позвонить учителю и поинтересоваться его делами. А когда я решил жениться, то посчитал своим долгом известить об этом Виктора Алексеевича. В ответ на это семья Тын пригласила меня и мою подругу в гости «на смотрины». В тот вечер я и моя будущая жена, можно сказать, получили благословение от Виктора Алексеевича и Калерии Вениаминовны.

Вот такие у меня самые светлые воспоминания о супругах Тын.хочется добавить несколько строк в завершении этих прекрасных воспоминаний, будем ждать от выпускников нашего китайско-английского отделения продолжения воспоминаний и посланий в адрес наших любимых Учителей Калерии Вениаминовны и Виктора Алексеевича Тын, а также можно вспомнить и других наших уважаемых преподавателей кафедры китайского языка. Ждем ваших писем.

Из истории преподавания китайского языка в Многопрофильной языковой гимназии № 4

О. Ц. Соктоева¹, А. Ю. Куюмджян²

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

² Многопрофильная языковая гимназия № 4, г. Чита, Россия

В статье рассматривается история преподавания китайского языка в гимназии № 4 г. Читы в 1966–2021 гг.

В отличие от обычных школ МБОУ «Многопрофильная языковая гимназия № 4» – специализированное образовательное учреждение, региональным компонентом которого выступает углубленное изучение китайского языка

Ключевые слова: *китайский язык, история школы – гимназии, методическая база*

Teaching Chinese at the Multidisciplinary Language Gymnasium No. 4

O. Ts. Soktoeva¹, A. Yu. Kuyumdzhan²

¹ Transbaikal State University, Chita, Russia

² Multidisciplinary Language Gymnasium No. 4, Chita, Russia

The article examines the history of teaching Chinese language in Multidisciplinary Language Gymnasium No. 4 in Chita since 1966 and up to current times.

Unlike ordinary schools, MLG Multidisciplinary Language Gymnasium No. 4 is a specialized educational institution, the region component of which is in-depth study of the Chinese language.

Keywords: *Chinese language, history of the school – gymnasium, methodological fundamentals*

В начале 60-х годов в Чите была создана кафедра китайского языка при педагогическом институте им. Н. Г. Чернышевского. В 1966 году в средней школе № 4 началось преподавание китайского языка. На базе этой школы создается учебно – методический центр школьного отдела Министерства Просвещения РСФСР. Это событие на многие годы определило главное направление деятельности Калерии Вениаминовны – создание единственной тогда

в стране школы подготовки учителей китайского языка. Не оставляя работы на кафедре, она начинает давать уроки во 2 классе и одновременно руководит педагогической практикой студентов. Здесь отработывается методика преподавания китайского языка, создаются первые учебные пособия, потом учебники – все это силами Калерии Вениаминовны (рис. 1).

Рис. 1. К. В. Тын и Т. А. Чжан (60-е гг.)

Первыми учителями школы были К. В. Тын, Г. С. Подобед (рис. 2), Л. Т. Альфонсова, Н. Р. Трифонова, Т. А. Чжао, Аркадий Чжао, Т. Е. Куш, Е. П. Трифонова, Т. С. Стуканова, В. А. Ленинцева, М. В. Юшина, И. Г. Цой, Г. Н. Сурина, Н. М. Минеева, Т. Н. Бурукина.

Рис. 2. Г. С. Подобед

В 80-е годы в школу пришли работать И. П. Лавлинский, М. Э. Герасимова, Н. Н. Жданова, Н. Н. Тимофеева, Е. А. Юйшина, О. Ц. Соктоева, О. Д. Девяткина (рис. 3, 4).

Рис. 3. Учителя китайского языка (слева направо): М. Э. Герасимова, Т. С. Стуканова, В. А. Ленинцева, Н. Н. Тимофеева

Рис. 4. Общая фотография

Н. Н. Жданова с 1986 по 1993 г. учитель китайского языка средней школы № 4 г. Читы. С 1994 по 1995 г. заместитель директора (по иностранным языкам) средней школы № 4 г. Читы. С 1995 по 2001 г. директор муниципального образовательного учреждения «Многопрофильная языковая гимназия № 4 г. Читы. В настоящее время коллектив учителей китайского языка возглавляет Куюмджян Анастасия Юрьевна – выпускница китайско-английского отделения ФИЯ, учитель высшей категории, прекрасный наставник и хороший организатор.

Калерия Вениаминовна начала давать уроки во втором классе и одновременно руководила педагогической практикой студентов. В 1975 г. В. Максименков, М. Передняя, Л. Лаврова, В. Ваулин, Н. Баталова – первые ученики Калерии Вениаминовны уже поступают на китайско-английское отделение. Калерия Вениаминовна смогла сплотить сильную, сплоченную команду педагогов, которые вкладывали в учащихся все свои познания китайского языка. Разрабатывались методическая литература, методические комплексы, учебники. Все эти учебные материалы составлялись не один десяток лет и актуальны на сегодняшний день. Именно эти учителя начали создавать учебно-методическую базу для преподавания китайского языка в школе, в дальнейшем были созданы и программа по китайскому языку (Н. Р. Трифонова) и школьные учебники нового поколения (О. Д. Девяткина, С. В. Разуваева, И. П. Лавлинский, О. Ц. Соктоева).

С конца шестидесятых и вплоть до 1991 г. Министерство Просвещения СССР курировало школы с углубленным изучением китайского языка. Представители школ ежегодно приезжали к коллегам в Москву, Ленинград, Читу или Хабаровск на семинары методического объединения школьных учителей, которыми руководила доцент К. В. Тын. Учителя кафедры принимали участие во Всесоюзных семинарах по китайскому языку в таких городах, как Москва, Киев, Ташкент, Ленинград, Наманган. Дважды Всесоюзные семинары по китайскому языку проводились на базе школы № 4. Значение таких семинаров трудно переоценить: обмен опытом, знакомство с новыми учебными пособиями по китайскому языку, выработка новых направлений в обучении китайскому языку.

В 70–80-е годы прошлого столетия сотрудничество учителей китайского языка школ и РФ и союзных республик, было постоянным и очень успешным. После 1991 г. эта традиция прервалась.

Но в последние годы наметились явные перспективы в преподавании китайского языка в школе.

С 1985 г. учителя китайского языка получили возможность пройти языковую стажировку в КНР. Более 10 специалистов прошли годовую стажировку в таких городах как Шанхай, Пекин, Шэньян, Далянь.

Кафедра в дальнейшем апробировала программы и стандарты курса китайского языка. Автор – учитель китайского языка Трифонова Наталья Реасовна, учитель высшей квалификации, пришедшей в школу вместе с Л. Т. Альфонсовой в далеком 1969 г.

В 1997 г. директор гимназии Н. Н. Жданова и ректор Педагогического университета г. Шэньяня Дин Теган подписали договор о сотрудничестве, благодаря которому более 60 человек прошли обучение в г. Шэньяне. Во время пребывания в Китае ученики получали не только знания китайского языка и погружались в атмосферу «национального Китая».

В 2000-е гг. в гимназии проведена планомерная работа по упорядочиванию уже имеющихся и по созданию новых учебно-методических материалов с использованием российских и китайских методик:

- УМК по китайскому языку для 2–4 классов (составитель И. П. Лавлинский);

- Учебные пособия по китайскому языку для 5, 6 классов (составители О. Д. Девяткина, О. Ц. Соктоева);

- Учебные пособия по китайскому языку для 7, 8 классов (составитель О. Д. Девяткина);

- Учебное пособие по китайскому языку для 9 класса (составитель С. В. Разуваева, М. Э. Герасимова);

- Книга для чтения на китайском языке для 8–9 классов (составители С. В. Разуваева, Е. П. Трифонова).

В гимназии в предпрофильных и профильных языковых классов многие годы велись элективные курсы: «Каллиграфия», спецкурсы «Практическая грамматика», «Литература Китая», «Страноведение Китая».

С 2003 г. у общеобразовательного учреждения расширились возможности по приобщению детей к традициям и культуре Китая. В Маньчжурии был открыт прекрасно оснащенный, современный центр «Син Вэй», около 100 детей прошли там языковую стажировку.

Обновление содержания коснулось предпрофильной и профильной подготовки учащихся. Спецкурсы «Практическая грамматика китайского языка», «Страноведение Китая», «Подготовка к экзамену HSK 3–4, «Краеведение Забайкалья» разрабатываются вследствие социального заказа обучающихся, планирующих продолжить свое образование в профильных классах, в высших учебных заведениях КНР, а также мотивированных на результативное участие в олимпиадах и конкурсах по китайскому языку.

В 2006 г. Министерство образования и науки РФ издает примерные программы по редким языкам, а несколько лет спустя начался переход на ФГОС. Перед кафедрой встает проблема обновления содержания. Начиная с 2008 года, учителя кафедры китайского языка начинают работу по проекту «Создание УМК по китайскому языку для начальной школы». При составлении УМК ориентиром являются Примерная программа по китайскому языку и требования к результатам освоения ООП, изложенные в ФГОС. В настоящее время УМК по китайскому языку для начальной школы представлен в виде учебных пособий для 2–4 классов, развернутого тематического планирования, рассчитанного на 7 часов, а также рабочих тетрадей «Прописи» по фонетике и иероглифике для каждого года обучения (О. Д. Девяткина, С. В. Разуваева).

В 2007 г. при поддержке Комитета образования Администрации городского округа «Город Чита» в стенах гимназии провела первый Международный семинар преподавания китайского языка средних общеобразовательных школ «Вопросы теории и методики преподавания китайского языка в условиях средних общеобразовательных школ». В работе семинара приняли участие не только учителя общеобразовательных школ и преподаватели кафедры китайского языка Вузов города и Читинской области, но и учителя и методисты из Москвы, Владивостока, Хабаровска, Самары.

В 2011 г. гимназия и Комитет образования администрации и городского округа «Город Чита» совместными усилиями организовали и провели Международную научно-практическую конференцию «Современные образовательные технологии при изучении китайского языка: тенденции, проблемы, перспективы». На семинаре были представлены интересные доклады и презентации по внедрению новых технологий в процесс обучения как китайскому, так и иностранным языкам.

В 2013 г. Конфуция и отдел образования Посольства КНР в РФ и ГБОУ СОШ 1948 г. Москвы с 27 сентября по 29 сентября 2013 г. проводили Первый Всероссийский Фестиваль китайского языка «Мост китайского языка» для учащихся средних школ. Цели проведения состояли, во-первых, в формировании языковой компетенции в области китайского языка; во-вторых, в получении знаний общего характера о Китае, знания о культуре, о привычках и обычаях китайского народа, и, наконец, в-третьих, в развитии способностей и умений конкурсантов, имеющих отношение к китайской культуре.

В гимназии также ведется внеклассная работа по предмету. Ежегодно в дни празднования Китайского нового года учителя проводят неделю китайского языка. В начальной школе проводятся тематические уроки «Путешествия на Восток», в среднем звене – различные конкурсы, викторины.

Также ежегодно проводятся школьные олимпиады по китайскому языку. В 2011 г. учителя китайского языка при содействии администрации гимназии и кафедры китайского языка ФИЯ ЗабГГПУ подготовили и провели городской фонетический конкурс, приняли участие школьниками 5–8 классы школ города и края. Ежегодно проводят школьные научно-практические конференции на китайском языке среди учащихся 8–11 классов.

Межрегиональная олимпиада школьников «Евразийская лингвистическая олимпиада» проводится на базе ЗабГУ (один из 10 ведущих в области лингвистики вузов России). Олимпиада направлена на раскрытие талантов школьников из всех уголков нашей огромной страны. Гимназия гордится своими учениками, которые на протяжении почти десятилетия демонстрируют глубокие знания в разных видах речевой деятельности. Для успешного выступления на Евразийской олимпиаде нужно не только отлично знать китайский язык, но и обладать широким кругозором – как общекультурным, так и лингвистическим.

Всероссийская олимпиада школьников – старейшая и самая престижная олимпиада в стране. Победители и призеры ее заключительного этапа зачисляются в профильные вузы без экзаменов. Наши выпускники на протяжении многих лет активно участвуют на всех этапах: школьном, муниципальном, региональном и заключительном. Наши лучшие ученики – победители муниципального и регионального этапов добиваются до последней ступени этой интеллектуальной битвы.

Последние несколько лет кафедра продолжает планомерную работу по упорядочиванию учебно-методических материалов. В рамках проекта «Современная школа» апробируются программы курса преподавания китайского языка для 2–9 классов школ с углубленным изучением китайского языка, обновление содержания образования в 7–9 классах, апробация УМК А. А. Сизовой. Программно- методическое обеспечение учителей китайского языка: примерная программа по китайскому языку для начального общего образования; примерная программа по китайскому языку для основного и среднего (полного) общего образования; перечень УМК по китайскому языку:

2 класс: Царство китайского языка (Лю Фухуа); Учебное пособие по китайскому языку для 2 класса (О. Д. Девяткина, С. В. Разуваева);

3 класс: Царство китайского языка (Лю Фухуа); Учебное пособие по китайскому языку для 3 класса (О. Д. Девяткина, С. В. Разуваева);

4 класс: Царство китайского языка (Лю Фухуа); Учебное пособие по китайскому языку для 4 класса (О. Д. Девяткина, С. В. Разуваева);

5 класс: Учебное пособие «Китайский язык 5 класс» (О. Ц. Соктоева, О. Д. Девяткина);

6 класс: Учебное пособие «Китайский язык 6 класс» (О. Ц. Соктоева, О. Д. Девяткина);

7 класс: А. А. Сизова «Время учить китайский 7 класс»; Учебное пособие «Китайский язык 7 класс» (О. Д. Девяткина);

8 класс: А. А. Сизова «Время учить китайский 7 класс»; Учебное пособие «Китайский язык 8 класс» (О. Д. Девяткина);

9 класс: А. А. Сизова «Время учить китайский 7 класс»; Новый практический курс китайского языка (2 ч.) (Лю Сюнь);

10 класс: А. А. Сизова «Время учить китайский 7 класс»; Новый практический курс китайского языка (3 ч.) (Лю Сюнь); Прогрессивный китайский. Средний уровень;

11 класс: А. А. Сизова «Время учить китайский 7 класс»; Новый практический курс китайского языка (4 ч.) (Лю Сюнь); Прогрессивный китайский. Средний уровень.

Система работы кафедры с «одаренными детьми» в рамках реализации федерального проекта «Успех каждого ребенка» предполагает участие в различных олимпиадах и конкурсах различного

уровня. Ключевым условием работы с одаренными детьми, по мнению А. Ю. Кумджян, является слаженная работа всех участников образовательного процесса (ученики, учителя, родители) на всех уровнях обучения. Так как профилирующим предметом гимназии является преподавание китайского языка, то учителями разрабатывается дорожная карта для работы с «одаренными детьми» на весь учебный год, дорожная карта вносится в программу по «одаренным детям» кафедры китайского языка.

Система работы с одаренными – одно из приоритетных направлений в гимназии, она реализуется через: системность поаспектной подготовки учащихся к олимпиадам и конкурсам разного уровня в учебном году; внеурочную деятельность; проектную деятельность; организацию городских мероприятий по китайскому языку МБОУ МЯГ № 4 (фонетический конкурс для начальной школы, фонетический конкурс для 5–8 классов, научно-практическая конференция); результативность участия в олимпиадах и конкурсах муниципального, регионального, Всероссийского уровня; расширение образовательного пространства за счет языковых стажировок в КНР.

Всероссийская олимпиада школьников:

- на школьном этапе сформирована команда для участия в муниципальном этапе ВсОШ в количестве 18 человек;
- на муниципальном этапе приняло участие 15 человек: 4 победителя, 9 призеров;
- на региональном этапе ВсОШ по китайскому языку приняло участие 6 человек: 1 победитель, 1 призер;
- на федеральном этапе принял активное участие ученик 11 класса Андрей Линовицкий.

Межрегиональная олимпиада «Евразийская лингвистическая олимпиада» вышли в очный тур: победитель Линовицкий Андрей (11б); призеры (2).

Финал олимпиады ВШЭ «Высшая проба» г. Москва Андрей Линовицкий (11 класс); призеры заочного этапа А. Линовицкий, С. Ткачук.

В 2020/21 учебном году кафедра китайского языка работала по теме: «Перспективы реализации регионального компонента гимназии в рамках Национального проекта «Образование».

Основные направления работы гимназии:

- апробация программы курса преподавания китайского языка для 2–9 классов школ с углубленным изучением китайского языка;
- обновление содержания образования в 7–9 классах, апробация УМК А. А. Сизовой «Время учить китайский»; переход на УМК А. А. Сизовой «Время учить китайский» в 10–11 классах;
- создание условий для повышения качества образовательного процесса через совершенствование профессиональной компетенции педагогов, сетевое взаимодействие с вузами КНР (университет иностранных языков г. Чаньчунь);
- практика проведения городских онлайн-мероприятий: плюсы и минусы (из опыта работы А. Ю. Куюмджян);
- реализация проекта «Обучение переводчиков в профориентационной работе» 2 этап (М. Э. Герасимова, Л. В. Свердлова);
- аттестация учителей и прохождение курсов: «Центр – онлайн-обучения удостоверение Неотология – групп «Между теорией и практикой: китайский как иностранный в российском образовании М. Г. Харлова;
- участие в международном онлайн-конкурсе детских туристических проектов на иностранном языке «На великом чайном пути» Л. В. Свердлова (Улан-Батор);
- проводится аттестация по китайскому языку в 4–8 классах и дифференцированный зачет в 9-х классах в 2021 учебном году были проведены на основании Положения об аттестации по китайскому языку;
- работа с молодыми специалистами по целевой модели наставничества «Учитель-учитель» (А. А. Чичилина; диплом 2-й степени в муниципальном конкурсе «Учитель года – 2021»).

Публикации учителей и участие в педагогических конкурсах, конференциях «Обучение иероглифике. Из опыта работы учителей китайского языка» М. Э. Герасимова, выступление с докладом на 26-й Международной НПК «Иноязычное образование» Вызовы и возможности цифровой эпохи (г. Самара); «Актуальные проблемы преподавания лексики: от теории к практике» выступление на методическом семинаре в рамках НПК «Современное образование в свете реализации ФГОС: актуальные вопросы, достижения и инновации», фестиваль педагогического мастерства «Язык. Образование. Будущее» (г. Чита), Л. В. Свердлова.

«Волшебство китайского веера» организация лингворум в рамках городской НПК «Шаг в будущее» (г. Чита), М. А. Мелехова.

Открытый онлайн-урок «В поисках свитка дракона» в рамках НПК «Современное образование в свете реализации ФГОС; актуальные вопросы, достижения и инновации». Фестиваль педагогического мастерства «Язык. Образование. Будущее» (г. Чита), А. А. Чичилина.

Основным инструментом оценки качества образования является мониторинг (входной, промежуточный и выходной), цель которого – не только отслеживания уровня сформированности предметных компетенций и общенаучных навыков обучающихся, но и выявление степени соответствия выставяемой отметки, составление рейтинга педагогов. Анализ результатов позволяет корректировать образовательный процесс по китайскому языку в динамике.

Внеурочная деятельность в стенах гимназии самая разнообразная: 2 класс – викторина «Праздник Весны»; 3 класс – квест «Как прогнать Няня?»; 4 класс – игра «Что я знаю о Китае»; 5 класс – игра «Где логика?»; 6 класс – турнир «Путешествие с Сунь Укуном»; 7 класс – мастер-класс «Пленение китайского узла»; 8 класс – «Виртуальное путешествие по Китаю»; 9 класс – викторина «Встречаем Праздник Весны»; 10 класс – «Новогодний Q- батл»; 11 класс – «Новогодний квиз».

В настоящее время в гимназии реализуются ФГОС нового поколения на уровне начальной и основной ступени, активно идет целенаправленная подготовка к новым стандартам среднего образования.

Языковая гимназия № 4 успешно сохраняет традиции преподавания китайского языка, а также выводит на новый качественный уровень организации и проведения научно-методических мероприятий городских и краевых этапов.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. М.: Просвещение, 2011. 12 с.
2. Куюмджян А. Ю. Управление качеством образования в рамках реализации регионального компонента в гимназии // Сборник научных трудов Междунар. науч.-практ. конф / отв. ред. С. И. Байрамова. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2018. С. 294–299.

3. Современное китаеведное образование: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 13–14 ноября 2014 г.) / отв. ред. Ветлужская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 180 с.

4. Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Соловьева. Чита: ЗабГУ, 2016. 146 с.

УДК 929

История преподавания китайского языка в России (к юбилею кафедры китайского языка)

О. Ц. Соктоева¹, С. В. Науменко¹, В. Н. Соловьева¹

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Статья посвящена истории становления и развития кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета (ранее ЧГПИ, ЗабГГПУ). Кафедра является одной из старейших кафедр по подготовке учителей китайского языка в Сибири и на Дальнем Востоке. За годы существования здесь работало много известных по всей России специалистов-синологов, подготовлено огромное количество блестящих выпускников, в настоящее время работающих не только в России, но и за её пределами.

Ключевые слова: *кафедра китайского языка, преподавание китайского языка в России, современное китаеведение*

Благодарность. Выражаем особую благодарность
С. П. Старостиной (Опариной) и В. А. Чжен.

History of Teaching Chinese Language in Russia (to the Anniversary of the Chinese Language Department)

O. Ts. Soktoeva¹, S. V. Naumenko¹, V. N. Solovjeva¹

¹ Transbaikial State University, Chita, Russia

The paper is devoted to the history of the formation and development of the Department of the Chinese language of the Trans-Baikal State University. The department is one of the oldest departments for training teachers of the Chinese language in Siberia and in the Far East. Over the years of its existence, many Sinologists

known throughout Russia have worked here, a huge number of brilliant graduates have been trained, now working not only in Russia, but from its borders.

Keywords: *Chinese language Department, training of the Chinese language in Russia, modern Chinese studies*

В современном мире китайский язык, китайская культура пользуются невиданной ранее привлекательностью. Это связано со стремительным развитием Китая, изучение китайского языка становится фактором успешной карьеры, позволяет найти лучшую работу, открывает доступ к более широким возможностям реализации социальных потребностей людей [1, с. 3].

Преподавание китайского языка в России имеет свою историю и давние традиции, берет свое начало более 150 лет тому назад. В тоже время его изучение требует особого понимания сложного восточного языка, прежде всего его фонетики и иероглифики, знания основ грамматики и стилистики, культуры Китая, его истории, литературы, страноведения, традиций и праздников, а также владения методикой преподавания китайского языка и использования различных педагогических технологий.

В начале 19 века был заложен прочный фундамент отечественного востоковедения. Особый вклад в распространение китайской культуры вносили провинциальные образовательные учреждения. Так, Н. Я. Бичурин открыл 16 мая 1835 года в приграничном городе Кяхте первое училище в России для подготовки переводчиков. Были открыты также две школы переводчиков китайского языка на территории Китая – в Кульдже и Урге.

Огромный вклад в изучение китайского общества, экономики, науки внес К. А. Скачков (1821–1883), получивший в России образование по астрономии и сельскому хозяйству, но уехавший учиться и работать в Пекин. К. А. Скачков наряду с другими трудами известен своим «Китайско-русским фразеологическим словарем». Возникновение отечественной китаеведческой школы связано с именем академика В. П. Васильева (1818–1900) – организатора и первого руководителя кафедры китайского языка на восточном факультете Санкт-Петербургского Императорского университета, которая и стала ведущим российским китаеведным научно-исследовательским центром. В. П. Васильеву принадлежат многочисленные труды по истории, религиям, географии и литературе

посвящена истории становления и развития кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета (ранее ЧГПИ, ЗабГГПУ). Данная кафедра является одной из старейших кафедр по подготовке учителей китайского языка в Сибири и на Дальнем Востоке. За годы существования здесь работало множество известных по всей России специалистов-синологов, подготовлено огромное количество блестящих выпускников, которыми кафедра по праву гордится.

В 1838 году была издана первая в России «Китайская грамматика» (Н. Я. Бичурин), в 1841 году появилось учебное пособие «Как выговаривать китайские речи», написанные российскими литераторами (под ред. И. К. Россохина). Затем были составлены и изданы лекции по китайскому языку, хрестоматии, учебные пособия: например, «Китайские классические книги», «Лингвистическое введение в изучение китайского языка», «Опыт мандариновой грамматики» (П. П. Шмидта). Главная трудность в изучении китайского языка, с которой столкнулся в свое время Н. Я. Бичурин, заключалась в отсутствии словарей и учебников, только к 1888 году стали выходить словари, в их числе – двухтомный «Китайско-русский словарь» (П. С. Попов).

Для распространения китайского языка и подготовки специалистов-китаеведов для нужд российского Дальнего Востока в 1899 году во Владивостоке был открыт Восточный институт, превратившийся в ведущий региональный центр изучения стран и языков прилегающих к России азиатских государств.

В системе высшего образования первая кафедра китайского языка открылась в 1837 году в Казанском государственном университете.

После распада Российской империи и создания СССР, ведущим центром изучения и распространения китайского языка в России наряду с Санкт-Петербургом и Владивостоком, стала Москва.

В дальнейшем ведущим центром изучения китайского языка и подготовки китаистов стал Санкт-Петербургский государственный университет. В 1899 году в Москве был создан Восточный институт, который подготовил за 1899–1911 гг. 124 военных переводчика. Для закрепления полученных знаний российские офицеры направлялись на двухгодичные командировки в Китай и впоследствии каждые три года сдавали специальный экзамен для подтверждения степени владения языком. В середине XX века

в Москве количество центров китаеведения и изучения китайского языка увеличилось.

В 1944 году международный факультет МГУ был преобразован в отдельный институт – МГИМО, в котором была создана кафедра восточных языков. В 1954 году в МГИМО был включен Московский институт востоковедения, прародителем которого, в свою очередь, являлось Лазаревское училище восточных языков (основанное в 1815 году). В 1958 году в МГИМО вошел Институт Внешней торговли Министерства внешней торговли СССР, созданный в 1931 году в Ленинграде и после переведенный в Москву. Кафедру восточных языков в разные годы возглавляли такие известные китаеведы как Н. Н. Коротков, Б. С. Исаенко, В. И. Горелов, А. Ф. Кондрашевский, А. Н. Алексахин, перу которых принадлежат широко известные учебники, учебные пособия, словари, монографии, статьи, посвященные теоретическим проблемам китайского языка, теории и практике его преподавания.

На базе исторического и филологического факультетов МГУ в 1956 году было создано еще одно учебное заведение – Институт восточных языков, одной из специализаций, которого стала подготовка китаистов (в 1972 году был переименован в Институт стран Азии и Африки при МГУ).

Китайский язык стали также изучать на филологическом факультете Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (основан в 1960 году) и в нескольких других московских вузах. Крупным центром китаеведения и распространения китайского языка и культуры стал учрежденный в 1966 году в Москве Институт Дальнего Востока Академии наук.

Крупным центром китаеведения и распространения китайского языка и культуры стал в Москве Институт Дальнего Востока Академии Наук СССР, СССР его возглавлял в 1985–2015 годах один из крупнейших в России китаеведов – академик М. Л. Титаренко.

В 1992 году в столице открыли специализированную школу с углубленным изучением китайского языка, а также китайской культуры (№ 1948).

С дальнейшим улучшением между нашими странами, с середины 1980-х годов стали осуществляться регулярные языковые стажировки советских студентов и аспирантов в КНР. Первая учебная группа, выехавшая в Китай в 1984 году, насчитывала 70 студентов из различных вузов.

Изучение китайского языка в нашем регионе – это не только следствие интереса к загадочной стране. Близость границ, постоянная пересекаемость, расширение контактов в области культуры, науки, искусства, языка – все это поставило вопрос о подготовке специалистов, владеющих китайским языком. В начале 60-х годов в Чите была создана кафедра китайского языка при педагогическом институте им. Н. Г. Чернышевского. Все дальше от нас начало шестидесятых годов прошлого века, когда в Чите открылась отделение китайского и английского языков. Первые преподаватели китайского языка А. Ф. Никитин и А. А. Андреев, К. В. Тын и В. А. Тын.

Вся деятельность у А. Ф. Никитина от преподавателя, заведующего кафедрой, декана факультета, ученого и ректора института – пример служения, ответственного отношения к государственному делу.

Калерия Вениаминовна и Виктор Алексеевич приехали в Читу в 1961 г. Уже в 1962 г. К. В. Тын принимает заведование кафедрой. Огромный вклад в создании и становлении кафедры сыграли супруги Тын. Калерия Вениаминовна возглавляла кафедру китайского языка на протяжении 20 лет с 1962–1982 годы. Калерия Вениаминовна Тын для многих поколений – учитель, наставник и помощник во всех делах, ее вклад в дело подготовки китайистов просто неоценим.

Первый фонетический конкурс был проведен в 1962 году, а уже зимой – весной 1964 года студенты проходят практику разговорной речи и перевода на станции Забайкальск. В 1967 году состоялся первый набор группы переводчиков – референтов (выпуск 1972 года).

В 1966 году в средней школе № 4 началось преподавание китайского языка. На базе этой школы создается учебно-методический центр школьного отдела Министерства Просвещения РСФСР. Это событие на многие годы определило главное направление деятельности Калерии Вениаминовны – создание единственной тогда в стране школы подготовки учителей китайского языка. Не оставляя работы на кафедре, она начинает давать уроки во 2 классе и одновременно руководит педагогической практикой студентов. Здесь отработывается методика преподавания китайского языка, создаются первые учебные пособия, потом учебники – все это силами Калерии Вениаминовны.

С конца шестидесятых и вплоть до 1991 г. Министерство Просвещения СССР курировало школы с углубленным изучением

китайского языка. Представители школ ежегодно приезжали к коллегам в Москву, Ленинград, Читу или Хабаровск на семинары методического объединения школьных учителей, которыми руководила доцент К. В. Тын.

Комиссию Ученого методического совета по китайскому языку при Министерстве Просвещения СССР возглавлял доктор филологических наук, профессор В. И. Горелов. В составе Комиссии была представитель Министерства Просвещения Л. Ф. Великанова, заместителем председателя Комиссии Ученого методического совета являлась заведующая кафедрой китайского языка К. В. Тын, завучи школ с углубленным изучением китайского языка: В. И. Гончарова (Москва), Ю. В. Рюнин (Ленинград), Н. А. Орчинская (Киев), Г. Д. Чжан (Ташкент), Л. Т. Альфонсова (Чита), В. А. Чжен (Хабаровск).

С 70-х годов 20 столетия Читинский государственный педагогический институт имени Н. Г. Чернышевского был единственным в стране учебным заведением, который готовил учителей китайского языка. В 1981 г. впервые на кафедре китайского языка ЧПИ создается школьный учебник. Значительный вклад в его разработку внесла К. В. Тын. Эти учебники по китайскому языку вошли в историю советской школы (учебники 2-го, 3-го и 4-го классов).

Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения определил и новые приоритеты, цели и результаты образования. Это позволило посмотреть по-иному на роль учебника в преобразовании педагогической деятельности учителя. Были сформулированы новые требования к педагогической и научной экспертизе издаваемых школьных учебников, их развивающему и воспитывающему потенциалу.

В разработку учебников постсоветского периода включились кафедры китайского языка, помимо ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, ЧитГУ, Благовещенска (АмГУ), Владивостока (ДВГУ), а также г. Хабаровска, Уссурийска, Комсомольска-на-Амуре; в ДВГУ находится центр изучения восточных языков при ДВГУ (создана совместно с Хэйлунцзянским университетом серия учебников «汉语新起», составленная китайскими преподавателями специально для российских школьников).

Возрождение интереса к китайскому языку в России стало наблюдаться в связи с расширением российско-китайских торгово-экономических связей и возникшей потребностью в специалистах

со знанием китайского и профессиональных переводчиках с китайского языка.

В настоящее время интерес к изучению китайского языка в России постоянно растет. На современном этапе в распространении китайского языка в России важную роль играет институт Конфуция. В 2000-х годах в российских вузах стали появляться Институты Конфуция. Все Институты Конфуция в РФ имеют одинаковый статус и функционируют в качестве подразделений российских вузов, на базе которых они организованы. Студенты кафедры китайского языка ИФФ ЗабГУ имеют возможность сдавать экзамен HSK в Институте Конфуция Бурятского государственного университета, входящего в мировую сеть Институты Конфуция.

Инновации КНР в области международного обучения китайскому языку связаны с повышением качества обучения, реформа системы управления процессом международного обучения китайскому языку, включающей оптимизацию финансирования Институты Конфуция посредством ликвидации государственной структуры Ханьбань. Создание негосударственного благотворительного Китайского фонда международного обучения китайскому языку, а также создание государственного Центра международных языковых обменов и сотрудничества, подчиненного Министерству образования КНР, осуществляют трансформацию систем компетенций владения китайским языком и международного экзамена HSK в сторону их количественного и качественного усложнения.

Современное китаеведение представляет собой синтез как классических направлений – филологического и исторического, так и активного обращения к научному инструментарию и потенциалу ранее слабо связанных направлений: философии и теории культуры, теории международных отношений, теории и истории российско – китайских отношений.

Проблема качества подготовки китаистов в российских вузах всегда была в поле зрения всех, кто причастен к этому процессу. В последнее время многие специалисты справедливо отмечают, что, несмотря на многолетний опыт преподавания китайского языка, степень владения русским языком китайских русистов. Профессор Тань Аошуан, считает, что главная причина кроется в использовании методикой результатов неадекватного лингвистического описания. И. В. Кочергин, являясь известным ученым, занимающимся теоретическими, методологическими и практическими проблема-

ми преподавания китайского языка как иностранного, прежде всего, выделяет проблему необходимости совершенствования научных методов обучения китайскому языку руководством не только Министерства Просвещения, но и организаторов ведущих восточноведных вузов в отношении преподавания китайского языка в школах и вузах страны.

И. В. Кочергину, Н. А. Деминой удалось привлечь внимание опытных преподавателей старшего поколения к необходимости совершенствовать учебно-воспитательный процесс в условиях современной жизни и использованию передовых методов практического обучения иностранному языку. В системе подготовки китаистов с точки зрения целей, задач и содержания обучения, а также с точки зрения средств и методов, произошли большие перемены.

С учетом результатов научных исследований последних лет в области лингвистики и психолингвистики, а также практической деятельности преподавателей китайского языка разных уровней, И. В. Кочергин пришел к выводу о целесообразности использовать термин «лингводидактика» вместо термина «методика», дает рекомендацию об использовании данного термина относительно дидактических вопросов лингводидактики. Итогом стало переиздание учебного пособия «Очерки лингводидактики китайского языка». Игорю Васильевичу удалось своими прогрессивными идеями объединить усилия неравнодушных педагогов и методистов, занимающихся китайским языком.

О. А. Масловец – наиболее последовательный, принципиальный ученый в области преподавания китайского языка в вузе и школе в современных условиях, выпускница кафедры китайского языка АмГУ, кандидат педагогических наук, автор учебного пособия «Методика обучения китайскому языку в средней школе». Сфера интересов касается актуальных вопросов методики преподавания китайского языка в школе и вузе, особенностей преподавания китайского языка в рамках коммуникативного подхода; также занимается программно – методическим обеспечением школьного образовательного процесса, технологиями обучения различным аспектам языка, а также продуктивным видам речевой деятельности. Все эти изыскания нашли отражение в составлении Программы по китайскому языку как второго иностранного языка, подготовлены методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ по китайскому языку.

О. А. Масловец также является автором УМК по китайскому языку нового поколения «Путешествие на Восток» для 1–2–3 классов.

Все отделения китайского языка, которые имеют собственные школы и собственные традиции имеют профессиональные преподавательские кадры и профессиональных организаторов учебно-воспитательного процесса могут подготовить специалистов, занимающихся научными исследованиями в области преподавания китайского языка.

Кафедра китайского языка является одной из старейших на территории Сибири и Дальнего Востока (второй после кафедры китайской филологии ДВГУ (ДВФУ). С момента своего основания (1961) кафедра китайского языка являлось подразделением в составе ЧГПИ, затем ЗабГГПУ и только затем, после объединения в 2012 году с ЧитГУ стала кафедрой китайского языка ЗабГУ.

Источником распространения китайского языка и культуры на нашей кафедре являлись также этнические китайцы, постоянно проживавшие в России. В первую очередь вспомним своих Учителей: К. В. Тын и В. А. Тын родились и получили образование в Китае, Т. А. Чжан и ее супруг В. И. Чжан. Их прекрасные знания китайского языка и доброжелательное отношение к студентам позволили выстроить прекрасные отношения со всеми поколениями студентов китайско-английского отделения, помочь им стать первокурсниками и зачастую уникальными специалистами.

С. П. Лян (Лян Хунлинь) и его супруга Г. И. Цзоу (ЦзоуХао) работали на кафедре с 1983–84 года по 1990–92 год, внесли значительный вклад в подготовке переводчиков и учителей китайского языка. Благодаря им на китайско-английском отделении началось преподавание такого предмета как лингвострановедение, студенты 1–5 курсов получали систематические знания на китайском языке по географии, истории, культуре, искусству, экономике Китая. Также ими были сделаны аудиозаписи в кабинете технических средств обучения, широко используемые студентами и в ходе самостоятельной подготовки.

Калерия Вениаминовна Тын с 1962–1982 годы была заведующей кафедрой, разработала серию школьных учебников для 2–4-х классов, утвержденных Министерством просвещения СССР. Главная особенность кафедры заключалась в том, что она единственная в Советском Союзе занималась подготовкой преподавателей китайского языка.

Развитие кафедры связано также с именем О. М. Готлиба. Олег Маркович – выпускник ЧГПИ 1974 года, наш учитель, коллега (1976–1995), блестящий синолог, российский китаевед, специалист по грамматике, этнологии Китая, один из представителей грамматологического направления в отечественной синологии, основатель школы китаистики Восточной Сибири (Иркутск), профессор китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета. В 1986 году в Институте востоковедения АН СССР Олег Маркович защитил кандидатскую диссертацию (руководитель профессор, доктор филологических наук Н. Н. Коротков). В 1986 году заведовал кафедрой китайского языка ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, где разработал свой авторский курс по теоретической грамматике, читал лекции по лексикологии, теории перевода, вел практические курсы китайского языка (1986–1990). В 1995 году организовал кафедру регионоведения в ЧитГУ, где и работал до 2000 года. Был членом Всемирной ассоциации китаеведов и Европейской ассоциации востоковедов [3; 4].

В последующие периоды кафедру возглавляли Н. А. Абрамова, В. А. Ленинцева, Ж. В. Шмарова, Е. А. Юшина.

Н. А. Абрамова – выпускница ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского 1975 года, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Читинского государственного университета, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования; автор более 50 научных работ, в том числе 9 монографий. С 1978–1992 – преподаватель, зав. кафедрой китайского языка ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, с 1995 года – доцент кафедры регионоведения ЧитГУ, с 2000 года заведующая кафедрой востоковедения ЧитГУ-ЗабГУ. Основные направления научной деятельности: региональная политика и культура традиционного и современного Китая, социальная философия, философская антропология, политические науки. Разработала концепцию анализа политических процессов в КНР, модель подготовки специалиста регионоведа-востоковеда. При ее участии открыта магистратура по направлению «Зарубежное регионоведение» [4].

В. А. Ленинцева возглавляла кафедру в течение длительного периода – с 1992 по 2011 год. На кафедру она пришла, имея большой опыт работы в средней школе № 4 с преподаванием китайского языка. Валентина Алексеевна находилась во главе кафедры в непростой

период перехода новые федеральные учебные стандарты, перехода от прежней системы специалитета на бакалавриат. Работая на кафедре, В. А. Ленинцева защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологи (2005). Валентина Алексеевна читала такие дисциплины как страноведение, чтение лингвострановедческих текстов и другие на разных курсах. Ею создан ряд учебных пособий.

Ж. В. Шмарова – выпускница ФИЯ ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского 1995 года, кандидат филологических наук (2003) по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии. Сфера научных интересов касается различных аспектов лексикологии китайского языка. Имеется ряд публикаций по китайской топонимике и методике преподавания китайского языка. Изданы учебно-методические пособия, которые используются в процессе преподавания: Краткая история Китая, Лексикология китайского языка (практикум), Основы языкознания. С 2014 по 2017 г. исполняла обязанности заведующей кафедрой китайского языка. Неоднократно участвовала в написании отзыва ведущей организации и процедуре защиты кандидатских диссертаций по вопросам китайской филологии.

Е. А. Юйшина – выпускница ФИЯ ЧГПИ 1984 года, кандидат философских наук (2009), доцент (ВАК). С 2017 года является заведующей кафедрой китайского языка Елена Александровна – профессиональный востоковед, обладает глубокими и систематическими в области китаеведения, которые на протяжении многих лет она передает студентам. Блестящий переводчик, участвовала в переговорах с представителями китайских учебных заведений, способствовала установлению доверительных и дружеских отношений с зарубежными партнерами в области образования. Елена Александровна за многолетний труд, вклад в международную и педагогическую деятельность награждена Благодарственным письмом Министерства образования РФ, также является членом Союза переводчиков России (2010), участником Всемирного съезда переводчиков китайского языка в г. Пекин (2018), член общества Российско – Китайской Дружбы. Автор многих публикаций и научных статей. Награждена Знаком почета университета «За заслуги в области высшего педагогического образования, вклад в дело подготовки специалистов народного образования», медалью «За укрепление дружбы народов», медалью «Заслуженный

работник высшей школы Забайкальского края», нагрудным знаком «Почетный работник ЗабГУ».

Т. Л. Гурулева – выпускница кафедры китайского языка ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского 1995 года, известный представитель читинской школы китаистики. Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры дальневосточных языков Военного института Министерства обороны РФ; ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Область ее научных интересов – синологическая лингводидактика, проблемы подготовки востоковедов, сопоставительное и типологическое языкознание, частная теория перевода в паре языков китайский – русский, российско-китайское образовательное сотрудничество. Автор и руководитель научной школы «Синологическая лингводидактика». Член диссертационного совета при Военном университете МО РФ по филологическим наукам 10.02.19 – теория языка и 10.02.20 – сравнительно – историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Член диссертационного совета МГПУ по специальности 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). Татьяна Леонидовна имеет около двухсот научных и учебных изданий, более ста пятидесяти научных статей, в том числе на китайском языке в зарубежных журналах и сборниках материалов зарубежных конференций (КНР). Также публикуется в научных журналах, реферируемых ВАК и входящих в БД Scopus и WoS, более двадцати учебников и учебно-методических пособий в области обучения базов профильных УМО.

Выпускник 1998 года ФИЯ ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, кандидат филологических наук, Н. Н. Воропаев, преподавал китайский язык в ЗабГПУ, Институте языковой коммуникации ТПУ, на кафедре иностранных языков РАНХиГС, с 2012 года является научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии института языкознания РАН, автор многочисленных научных публикаций и докладов, учебных пособий и словарей по китайскому языку.

Цель работы кафедры в наши дни – развитие лингвистического и педагогического образования в крае.

Многие ее выпускники не только обучают новые поколения языкам, но и заведуют кафедрами в других городах: Марина Бато-Очировна Хайдапова – заведующая кафедрой филологии стран Дальнего Востока БГУ, Евгений Владимирович Кремнев – заведую-

ций кафедрой востоковедения и регионоведения АТР в Иркутском государственном университете, Лариса Александровна Радус – начальник кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ, Анастасия Юрьевна Куюмджян – учитель высшей категории, заместитель директора по учебно-воспитательной работе по иностранным языкам.

Выпускница 2010 года ФИЯ ЗабГГПУ, Т. А. Урывская, победитель первого Всероссийского конкурса преподавателей китайского языка, прошедшего в рамках Международного форума восточных языков и культур КФУ в 2019 году, ныне преподаватель китайского языка МГИМО, тренер сборной города Москвы ВСОШ по китайскому языку ГОУ г. Москва. Центр педагогического мастерства.

С. А. Маннапова – выпускница кафедры китайского языка ЗабГУ, яркий представитель молодого поколения ученых, кандидат филологических наук, заместитель заведующей кафедрой китайского языка ИИЯ МГПУ по НИРС.

Мы гордимся нашими выпускниками, которые работают во многих городах нашей страны и за рубежом. Многие из них идут дальше по научной стезе, защищают кандидатские и докторские диссертации.

В настоящее время кафедра продолжает успешно работать по двум направлениям подготовки: 45.03.02. Лингвистика профиль «Перевод и переводоведение» и 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) профиль «Иностранные языки» (китайский и английский языки).

Почти все преподаватели кафедры имеют ученые степени кандидата наук, занимаются разработкой новых учебных курсов, учебных планов и программ. Кафедра поддерживает тесную связь со школами г. Читы и Забайкальского края, в которых ведется преподавание китайского языка, студенты, обучающиеся по направлению 44.03.05 Педагогическое образование имеют возможность проходить в этих школах педагогическую практику. Члены кафедры активно участвуют в разработке материалов и проведении различных этапов олимпиад по китайскому языку, включая всероссийские олимпиады, а также в проведении фонетических конкурсов, конкурсов каллиграфии и других мероприятий для своих студентов. Преподаватели задействованы в проверке результатов ЕГЭ по китайскому языку.

С 2021 года кафедра начала осуществлять дополнительное образование для студентов направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями) профиль «Иностранные языки» с целью переподготовки их для работы переводчиками с выдачей диплома государственного образца. Члены кафедры также принимают активное участие в различных научных конференциях с публикацией статей и тезисов в сборниках материалов конференций на различную тематику – актуальные проблемы лингвистики, методика обучения и воспитания, китайское литературоведение, страноведение Китая, китайская культура и т. д. привлекают студентов к научно-исследовательской работе [5]. Также осуществляют руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами, психолого-педагогическими проектами, научными докладами, подготовкой к участию в различных межрегиональных и международных конкурсах китайского языка.

Список литературы

1. Современные проблемы и перспективы развития китаеведного образования в Байкальском регионе: материалы науч.-практ. семинара с междунар. участием. Чита: ЗабГУ, 2013. 217 с.
2. Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочергин. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 192 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
3. Терехова Н. В. Олег Маркович Готлиб. Этапы жизненного пути и научного творчества // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития: материалы междунар. науч. практ. конф. (г. Иркутск, 18–20 октября 2017 г.) / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.
4. Абрамова Н. А. URL: <http://zabgu.ru/php/person.php?id> (дата обращения: 14.07.2021). Текст: электронный.
5. Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Соловьева. Чита: ЗабГУ, 2016. 146 с.

Преподавание дисциплины «Литература Китая»

В. Н. Соловьева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

В статье рассматривается содержание дисциплины «Литература Китая». Данная дисциплина входит в учебные планы подготовки специалистов двух направлений: «Лингвистика» и «Педагогическое образование». Автор анализирует наиболее эффективные способы работы с литературным материалом на китайском и на русском языках, а также в качестве рекомендации предлагаются списки основных литературных произведений китайской литературы.

Ключевые слова: *литература Китая, художественный текст, фоновые знания, лингвострановедческая компетенция, списки книг*

Teaching the Discipline “China Literature”

V. N. Solovjeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

The article considers the content of the discipline “China Literature”. This discipline is included in the curricula of training specialists in two areas: “Linguistics” and “Pedagogical education”. The author analyzes the most effective ways of working with literary material in Chinese and Russian, and also, as a recommendation, lists of the main literary works of Chinese literature are offered.

Keywords: *Chinese literature, literary text, background knowledge, linguistic and cultural competence, lists of books*

Дисциплина «Литература страны изучаемого языка» играет важную роль в подготовке специалистов-переводчиков и в подготовке учителей иностранного языка. Практическая ценность изучения литературы на языковых специальностях заключается не только в развитии навыков перевода, в частности навыков художественного перевода, но и в увеличении фоновых знаний, расширении словарного запаса, формировании более глубокого понимания литера-

турных, общественных и политических процессов, происходящих на разных исторических этапах. Опыт преподавания дисциплины показывает, что у многих студентов возникший интерес к литературе страны изучаемого языка влечет за собой повышение мотивации к овладению иностранным языком, которая вызвана желанием прочитать еще непереведенные произведения на языке оригинала, возникшей на фоне любви к литературе, глубокой симпатии и интересу к той или иной иноязычной культуре.

Правильно подобранный список книг для прочтения должен включать литературные произведения не только интересные по содержанию, но и наиболее полно и правдиво отражающих конкретную историческую эпоху. Тексты произведений или отрывков произведений для перевода должны соответствовать уровню подготовки студентов, содержать адекватное количество устаревшей лексики, характерной для текстов классических произведений.

На кафедре китайского языка ЗабГУ дисциплина «Литература Китая» («История литературы Китая», «Современная китайская проза») ведется на двух направлениях подготовки: «Лингвистика» и «Педагогическое образование». Входит в перечень курсов по выбору. Знакомство с китайской литературой для студентов начинается во время изучения дисциплины «История и культура Китая», которая на обоих направлениях предшествует изучению литературы страны изучаемого языка. Включение литературных произведений в списки на прочтение, а также их обсуждение на практических занятиях, по мнению автора, помогает студентам адаптироваться к иноязычной культуре, способствует углублению понимания национального менталитета китайского народа, формирует последующий интерес к литературе в целом, что также важно для обучающихся на языковых специальностях.

Для понимания особенностей исторических реалий разных периодов, студентам предлагаются к прочтению небольшие по объему произведения или их экранизации. Студенты читают на русском языке отрывки из произведений «Дао дэ цзин», «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «Исторические записки», «Ши цзин» («Книга песен») и т. д. На основе прочитанного ведутся беседы и дискуссии об особенностях философско-религиозных учений («Дао дэ цзин», «Лунь юй»), о бытовой повседневной жизни китайцев, дворцовых нравах, положении женщины в Китае («Исторические записки», «Книга песен»), о современных проблемах (Юй Хуа «Десять слов про Китай»,

«Жить», «Как Сюй Саньгуань кровь продавал»), о китайском менталитете и важных исторических событиях Линь Юйтан «Китайцы. Моя страна и мой народ», А. Маслов «Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения», Н. Спешнев «Особенности национальной психологии»). Для раскрытия темы развития российско-китайских отношений студенты читают работы Юрия Михайловича Галеновича: «Россия-Китай. Шесть договоров»; «50 лет с Китаем», «Сталин и Мао. Два вождя», Владимира Вячеславовича Малявина: «Китайская цивилизация».

По прочитанным книгам помимо собеседования в конце семестра студентам предлагается написать эссе по прочитанному (книга на выбор). Метод написания эссе по прочитанному, помимо проверки понимания прочитанного произведения, также служит эффективным способом лаконичного высказывания собственной точки зрения, субъективных размышлений, стимулирует к сбору дополнительной информации по теме, развивает способность к письменному отображению эмоций и образов. Эссе побуждает пишущего к более глубоким размышлениям о прочитанном. Все эти навыки являются важными и полезными для студентов филологических и лингвистических специальностей.

Все прочитанные книги студенты должны вносить в читательский дневник. В дневнике, помимо общих сведений о писателе и произведениях, студенты должны написать наиболее понравившиеся цитаты, интересные факты, личное впечатление. Читательский дневник проверяется преподавателем в конце каждого семестра.

Кроме списка книг для прочтения могут предлагаться экранизации литературных произведений. Так, в частности, студентам первого курса предлагаются следующие: «Жить» (по одноименному произведению Юй Хуа), «Подними красный фонарь» (роман Су Туна «Жены и наложницы»), «Красный гаолян» (одноименный роман Мо Яня), «Цю Цзюй подает в суд» (новелла Чень Юаньбиня «Тяжба семьи Вань»), фильм «Дорога домой» (роман Бао Ши «Память»), «Под ветвями боярышника» (одноименный роман Ай Ми), «Цветы войны» (одноименный роман Янь Гэлин), «Бальзак и портниха-китайночка» (одноименный роман Дай Сыцзе) и другие. Обсуждение просмотренных фильмов проходит во время практических занятий или на итоговом собеседовании в конце семестра.

На основании рекомендованных к чтению и просмотру произведений, у студентов складывается довольно полная картина жизни

китайского народа в различные периоды истории страны, возникает глубокий интерес к культуре Китая.

Приступая к изучению курса по дисциплине «Литература Китая», студенты уже имея представление об особенностях китайской литературы и фоновые знания из прочитанных книг, легче усваивают содержание занятий. На данном этапе у студентов направления «Лингвистика» предусмотрены только лекционные занятия.

Лекционные задания предусматривают знакомство учащихся с основными этапами возникновения и развития основных литературных направлений и жанров, а также с биографией и творчеством наиболее известных китайских писателей. Исторический охват – от литературных памятников, таких как «Каталог гор и морей», «Книга песен», «Исторические записки», религиозно-философских трактатов до современной литературы. В ходе чтения лекций студенты читают отрывки из произведений изучаемого периода (М. Кравцова «Хрестоматия по литературе Китая»). Помимо указанной хрестоматии, в процессе подготовки к лекционным занятиям используется антология древнекитайской литературы «Бамбуковые страницы», «Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.)» авторов Е. А. Серебрякова, А. А. Родионова, О. П. Родионовой, «Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах» под редакцией М. Л. Титаренко (том 3 – «Литература») и другие работы.

Наряду с прослушиванием лекций, студенты продолжают вести читательский дневник, в который помимо книг, предложенных преподавателем, студенты должны записывать произведения китайской литературы по собственному выбору. Так, во время летней сессии 2020–2021 учебного года, в читательских дневниках студентов в списке книг по собственному выбору были представлены следующие произведения: рассказы Лао Шэ, повести Пу Сунлина, романы Мо Яня «Лягушки» и последний переведенный на русский язык роман «Сорок одна хлопушка», Цзя Пинва «Циньские напевы», Чжан Юэжань «Кокон», Шань Са «Играющая в го», Чжан Цзе «Тяжелые крылья».

Так как дисциплина «Литература Китая» продолжается на втором курсе, на летние каникулы студенты получают список рекомендуемых книг для летнего чтения. Сюда в основном входят произведения современной китайской литературы, а также отдельные главы четырех великих классических романов. Ориентация на со-

временную литературу связана с тем, что на втором курсе студенты будут читать произведения или отрывки из произведений писателей периода с 20–30 гг. XX века по настоящий период. Это обусловлено более современной, а следовательно, более легкой для перевода формой литературного повествования и лексикой текстов. В список на летнее чтение включены произведения Лу Синя («Записки сумасшедшего», «Подлинная история А-кью», избранные рассказы), Лао Шэ («Рикша», «Записки о кошачьем городе», «Сказители», «Серп луны», «Удачный почин», рассказы), Мао Дуня («Деревенская трилогия»), Лю Чжэньюня «Мобильник», «Я не Пань Цзиньлянь», «Одно слово стоит тысячи», «Дети стадной эпохи», Юн Чжан «Дикие лебеди» и другие.

Чтение китайских литературных произведений на языке оригинала начинается на втором курсе. Помимо общего представления о художественных особенностях того или иного произведения, авторского стиля, в процессе чтения произведений на китайском языке способствует обогащению словарного запаса (использование слов и выражений в контексте), более глубокому пониманию грамматических конструкций, активации пассивного словарного запаса, формированию красивой и правильной иноязычной речи. Кроме этого, чтение произведений на языке оригинала может способствовать повышению мотивации к изучению иностранного языка за счет повышения уверенности в себе и собственных знаниях и способностях. Здесь важно подобрать произведения, соответствующие уровню подготовки учащихся на данном этапе. Слишком сложные произведения, требующие постоянного поиска слов в словарях и содержащие сложные грамматические конструкции, напротив, могут отбить желание читать на иностранном языке.

Фрагменты художественных текстов и сами произведения можно брать в интернете, но, конечно, лучше привлекать учебные пособия, включающие не только тексты, но и комплексы упражнений. На основании прочитанных текстов для отработки лексики, лучшего запоминания устойчивых выражений, грамматических конструкций, развитию навыков перевода, можно выполнять комплекс упражнений. Например, в учебном пособии М. В. Румянцевой «Пособие по чтению и переводу современной художественной литературы Китая», после краткой биографии автора на русском языке, предлагается отрывок художественного произведения данного автора, после прочтения которого предлагается выполнить комплекс следующих

упражнений: найти и запомнить словосочетания из текста, ответить на вопросы по содержанию текста, сделать письменный перевод, подобрать русские эквиваленты отдельным выражениям из текста, перевести предложения, с использованием лексики из приведенных художественных произведений. Пособие также содержит небольшое количество заданий и упражнений, направленных на развитие навыков устного последовательного перевода. Кроме этого, некоторые произведения тайваньских писателей предлагается прочесть в традиционной иероглифике, что, безусловно, является большим плюсом. После окончания первого года обучения, студенты практически не используют на практике этот вид иероглифического письма и чтение таких текстов будет способствовать их тренировке. Пособие состоит из 20 уроков, каждый из которых включает несколько эссе, рассказов, отрывков из романов и повестей популярных современных китайских писателей. Произведения, входящие в состав уроков, объединены общими темами: «Родители и дети», «Ребенок и семья. Культурная революция глазами ребенка», «Дружба», «Биография любви», «Писатели о кино» и т. д.

Таким образом, студенты не только знакомятся с образцами современной литературы Китая, биографиями писателей, но и работают с ключевой лексикой, вводят её в активный запас, путем перевода дополнительных предложений и текстов, а также изучают исторические и культурные реалии, формируют и развивают переводческие навыки.

В учебном пособии «Практикум по современной китайской литературе» автора статьи, помимо упражнений на отработку лексики, поисков эквивалентов, ответов на вопросы, немалый упор делается на расширение читательского кругозора студентов. Поэтому пособие предлагает учащимся помимо основного текста, список дополнительных произведений, которые нужно прочитать и составить к ним аннотацию на китайском языке, отзыв на русском языке, найти реалии, встречающиеся в тексте, составить краткое изложение содержания по плану, перевести аннотации к другим произведениям автора, перевести известные цитаты из различных произведений автора и другие. Благодаря этому комплексу упражнений, студенты составляют более полное представление о творчестве писателя, учатся грамотно излагать свои мысли на китайском и русском языках в письменном и устном виде. Аннотации на другие произведения могут заинтересовать учащегося и побудить к чтению. В конце

каждого урока предлагается список фильмов-экранизаций художественных произведений того или иного писателя.

Безусловно, писатели, чьи произведения включены в учебные пособия, выбираются на основе личных предпочтений авторов и данные пособия не претендуют на полное отражение всех этапов развития литературы. Так же, как и видение писателями того или иного исторического периода, который они описывают в своих произведениях, носит во многом субъективный характер. Но, тем не менее, изучение истории и культуры Китая, теоретических вопросов по литературе Китая и круг прочитанного, дают довольно полное представление о литературе и истории страны изучаемого языка в целом, а также о творчестве отдельных писателей в частности. Полученные знания будут способствовать преодолению культурных стереотипов, формированию умения реализовывать эти знания в ходе решения профессиональных задач и осуществлению диалога культур.

Список литературы

1. Румянцева М. В. Пособие по чтению и переводу современной художественной литературы Китая. М.: ИД «ВКН», 2018. 264 с.
2. Соловьева В. Н. Практикум по современной китайской литературе: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2019. 140 с.

УДК 811.581

Трудности в изучении китайского языка учащимися среднего звена и способы успешного обучения китайскому языку

М. Г. Харлова

Многопрофильная языковая гимназия № 4, г. Чита, Россия

В статье на основе опыта преподавания китайского языка в средней школе проанализированы трудности изучения учащимися среднего звена и даны рекомендации успешного усвоения умений и навыков речевой деятельности. Рассмотрены методики известных лингвистов и педагогов в области обучения китайскому языку.

Ключевые слова: *речевые навыки, трудности, шедоунг, чтение, говорение, письмо, аудирование, грамматика, иероглифическая письменность, формирование, ошибки, успешность, метод, совершенствование, языковой материал*

Difficulties of Middle-level Students in Learning Chinese and Successful Methods of Teaching

M. G. Kharlova

Multidisciplinary Language Gymnasium No. 4, Chita, Russia

Based on the experience of teaching Chinese in secondary school, the article analyzes the learning difficulties of middle-level students and gives recommendations for the successful mastering of skills and abilities of speech activity. Essays on the methods of teaching the Chinese language by famous linguists and teachers are considered.

Keywords: *speech skills, difficulties, shadowing, reading, speaking, writing, listening, grammar, hieroglyphic writing, formation, mistakes, success, method, improvement, language material*

Китайский язык относится к группе изолирующих языков, в котором отсутствует словоизменение, и он отличается строгой грамматической структурой слов в предложении, поэтому методика преподавания его отличается от преподавания языков славянской группы. Правильно выбранная методика и литература для обучения является залогом успеха овладения китайского языка. В процессе обучения важным является не только языковой материал, но и умения и навыки, сформированные в процессе обучения. Учителю необходимо разрабатывать упражнения, которые смогут помочь обучающимся хорошо усвоить материал, необходимо разрабатывать упражнения, относящиеся ко всем разделам изучения языка: грамматические, лексические, фонетические, иероглифические, аудиоупражнения. Самым важным моментом в преподавании иностранного языка является сохранение требований к изучению чтения, письма, фонетики, говорения и аудирования грамматике при обучении учащихся среднего звена. К большому сожалению, следует отметить упущенные моменты на начальном уровне изучения. Учителю необходимо не пропускать фонетические ошибки учащихся, что приведет к неправильному запоминанию звуков и то-

нов, необходимо следить за правильным написанием иероглифов по порядку черт, в противном случае учащийся будет писать неверно иероглифы вплоть до окончания школы, во время урока учителю следует включать аудиотекст с носителем языка и составлять различные аудио упражнения, без них учащийся не сможет правильно произносить звуки и тоны, не сможет на слух воспринимать речь носителя языка, учителю следует тщательно следить за тем, что учащийся читает иероглифический текст, а не в пиньинь, поскольку это упущение приведет к не узнаванию иероглифов. Все эти упущения автоматически превращаются в трудности при обучении китайского языка в среднем звене (учащиеся 5–8 классов). Как считает И. В. Кочергин, «одной из предпосылок обучения китайскому языку является выделение учебных трудностей и разработка системы их нейтрализации. Индикатором учебных трудностей являются различные нарушения языковой и речевой нормы, которые допускают обучаемые, т. е. ошибки» [1, с. 36].

Китайская система письма относится к идеографической или иероглифической письменности. В китайском языке слова записываются иероглифами, которые состоят из графических ключей. Каждый графический ключ или графема состоит из черт: основных и ломаных. Причем иероглиф может состоять из нескольких графем и дополнительных черт. Нужно отметить, что каждый отдельный иероглиф соответствует одному слогу и имеет свое значение. Нет специальной методики при овладении китайской иероглифической письменностью, готовность к изучению письменности будут характеризовать наличие графических, моторный навыков, которые учащийся уже сформировал до начала изучения иностранного языка. Успешным овладением умениями и навыками иероглифической письменности можно считать, когда учащийся уже осознанно подошел к обучению. Важное значение педагоги школ и вузов уделяют запоминанию графических ключей или далее называемых графем. Так как именно графема является основным элементом многих иероглифов, которые передают либо смысловое, либо фонетическое значение иероглифа в целом. Рассматривая трудности учащихся при обучении письму среднего этапа выделим следующие: учащиеся не знают графических элементов, составляющих иероглиф, в целом, иероглиф пишут, разделяя на две части: левую и правую; похожие графемы путают, и как итог, иероглиф пишут неверно; не могут запомнить чтение иероглифа. «Если на начальном этапе овладения

письменностью необходимо учить не все, а только наиболее частотные», как считает И. В. Кочергин [1, с. 104], то в среднем звене увеличивается количество новых графем. В пятых классах учащиеся начинают изучать максимально большое количество графем и иероглифов, поэтому недоученные графические ключи и понимания иероглифа в целом, создает большие трудности при изучении и запоминании новых. Для этого учителя школы разрабатывают большое количество упражнений для развития и формирования навыков для запоминания новых графем и иероглифов.

Вплоть до начала девятого-десятого классов мы, учителя используем прописи, где учащиеся должны прописать иероглифы по порядку черту и продублировать написание иероглифов для запоминания, контроль осуществляется в написании диктантов. Особую трудность представляют иероглифы, которые употребляются редко. Редко используемые иероглифы обладают моносемантичностью, а часто используемые иероглифы характеризуются полисемантичностью. В учебных пособиях, которые учителя применяют для обучения учащихся гимназии в среднем звене, всё же используются полисемантические иероглифы, которые имеют несколько совершенно разных значений. Поэтому от учащихся требуется знания значений графем. Кочергин И. В. приводит в пример «графему 𐎧 со значением «рука» в составе сложного иероглифа не означает именно эту часть тела, а относится ко всей совокупности глаголов, означающих, в основном, действия, совершаемые человеком (с помощью руки, или иным способом)» [Там же, с. 105–106].

К сожалению, с контрольными диктантами справляются не все учащиеся, у некоторых появляется потребность в списывании у соседа по парте, либо ставится неудовлетворительная оценка. Если учащиеся не справляются с запоминанием иероглифов, как следствие, начинает хромать другой аспект-чтение иероглифического письма. К восьмому классу остаются единицы учеников, которые могут иногда всё же написать иероглиф, разделив его на правую и левую части, в итоге получая два разных иероглифа. Но к концу восьмого класса эта проблема устраняется совсем. Как исследовал проблему запоминания иероглифов И. В. Кочергин: «Разрешая трудности с запоминанием иероглифов, учителя используют упражнения, создавая «ряды ассоциативно связанных иероглифов».

Особенностью любого ассоциативного ряда иероглифов является возможность объединять их внутри этого ряда в «семьи».

Под «семьей» при этом понимается ряд иероглифов, происходящих от одного основного простейшего элемента, например, 头. В эту семью входят иероглифы 买, 卖, 读.» [1, с. 115]. Благодаря рабочим тетрадам, созданным учителем-методистом О. Д. Девяткиной, которая использовала различные виды упражнений, учащиеся запоминают и различают данные иероглифы. Хотя иногда могут неверно прочесть иероглиф, именно заменяя чтение и значение иероглифа, поскольку в составе его есть один и тот же графический ключ 头. О. Д. Девяткина в своих упражнениях включала задание объединить иероглифы по графическим ассоциациям для лучшего запоминания иероглифов. Я могу привести свой пример составления такого задания, пользуясь методическими упражнениями своего коллеги, например, написать 3–4 иероглифа с графическими ключами 心 (息, 恐, 怒), 足 (跟, 跑, 趴, 路), 木 (楼, 采, 森, 林), 目, (看, 冒, 帽). Кочергин И. В. в качестве примера создает ассоциативный ряд с иероглифом 方 [Там же, с. 116].

На среднем этапе завершается обучение всем ключам. Для лучшего усвоения материала продолжается использование принципа семантизации, т. е. обращение к истории возникновения иероглифа: от простого рисунка (цзягувэнь) к современной графической форме. Дальнейшее обучение основывается на знании учащимися ключей, их типов (семантический и фонетический), что способствует, с одной стороны, более легкому запоминанию иероглифов, соотнесения графического образа со значением. С другой стороны, обеспечивает продуктивную работу с одноязычными и двуязычными словарями, способствует развитию навыка прогнозирования семантики и чтения иероглифа. Продолжается работа по закреплению восприятия учащимися иероглифа как графического знака, обладающего семантикой, выражающего понятие, а также имеющего произношение – тонированный слог. На среднем этапе обучения навыки устной коммуникации и умения письма формируются в тесной взаимосвязи друг с другом. Необходимо поэтому соблюдать принцип соответствия языкового и речевого материала. Тем самым обеспечивается реализация принципа комплексности в обучении, предусмотренная образовательным стандартом. В этот период заканчивается процесс формирования базовых произносительных навыков (5–7 классы) [7].

Основной проблемой при обучении является аспект-говорение. Даже при значительном количестве изученной лексики, учащиеся при говорении допускают ряд грамматических ошибок, за-

бывают изученную когда-то лексику, но при этом помнят лексику недавно изученную. Для этого педагоги используют ряд упражнений-написание сочинения в свободной форме, а после предоставление этого сочинения в разговорной форме. Например, изучена тема «Школа», учащимся предложена тема для сочинения «Школа в жизни моих родителей и в моей жизни», перед написанием сочинения учащимися выполнены упражнения лексические и грамматические, прочитаны диалоги и текст по данной теме. Вначале проверены эти сочинения с исправлением грамматических и лексических ошибок, затем учащиеся рассказывают данный топик. Для формирования навыков говорения учителями китайского языка используется составление диалогов в паре, а также спонтанное монологическое говорение на китайском языке. Какие умения можно сформировать в процессе монологического высказывания: во-первых, собственное коммуникативное намерение, или свое личное отношение к предмету, действию; во-вторых сформировать основную мысль, в виде тезиса; в-третьих, выстроить свой план высказывания.

Самым трудным аспектом в обучении считается аудирование. Как характеризует И. В. Кочергин: «Аудирование – один из видов коммуникативно-речевой деятельности, реализующийся в единстве психических процессов восприятия и понимания. Формирование навыков аудирования возможно лишь на основе готовых слухомоторных стереотипов, которые образовались в результате прошлого обучения. В случае когда прошлый опыт не оставил в памяти готовых слуховых образов или речедвигательный аппарат не готов к проговариванию услышанного в соответствующем темпе и отстаёт от воспринимаемого темпа говорящего, аппарат восприятия аудитора к работе не готов» [1, с. 13]. Начиная с базового уровня в начальных классах первое аудирование начинается с прослушивания первых звуков, слогов, двусложных слов, предложений и диалогов, текстов. Ученик слушает и многократно понимает. В среднем звене учитель использует практику упражнений в виде прослушивания текста и записывания его в иероглифическом написании, а также согласно прослушанному тексту ответить на вопросы. Начиная с 8 класса возможно использование техники шедоунг (shadowing, от англ. shadow – «тень»).

Шедоунг – методика, при которой ученик повторяет текст вместе с диктором. На китайском эта методика звучит 同声反复. Методику Шедоунг сформулировал в 2000 г. Александр Аргульес.

А. Аргульес – известный американский знаток изучения иностранных языков, полиглот, профессор, который считает, что можно освоить большое количество иностранных языков на достаточно высоком уровне. Как считает профессор можно выделить разные виды шедоуинга: «слепой», классический групповой. «Слепой» шедоуинг подразумевает, что текст учащийся не видит. Голос в наушниках говорит – ученик слушает и повторяет. Преимущество этого метода в том, что, вы напряженнее и внимательнее вслушиваетесь, текст вас не отвлекает и не нужно переключаться. Недостатки же, как минимум, в том, что не тренируется чтение, поэтому можно произнести слово неправильно, приняв за другое – ведь на слух перепутать легче, особенно в иностранном языке. Групповой шедоуинг нечасто практикуется, и это объяснимо – каждый сам подбирает текст и способ работы с ним под себя. Но если вы хотите время провести в компании не только шедоуинга, но и людей живых, рекомендуют попробовать петь хором. Что улучшает техника шедоуинга: практику фонетики без боязни ошибиться (диктор все-таки точно скажет правильно).

Беглость речи. И тут дело не только в скорости. Носители языка так или иначе связывают между собой слова (вспомним рок-н-ролл, который вообще-то rock and roll в полном письменном варианте), и запомнить в теории, какой звук и как меняется в зависимости от следующего слова зачастую сложнее, чем на практике. Выработка произношения уже на начальном уровне. В случае, когда шедоуинг практикуется не на учебных материалах, а на аудиокнигах, фильмах, мультфильмах, подкастах, то гораздо интереснее получить удовольствие от постижения культуры страны изучаемого языка [3]. Плюсы шедоуинга: 1) постановка правильного произношения; 2) тренировка иероглифического письма; 3) тренировка чтения; 4) тренировка восприятия на слух; 5) повышение лексического запаса [4]. Весь комплекс состоит из нескольких стадий, каждая из которых длится всего 15 минут. Многое будет зависеть от длины выбранного вами отрывка. Если текст небольшой, повторять следует его по 10–15 раз, а длинный – по два-три раза. Такая техника может занять у вас несколько суток. В первый день следует только прослушать отрывок и несколько раз повторить речь за носителем языка без его понимания. Во второй день еще раз прослушайте этот же отрывок текста, но уже используя перевод. На третий день – слушайте аудио, пользуясь текстом на иностранном языке. На день четвертый – попробуй-

те прочитать текст без прослушивания, делая попытки копировать интонацию. Пятые сутки – громко читаете, записывая все предложения и проговаривая все слова. Сначала трудно поверить, в то, что подобная методика обучения может быть настолько эффективной. Но, во-первых, так практикуются устные переводчики. Во-вторых, техника шедоунга дает возможность прорабатывать письмо, чтение, произношение, слух. Когда все этапы пройдены, можно снова повторить текст. Таким образом вы будете понимать все, что говорится в аудиотексте. Все и ясно, и знакомо [5].

В старших классах можно использовать технику шедоунга с одновременным выполнением другого занятия на автомате. Например, учащийся повторяет слова диктора, одновременно вяжет или рисует. Такую технику использует выпускница гимназии № 4 и факультета иностранных языков, ныне ЗабГУ, преподаватель, переводчик-синхронист Кожемякина Ольга. Она так характеризует данный вид техники: «Шедоунг-теневое или синхронное повторение, это упражнение важно и для аудирования, и для говорения, и для навыков перевода, это прекрасная тренировка темпа речи. Для синхронистов и переводчиков необходимо овладение таким навыком, как осуществление нескольких действий одновременно, одно из них говорение, а другое на автомате совершаемое, как я это уже делала за рулем, точно также можно делать и во время вязания» [8].

«Формирование навыков и умений чтения является самостоятельной, очень важной задачей обучения, но чтение – это также обязательный вид учебной работы, влияющий на качество формирования всех других навыков и умений. Читать нужно начинать сразу, как только это становится возможным», – исследовал в своей работе И. В. Кочергин [1, с. 35]. Читать и понимать новый текст – это главный результат, которого хочет добиться учитель от своих учеников. Сформировав речевые навыки и умения у обучаемых, необходимо добиться чтобы ученик мог понимать смысл, а не переводить. На самом деле трудности при обучении чтения возникают у учащихся гимназии в начале пятого класса, когда увеличивается словарный запас, а также увеличивается количество иероглифических знаков. Учащиеся стремятся подписать иероглифы в пиньинь и сдавать технику чтения, пользуясь только написанием в пиньинь.

Если учитель не поставит четкую цель перед учащимися читать текст только в иероглифическом виде, то они не смогут и до девятого класса читать текст в иероглифическом написании.

Основная задача учителя – сформировать у учащегося навыки чтения иероглифических знаков. Перед началом чтения текста учитель работает над выполнением упражнений, тренирует лексику и соответственно иероглифическое написание, осуществляет контроль в виде написания диктантов, затем вводит ознакомительное чтение текста, выполняет тренировочные упражнения с текстом: предтекстовые и послетекстовые, только в этом случае успешное чтение иероглифического текста будет обеспечено. Давая определение упражнению, Р. К. Миньяр-Белоручев пишет: «Поскольку упражнение не подлежит дальнейшему дроблению, его можно считать элементарной единицей обучения. Именно упражнение является тем методическим “кирпичиком”, из которого вырастет система упражнений, важнейший компонент метода обучения, без которого невозможно формирование речевых навыков» [Цит. по: 1, с. 19].

«Грамматика китайского языка – это такое чудо, ведь ее аналога вы не встретите ни в одном языке. Структура речи фиксирована. Есть только один правильный вариант построения предложений, который необходимо запомнить. Если вы перепутаете произношение, но употребите слова в верном порядке, то ваша речь всё равно будет понятна», – рассказала Гун Мин [6]. Для обучающихся трудно говорить грамматически верно, поскольку они привыкли в русской речи ставить члены предложения в разные места. И, как оказалось, по схеме, как в математике, говорить им очень сложно. Грамматика занимает центральное место в структуре языка. А. А. Реформатский отмечает: «Если лексика непосредственно называет действительность, а фонетика непосредственно воспринимается органом чувств, то грамматика всегда является опосредствованной. Связь грамматики с действительностью осуществляется только через лексику, так как грамматика, как таковая, лишена всякой конкретности» [2, с. 249].

Говоря о фиксированном порядке слов в китайском предложении, необходимо подчеркивать, что в китайском языке строгий порядок членов предложений, сначала следует подлежащее, затем сказуемое. Все члены предложений должны иметь свое определенное место. К чему собственно не привыкли русскоговорящие ученики. Наличие в китайском языке трех *de* сильно пугает учащихся с начала пятого класса, поскольку им приходится выполнять тестовые лексико-грамматические задания. С шестого по восьмой классы учащиеся уже различают три *de*, но ошибаются в том, ка-

кую именно применить, особенно если после сказуемого стоит вопросительная конструкция 是不是, а затем следует существительное, (黑板上写的是不是汉字?) то зачастую учащиеся поставят глагольную частицу 得 и не берут во внимание, что далее идет существительное, а не наречие. А также могут перепутать глагольную частицу с наречной, поставив их наоборот, например, в предложении с 写得好 на 地, а в предложении с 好好地学习 заменяют на 得. Трудной задачей для учащихся является применение суффиксов 了, 过, 着. Ещё одна трудность для обучающихся – не соответствие русского предлога «в», китайскому предлогу «在». Например, возьмем предложения «Я иду в театр», и «Я жду тебя в театре», большинство учащихся переведут данные предложения, употребляя предлог 在. К восьмому классу учащиеся уже не ставят в конец предложения обстоятельство времени, отвечающее на вопрос «когда?».

В восьмом классе вводится похожее на обстоятельство времени обстоятельство длительности времени, с этим учащимся сложнее всего справиться, лишь небольшой процент обучающихся понимает данное грамматическое построение и может его использовать верно в речи. Например, 我做三小时的练习 или 我做练习做三小时. Для повышения эффективного обучения грамматическому строю китайского языка необходимо четко разъяснять, приводить примеры, выполнять грамматические задания и упражнения. Желательно это делать в урочное и во внеурочное время. В период с седьмого по девятый класс включительно у большинства учащихся нашей гимназии уже осознанно складывается верное грамматическое построение членов предложений. Благодаря выполнению грамматических упражнений, самостоятельных работ, а также тестовым заданиям обучающиеся правильно пишут, говорят, соблюдая все грамматические структуры, к этому времени уже достаточно обогащается лексический запас слов, который и способствует формированию грамматически верному оформлению слов в предложении.

Итак, задачей хорошего учителя является успешное овладение учащимися всеми аспектами речевой деятельности китайского языка. Грамотно методически верно построенный урок будет являться мотиватором качественного обучения языка. Учителю необходимо сформировать у обучаемых умения: говорения, аудирования, письма, чтения. Эти речевые навыки и умения могут быть успешно сформированы только в результате многократных речевых упражнений.

Как считает И. В. Кочергин, «анализ места и роли речевых навыков и умений при формировании переводческих навыков и умений показывает, что первые, особенно умение иноязычного говорения, во многом определяют успех формирования вторых, и в этом процессе сами совершенствуются, т. е. с переходом к обучению другим аспектам языка как учебного предмета формирование речевых навыков не прекращается, речевые умения непрерывно совершенствуются» [1, с. 12].

Список литературы

1. Кочергин И. В. Очерки методики обучения китайскому языку. М.: Муравей, 2000. 160 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2001. 536 с.
3. Ави Айвер. Школа Language Heroes. Техника Shadowing простыми словами. URL: <https://lplib.ru/shadowing> (дата обращения: 03.09.2021). Текст: электронный.
4. Omoshiroi-Nihongo Shadowing – отличная техника для изучения языков. URL: <https://www.omoshiroi-nihongo.com/http://site/uncategorized/shadowing-otlichnaya-tehnika-dlya-izucheniya-yazykov> (дата обращения: 03.09.2021). Текст: электронный.
5. Техника изучения языка от Александра Аргуэльеса. Shadowing. URL: <https://lcfreeway.com/tehnika-izucheniya-yazyka-shadowing-ot-aleksandra-arguelesa> (дата обращения: 03.09.2021). Текст: электронный.
6. Кристина Данилина. Студенческий бизнес-инкубатор «Агентство актуальных коммуникаций». Гун Мин о китайском языке и восточном мышлении. URL: <http://www.igumo.ru/collej/novosti/chinese/gun-min-o-kitayskom-yazyke-i-vostochnom-myshlenii> (дата обращения: 03.09.2021). Текст: электронный.
7. Девяткина О. Д. Рабочая программа по китайскому языку для 8-х классов (Из архива автора).
8. Instagram: [сайт]. URL: https://Instagram.com/olga_interpreter? (дата обращения: 03.09.2021). Текст: электронный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булдыгерова Анна Николаевна, старший преподаватель кафедры китайского языка ИФФ, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: annbuldigerova@mail.ru.

Богодухова Екатерина Евгеньевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ИФФ, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: 674232@mail.ru.

Ван Цзылун, научно-технический факультет, Хулунбуирский институт, АРВМ, г. Хайлар, КНР, e-mail: wzlsss@126.com.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, г. Москва, Россия, e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Гун Юй, научно-исследовательский отдел, Хулунбуирский институт, АРВМ, Хулунбуир, КНР, e-mail: 852337728@qq.com.

Емельченкова Елена Николаевна, доцент, и. о. зав. кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: emelchenkova@gmail.com.

Кочеткова Ольга Михайловна, старший преподаватель кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: o. m.kochetkova@gmail.com.

Куюмчэсян Анастасия Юрьевна, учитель китайского языка высшей категории, зам. директора по УВР по иностранным языкам, Многопрофильная языковая гимназия № 4, г. Чита, Россия, e-mail: nastya-1383@mail.ru.

Митькина Евгения Иосифовна, доцент кафедры китайской филологии, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: e.mitkina@spbu.ru.

Науменко Сергей Владимирович, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: naomianke@mail.ru.

Певнева Валерия Анатольевна, учитель китайского языка, Забайкальский краевой лицей-интернат, г. Чита, Россия, e-mail: firmhandshake@mail.ru.

Пляскина Екатерина Андреевна, аспирант ИФФ, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: katyushao1989@mail.ru.

Се Хуэйтин, спортивная школа зимних видов спорта, Хулунбуирский институт, АРВМ, г. Хулунбуир, КНР, e-mail: 124392061@qq.com.

Соктоева Оксана Цыренжаповна, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: oksana-tss@yandex.ru.

Соловьева Виктория Николаевна, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: viktoriasolovjeva@rambler.ru.

Сундueva Баира Мункобаторовна, лаборант кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: baira.sundueva@mail.ru.

Харлова Марина Геннадьевна, учитель китайского языка высшей категории, Многопрофильная языковая гимназия № 4, г. Чита, Россия, e-mail: m.harlova@ni-hao.info.

Цзоу Хун, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: zouhong@mail.ru.

Цуй Хунхай, Шаньдунский институт бизнеса и технологии, г. Яньтай, провинция Шандун, КНР, e-mail: cuihh@hotmail.com.

Шмарова Жанна Владимировна, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: shmarova73@mail.ru.

Юйшина Елена Александровна, доцент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: yuyshina@gmail.com.

Юйшин Максим Александрович, ассистент кафедры китайского языка, ЗабГУ, г. Чита, Россия, e-mail: waxcox@gmail.com.

Научное издание

Китайский язык: лингвистические и методические аспекты

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией,
при участии издательства*

Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 24.12.2021.
Форм. бум. 60×84/16. Бумага ксерографическая.
Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 12,7.
Тираж 35 экз. Заказ № 21209.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30